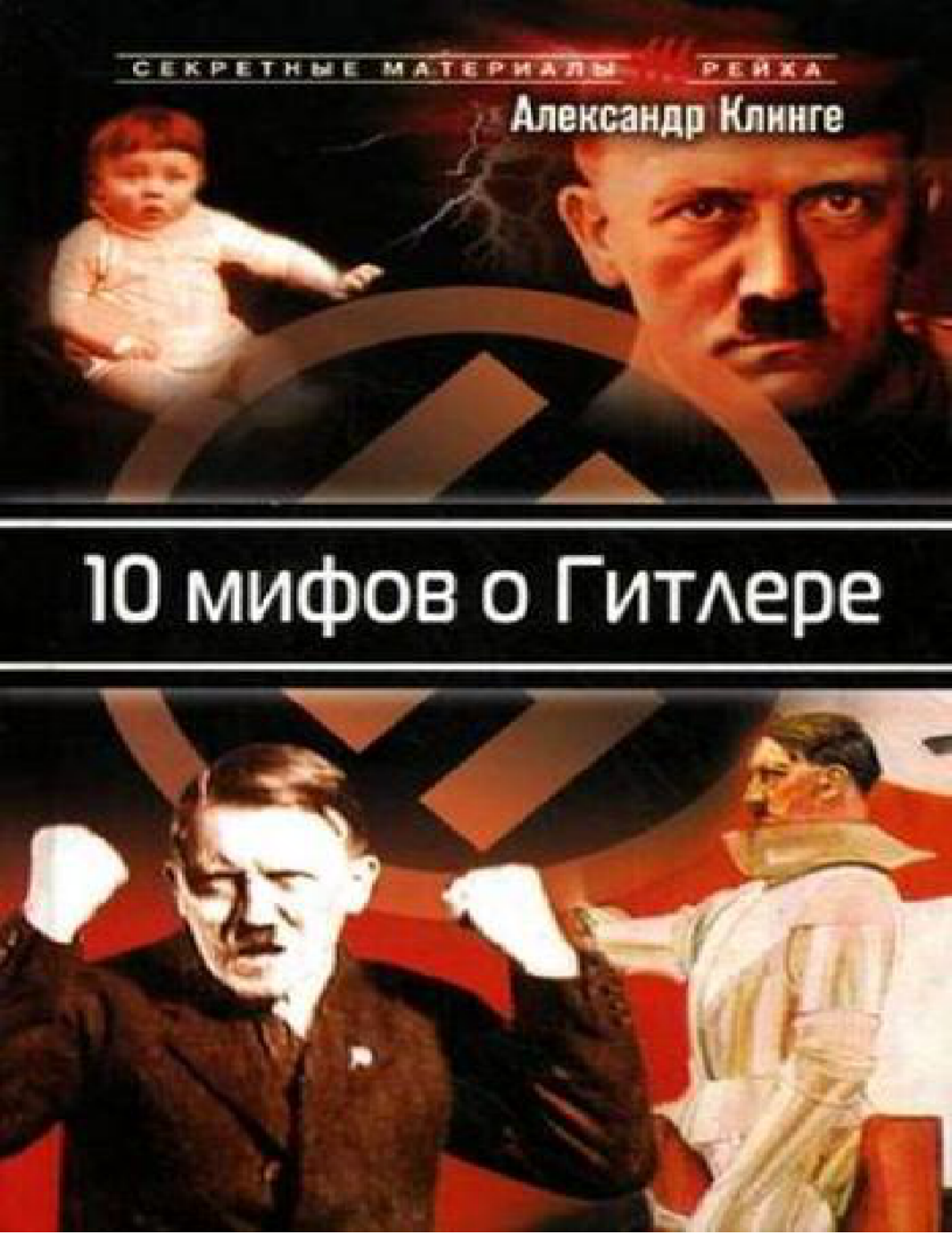
СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ III РЕЙХА
Александр Клинге
10 мифов о Гитлере

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Текла ли в жилах Гитлера еврейская кровь? Обладал ли он магической силой? Имел ли психические и сексуальные отклонения? Правы ли военачальники Третьего Рейха, утверждавшие, что фюрер помешал им выиграть войну? Удалось ли ему после поражения бежать в Южную Америку или Антарктиду?..

Нас потчуют мифами о Гитлере вот уже две трети века. До сих пор его представляют «бездарным мазилой» и тупым ефрейтором, волей случая дорвавшимся до власти, бесноватым ничтожеством с психологией мелкого лавочника, по любому поводу впадающим в истерику и брызжущим ядовитой слюной… На страницах этой книги предстает совсем другой Гитлер – талантливый художник, незаурядный политик, выдающийся стратег – порой на грани гениальности. Это – первая серьезная попытка взглянуть на фюрера непредвзято и беспристрастно, без идеологических шор и дежурных проклятий. Потому что ВРАГА НАДО ЗНАТЬ! Потому что видеть его сильные стороны – не значит его оправдывать! Потому что, принижая Гитлера, мы принижаем и подвиг наших дедов, победивших самого одаренного и страшного противника от начала времен!

- Александр Клинге
  - Предисловие
  - Миф № 1
  - Миф № 2
  - Миф № 3
  - Миф № 4
  - Миф № 5
  - Миф № 6
  - Миф № 7
  - Миф № 8
  - Миф № 9
  - Миф № 10

Александр Клинге
10 мифов о Гитлере

Предисловие
Адольф Гитлер – Хомо мифологикус

Пожалуй, за всю историю XX века не найдешь персону настолько мифологизированную, как ныне, к счастью, уже покойный лидер Третьего рейха Адольф Гитлер. Мифы, легенды и небылицы о нем сочинялись еще при его жизни, а уж после смерти он и вовсе превратился в персонажа многочисленных анекдотов, рассказов, кинофильмов. В том Адольфе Гитлере, какого мы знаем сегодня, нет практически ничего от реального человека. Остались обрывки биографических данных, немного портретных черт, пара характерных жестов и интонаций. Косая челка и чаплинские усики. Остальное уже давно стало добычей ноосферы. Превратилось в миф. В комедийный образ.

Что о нем знает средний россиянин? Что Гитлер был (или не был) гомосексуалистом, инопланетянином, медиумом, одержимым дьяволом, параноиком (или шизофреником), наркоманом… Многие уверены, что он был евреем. Хотя бы наполовину. Картины, написанные им, видели немногие, но все знают, что он был посредственным художником. О его смерти знают все, но некоторые уверены, что он умер позже, чем принято думать. Правды в этих представлениях меньше, чем вымысла.

Сегодня никого уже не интересует, каким был на самом деле этот опаснейший человек – один из самых страшных диктаторов минувшего столетия. И это не может не внушать опасений. Потому что, вернувшись вновь, зло может не озаботиться отращиванием челки.

Александр Клинге

Миф № 1
ЕВРЕЙСКАЯ КРОВЬ ГИТЛЕРА

Каждый раз, когда пишется биография какого-нибудь деятеля, оставившего глубокий след в истории, ее автор начинает с выяснения родословной своего персонажа. Вполне разумный и оправданный шаг – в конечном счете от того, в какой среде появился на свет и воспитывался будущий вершитель судеб человечества, зависят его личные качества, взгляды, убеждения – словом, очень многое в его последующей биографии. Впрочем, дотошные исследователи всегда стремятся найти как можно больше подробностей, залезть как можно дальше в глубь времен и с нескрываемой гордостью рассказать, что прапрапрадед их героя, оказывается, написал и издал под чужим именем сборник дурных стихов или тайком изменял своей жене…

Стремление отыскать побольше «жареных» фактов в родословной особенно характерно для биографов Гитлера. Связано это не в последнюю очередь с тем, что будущий «великий диктатор» происходил из не слишком оригинальной и не оставившей глубокого следа в истории семьи, что неизбежно влечет за собой появление множества «белых пятен». А там, где возникают «белые пятна», вскоре вырастают и мифы.

Именно таков миф о еврейском происхождении Гитлера, который начал активно циркулировать еще при его жизни. Версия о том, что враг евреев номер один сам был на четверть, если не наполовину евреем, выполняла сразу несколько важных функций. Во-первых, для праздной публики, а впоследствии – любителей исторических сенсаций она была весьма интересной изюминкой. Во-вторых, для противников Гитлера – в том числе и его соперников внутри национал-социалистического движения – этот миф служил целям дискредитации «фюрера»: посмотрите, этот пропагандист чистоты немецкой расы – сам скрытый еврей! В-третьих, этот миф охотно взяли на вооружение сторонники всевозможных «психологических» теорий, которые утверждают, что именно комплекс неполноценности из-за тщательно скрываемого еврейского происхождения сделал Гитлера ярым антисемитом и немецким националистом. Легенда о «Гитлере – еврее» была далеко не в последнюю очередь подхвачена современными ревизионистами и антисемитами, заявляющими, что раз наци номер один был евреем, то, получается, евреи сами виноваты во всех своих бедах. Впрочем, с этой версией мы еще разберемся отдельно. Пока же попробуем определить, имеют ли

слухи о наличии в жилах Гитлера еврейской крови хоть какое-нибудь основание.

Если бы в родословной Гитлера было все так же ясно и четко, как это впоследствии требовалось от кандидатов в СС, миф о еврейском происхождении нацистского лидера был бы давно вытеснен на страницы совсем желтых газет и на задворки маргинальных сайтов. Но по уже указанной выше причине многие подробности жизни тех, кто имел к рождению Адольфа непосредственное отношение, покрыты туманом.

Сама легенда о «Гитлере – еврее» выглядит примерно следующим образом. Отец Адольфа, Алоиз Шикльгрубер, был незаконнорожденным сыном служанки, работавшей в доме Ротшильдов. По некоторым данным, там за ней весьма активно и, как утверждают сторонники мифа, небезуспешно ухаживал один из членов этой семьи. Впоследствии бабка Адольфа вышла замуж за Иоганна Георга Хидлера, который, по некоторым сведениям, являлся потомком весьма богатого рода чешских евреев. Впоследствии, когда Алоиз взял себе фамилию отчима, ее стали писать как «Гитлер». Отец Адольфа был женат три раза – в третий раз на Кларе Пельцль, которую некоторые также считают еврейкой. Именно она и произвела в 1889 году на свет будущего «великого диктатора».

Сторонники еврейского происхождения Гитлера оперируют множеством фактов, некоторые из которых стоило бы с полным правом отнести к разряду выдумок. Во-первых, они ссылаются на то, что дыма без огня не бывает и упорно циркулировавшие слухи просто обязаны на чем-то основываться. Во-вторых, весьма загадочным представляется поведение самого «фюрера», который, придя к власти, всячески препятствовал пролитию света на свою родословную и, по слухам, даже уничтожил кое-какие важные документы. Но не все – в 1928 году австрийская полиция, проведя дотошное расследование, однозначно установила, что дед Гитлера был евреем. Того же мнения придерживаются и авторы совершенно секретного исследования, проведенного в 1943 году в Гарварде. В конце концов, множество свидетельств еврейского происхождения Гитлера собрал известный британский исследователь Дэвид Ирвинг…

Другой вопрос, что большинство документов, собранных Ирвингом, сами по себе носят вторичный характер и являются, по большому счету, записями слухов. Забавный, но достаточно распространенный случай – миф, существующий довольно долго, начинает как бы доказывать сам себя. Собственно говоря, немало для его распространения сделал главный фигурант. Еще в начале 1920-х годов, встав во главе тогда еще маленькой НСДАП, Гитлер

старательно укутывает туманом свое происхождение. Даже в книге «Майн кампф» – по сути, автобиографии – он посвящает своим родителям лишь пару строчек. «Отец был добросовестным государственным чиновником, мать занималась домашним хозяйством, равномерно деля свою любовь между всеми нами – ее детьми» – вот, пожалуй, и все, если не считать рассказа о том, как именно его отцу удалось построить свою карьеру. Один из биографов Гитлера, Вернер Мазер, объясняет это тем, что «фюрер», хорошо знакомый с греческой и римской мифологией, пытался таким образом подражать античным героям, вознесенным над простыми смертными во многом за счет весьма туманного происхождения. Так это или нет, но на самом деле Адольф добился лишь появления легенд, которые становились тем популярней, чем больший вес он приобретал на политической сцене.

…14 октября 1933 года номер «Дейли Мэйл» был буквально нарасхват. Еще бы – ведь в нем был опубликован снимок надгробного памятника некоего Адольфа Гитлера, похороненного на еврейском кладбище в Бухаресте. Именно этот человек, по утверждению журналистов издания, был дедом действующего рейхсканцлера Германии. Статью и снимок перепечатали многие газеты – теперь еврейское происхождение лидера национал-социалистов доказано! Правда, вскоре выяснилось, что бухарестский еврей никак не мог приходиться дедом «фюреру» – хотя бы потому, что родился всего на 5 лет раньше, чем его отец…

В 1946 году, уже после самоубийства Гитлера, громыхнула новая сенсация – так называемые «записки Франка». Ганс Франк, генерал-губернатор Польши в течение всей Второй мировой войны, уже будучи среди обвиняемых на Нюрнбергском процессе, принял католическую веру и в письменном виде рассказал о якобы известных ему фактах. Франк был повешен по приговору трибунала, но его «признание» продолжает жить и считается едва ли не самым веским доказательством еврейского происхождения Гитлера. Процитируем его целиком:

«Однажды, примерно в конце 1930 г., меня вызвали к Гитлеру… Он показал мне какое-то письмо и сказал, что это «отвратительный шантаж» со стороны одного из самых противных его родственников, которое касается его, Гитлера, происхождения. Если не ошибаюсь, это был сын его сводного брата Алоиза Гитлера (от второго брака отца Гитлера), который делал тонкие намеки, что «в связи с известными высказываниями в прессе вы должны быть заинтересованы в том, чтобы не выносить на всеобщее обсуждение определенные обстоятельства

истории нашей семьи». Высказывания в прессе, о которых говорилось в письме, заключались в том, что «у Гитлера течет в жилах еврейская кровь, в связи с чем он не имеет ни малейшего права проповедовать антисемитизм». Однако они носили слишком общий характер и не давали поводов для ответных мер. В пылу борьбы все это проходило незамеченным. Но эти намеки с целью шантажа, исходившие из семейных кругов, заставляли задуматься. По поручению Гитлера я деликатно изучил ситуацию. В целом мне удалось установить из различных источников следующее: отец Гитлера был внебрачным ребенком поварихи по фамилии Шикльгрубер из Леондинга неподалеку от Линца, которая работала по найму в одной семье в Граце. В соответствии с законом, по которому внебрачный ребенок должен носить фамилию матери, он жил примерно до четырнадцатилетнего возраста под фамилией Шикльгрубер. Когда его мать, то есть бабушка Адольфа Гитлера, вышла замуж за некоего господина Гитлера, внебрачный ребенок, то есть отец Адольфа Гитлера, был в правовом отношении признан сыном семьи Гитлера и Шикльгрубер. Все это понятно, и в этом нет абсолютно ничего необычного. Но самое удивительное в этой истории следующее: когда эта повариха Шикльгрубер, бабка Адольфа Гитлера, родила ребенка, она работала в еврейской семье Франкенбергеров. И этот Франкенбергер платил ей за своего сына, которому было в то время примерно девятнадцать лет, алименты вплоть до четырнадцатилетия ее ребенка. Впоследствии имела место переписка между Франкенбергерами и бабкой Гитлера, длившаяся несколько лет. Общий смысл этой переписки сводился к обоюдному молчаливому признанию, что внебрачный сын Шикльгрубер был зачат в обстоятельствах, которые заставляют Франкенбергеров платить на него алименты. Эти письма долгие годы хранились у одной дамы, которая состояла в родстве с Адольфом Гитлером через Раубалей и жила в Ветцельсдорфе неподалеку от Граца… Следовательно, по моему мнению, совершенно не исключена возможность того, что отец Гитлера был наполовину евреем, происходя от внебрачной связи Шикльгрубер и еврея из Граца. Исходя из этого, Гитлер в таком случае был на четверть евреем».

На самом деле, в этом письме существует достаточно много нестыковок. Начнем с того, что выплата алиментов в середине XIX века в Австрии попросту не применялась. Далее. Не существует никаких доказательств того, что в 1836 году – время зачатия Алоиза – его мать была в Граце. И, наконец, самое тщательное исследование документов не помогло обнаружить в этом городе ни одного человека с фамилией Франкенбергер или

похожей по написанию. Скорее всего, в это время в городе вообще не проживал на постоянной основе ни один еврей – все еще действовало дискриминационное законодательство, восходившее своими корнями аж в конец XV столетия.

Сторонники версии о том, что Франк пишет правду, упирают на то, что у него не было очевидных мотивов для вранья. Но психология приговоренного к смерти (а когда Франк писал свой документ, сомнений в скорой казни уже не было) – штука довольно странная и причудливая. Существует предположение, что свежеиспеченный католик Франк хотел тем самым снизить ответственность своей Церкви за преступления Гитлера, который, как известно, родился и вырос в католической Австрии, и возложить часть вины на евреев. Возможно, это так, возможно, подсудимый просто развлекался подобным образом. Правды мы, видимо, не узнаем уже никогда, но это не повод верить словам Франка, особенно учитывая, что перечисленные в документе факты не находят подтверждения или просто не соответствуют действительности.

Что ж, попробуем посмотреть, как все было на самом деле.

Действительно, в родословной Гитлера не так уж и много бесспорных фактов. Один из них – это то, что отцом Адольфа был Алоиз Гитлер, а матерью – его третья жена Клара, урожденная Пельцль. А дальше начинаются загадки.

Те, кто называют Алоиза незаконнорожденным сыном, во многом правы. Более того, первые 39 лет своей жизни он носил фамилию матери. Родившийся в 1837 году, он был только в 1876 году официально усыновлен мужем своей матери, Марии Анны Шикльгрубер, Иоганном Георгом Хидлером, несмотря на то что сам брак был зарегистрирован в 1842 году. В самом факте появления на свет внебрачного ребенка нет ничего необычного – в середине XIX века в Нижней Австрии незаконнорожденными были до 40 % детей. Впоследствии один из сыновей Алоиза, носивший имя отца и ставший старшим братом Адольфа Гитлера, также появился на свет вне брака – лишь чуть позднее его родители поженятся, и Алоиз-старший признает сына. Однако он сделает это сразу, не дожидаясь, пока «ребенку» стукнет почти сорок.

Итак, первый вопрос: мог ли быть отчим Алоиза Шикльгрубера, Иоганн Георг Хидлер, его настоящим отцом? Теоретически, конечно, мог. Но тогда встает законный вопрос: почему он так долго тянул с женитьбой, а главное, с признанием сына? С другой стороны, если он не являлся законным отцом и не признавал Алоиза в течение десятилетий, зачем ему понадобилось делать это на склоне лет?

Пока оставим эти вопросы без ответа. Сперва обратимся к

обстоятельствам появления на свет Алоиза Гитлера.

Начнем с того, что его мать вовсе не была молоденькой неопытной девушкой, как мог бы подумать неискушенный читатель. На момент, когда она родила Алоиза, своего первого и единственного ребенка, ей исполнилось целых 42 года. Происходившая из крестьянской семьи, она действительно длительное время работала прислугой, но вовсе не была абсолютной бесприданницей, как об этом часто говорили и писали. Естественно, зажиточной женщиной Марию Анну нельзя назвать даже в первом приближении, тем не менее некоторые денежные сбережения у нее имелись. После смерти матери в 1821 году она получила в наследство довольно большую сумму в 74 гульдена (для сравнения: корова в те времена стоила около 10 гульденов), которую положила в сберегательную кассу и медленно, но верно приумножала.

В 1837 году в деревушке Штронес, где живет ее отец, Мария Анна производит на свет сына. Происходит это не под родительским кровом, как было бы логично предположить, а в доме крестьянина Иоганна Труммельшлагера. Впоследствии это обстоятельство послужит поводом для версии о том, что именно последний – а он станет крестным отцом Алоиза – и был настоящим родителем ребенка. Но эта версия не выдерживает никакой критики. Во-первых, Иоганн Труммельшлагер не оставил по завещанию ни гроша ни Марии Анне, ни Алоизу, что обязательно произошло бы, будь он отцом, пусть даже не желавшим признавать свое отцовство. Во-вторых, то, что Мария Анна пришла рожать именно в его дом, объясняется очень просто и без всякой интриги: дом этот был куплен Труммельшлагером не у кого-нибудь, а у родителей Марии Анны. При этом в договоре купли-продажи было закреплено обязательство покупателя позволить продавцам жить в пристройке к дому, и этим правом действительно пользовался дед Алоиза. Так что кров, под которым Мария Анна произвела на свет отпрыска, был ей совсем не чужим.

Что же происходит дальше? Мать с ребенком живет у родственников, пока в 1842 году не выходит замуж за Иоганна Георга Хидлера. Это был не слишком удачный брак: подмастерье мельника, Иоганн Георг не отличался трудолюбием и даже не имел собственного жилья, постоянно скитаясь по домам родственников. Мария Анна прожила с ним в браке пять лет в весьма стесненных условиях, после чего скончалась. Маленький Алоиз был практически сразу после свадьбы отправлен к брату своего отчима, Иоганну Непомуку Хюттлеру, в деревушку Шпиталь, где и жил много лет.

Иоганн Непомук сыграл в судьбе отца Адольфа Гитлера огромную роль. Можно сказать, что именно благодаря ему мальчик из небогатой крестьянской семьи смог выбиться в люди, став австрийским королевским чиновником. Иоганн Непомук не только заботился об Алоизе в течение многих лет, но и, очевидно, оставил ему весьма неплохое состояние после смерти. Причем сделал это достаточно простым и радикальным путем – незадолго до собственной кончины передав «племяннику» большую сумму наличными. Первыми это обнаружили законные наследники – дочь и зять, которые, вскрыв завещание, с изумлением обнаружили, что денег у Иоганна Непомука, оказывается, не было! В это верилось слабо, поскольку покойный был весьма рачительным хозяином и обладал неплохими деловыми задатками. Наследники сразу же решили, что дорогу им перешел Алоиз – и, судя по всему, не ошиблись: в этом же году «племянник» покупает в деревушке Вернхартс неподалеку от Шпиталя большой дом с земельным участком. Покупка обошлась ему почти в 5 тысяч гульденов – самостоятельно скопить такие деньги чиновник бы не смог. Кроме того, известно, что с этого момента он становится обладателем довольно неплохого состояния, которое продолжало кормить его сына Адольфа чуть ли не до начала Первой мировой войны.

Однако этим благодеяния Иоганна Непомука в отношении «племянника» не ограничиваются. Судя по всему, именно по его инициативе и его стараниями в 1876 году произошло признание Алоиза сыном Иоганна Георга Хидлера. Последний не мог принимать никакого участия в этой процедуре, поскольку скончался в 1857 году. Поэтому одно из самых важных правил процедуры усыновления – письменное или устное заявление отца – соблюдено не было. Это даже вызвало переписку между различными австрийскими ведомствами о том, насколько законной была вся процедура. Итог оказался положительным для Алоиза; в отправленном 25 ноября 1876 года письме, подписанном епископом в Сент-Пельтене, говорится: «В соответствии с Вашим досточтимым посланием, ординариат епископа имеет честь доложить Вам свои скромные соображения о том, что запись об усыновлении Алоиза Шикльгрубера, родившегося 7 июня 1837 года у супругов Георга Гитлера и М. Анны Гитлер, урожденной Шикльгрубер, и внесение ее в метрику церкви Деллерсхайма тамошним священником отвечает предписаниям министра внутренних дел от 12 сентября 1868 г.».

Видимо, именно в процессе внесения записи в церковные метрики изменилась фамилия: вместо «Хидлер» было написано «Хитлер» (в традиционной русской транскрипции – Гитлер).

Такие ошибки в XIX веке происходили сплошь и рядом, и, поскольку дело касалось людей не знатного происхождения, на них не обращали внимания.

Для чего было нужно это признание? Почему Иоганн Непомук так проникся судьбой «племянника», если его брат, судя по всему, был полностью уверен, что Алоиз – не его сын? Судя по всему, речь идет совершенно не о простой симпатии. Множество косвенных доказательств указывает на то, что Иоганн Непомук и был настоящим отцом Алоиза.

Действительно, есть данные о том, что Мария Анна Шикльгрубер неоднократно бывала в Штронасе до рождения своего сына и была близко знакома с Иоганном Непомуком. После того как Алоиз появился на свет, настоящий отец, которому в это время исполнилось 30 лет, стал думать о том, как бы забрать незаконнорожденного отпрыска к себе. Официально признать отцовство он не может ни в коем случае – еще жива его жена, Ева Мария, которая старше его на 15 лет и которая на тот момент является фактическим главой семьи. Поэтому в голове изобретательного крестьянина возникает блестящая комбинация: выдать любовницу за своего бездельника-брата, а ребенка забрать к себе на воспитание. План сработал: Ева Мария, судя по всему, так и не догадалась, что в ее доме живет незаконнорожденный сын ее мужа.

Хочу еще раз подчеркнуть: речь идет не о стопроцентно установленном факте, а всего лишь о весьма правдоподобной версии. Несмотря на все усилия биографов, другого, хотя бы приблизительно столь же вероятного варианта развития событий просто не существует. Тем более иногда циркулирующие версии еврейского происхождения Адольфа Гитлера никакой критики не выдерживают. Даже если отцом Алоиза был не Иоганн Непомук Хюттлер (что маловероятно), этот человек однозначно являлся австрийским крестьянином без малейшей примеси еврейской крови. Чтобы опровергнуть иногда встречающиеся домыслы, упомяну о том, что никаких еврейских семейств, которые носили бы фамилию Хидлер, историкам не известно.

Теперь вернемся к другому возможному источнику «еврейской крови» – матери Адольфа Гитлера, Кларе Пельцль. Первое же знакомство с ее биографией позволяет понять, почему «великий диктатор» впоследствии так тщательно укутывал туманом историю своей семьи. Дело в том, что Клара Пельцль была дочерью Иоганна Баптиста Пельцля, обычного австрийского крестьянина, и… Иоганны Хюттлер, которая приходилась родной и совершенно законной дочерью Иоганну Непомуку Хюттлеру! Фактически она была племянницей Алоиза. Подруга юности отца

Гитлера, она впоследствии стала его третьей женой, а любовницей, скорее всего, являлась намного раньше.

Итак, подведем итог: Адольф Гитлер появился на свет в результате инцеста. Знал ли он сам об этом? Судя по всему, если не был уверен на сто процентов, то, по крайней мере, догадывался. Этим объясняются его неоднократные положительные высказывания об инцесте – например в 1918 году: «Благодаря тысячелетнему кровосмешению евреи сохранили свою расу и свои особенности лучше, чем многие народы, среди которых они живут». Одновременно Гитлер очень боялся иметь ребенка, поскольку опасался, что тот родится уродом – возможные негативные последствия кровосмешения. Будущий «фюрер» в немалой степени способствовал созданию в своей родословной белого пятна, которое затем послужит основой для появления одного из самых живучих мифов о нем – мифа о его еврейском происхождении.

Однако почему этот миф так живуч? Только ли потому, что он выглядит скандальным, «жареным» фактом? Нет. Он по сегодняшний день активно используется ревизионистами всех мастей для того, чтобы обелить Третий рейх или даже выставить Адольфа Гитлера тайным агентом сионизма. Абсурд? Увы, так считают далеко не все.

Версия о том, что «Гитлер был евреем, а значит, евреи сами виноваты в своей массовой гибели в годы Второй мировой войны», появилась на свет едва ли не раньше, чем «великий диктатор» покончил с собой в бункере Имперской канцелярии. И очень скоро от нее отпочковался новый миф: никакого массового убийства евреев не было. Холокост – якобы выдумка победителей, подхваченная мировым еврейством. Именно распространяя ложь о массовых этнических чистках, сионисты добились того, что им разрешили создать государство Израиль. И так далее.

Сторонников этой идеи стали называть обобщенно – «ревизионисты». На самом деле это совершенно разные группы людей, которые пропагандируют вышеуказанную легенду по совершенно различным мотивам. Среди них – антисемиты и неонацисты, которые пытаются доказать, что Третий рейх был раем земным, а нацисты сами во всем виноваты; европейские и американские консерваторы, которым неприятна даже мысль о том, что цивилизованный белый человек мог построить лагеря смерти и уничтожить в них миллионы людей; представители арабских стран, которые надеются таким образом лишить всяких законных оснований существование еврейского государства, а также многие другие. Подробно рассматривать их взгляды, равно как и опровергать их, не входит в задачи нашей работы – для

этого потребовалась бы целая книга, каковая, кстати, уже есть, и даже не одна; заинтересованному и любознательному читателю рекомендую обратиться, например, к работе Джона Циммермана «Отрицание Холокоста». Здесь же я ограничусь кратким обзором основных аргументов ревизионистов и их опровержением.

Вся концепция ревизионизма строится, по большому счету, на нескольких утверждениях. Первое – в Европе до Второй мировой войны просто не было тех шести миллионов евреев, о гибели которых заявляют историки Холокоста. А если и были, то подавляющее их большинство успело покинуть зону влияния Третьего рейха или было оттуда выселено. Второй аргумент – до сих пор не обнаружено письменного приказа о начале массового уничтожения европейских евреев. Более того, не существует даже каких-либо общих планов такого уничтожения. При этом, если бы такие документы существовали, они должны были бы сохраниться – сжечь их все просто бы не успели. Основная доказательная база Холокоста строится на показаниях свидетелей, которые самым существенным образом расходятся друг с другом. И, наконец, в концентрационных лагерях, которые на самом деле никогда не были лагерями смерти, просто не было технической возможности произвести уничтожение такого числа людей. В комнатах, которые якобы использовались как газовые камеры, на стенах не обнаружено и следа цианида, которым, как утверждается, уничтожали людей. К тому же знаменитый газ «Циклон-Б» действует довольно медленно, и заявленная производительность газовых камер попросту нереальна. То же касается и крематориев – производительность печей примерно в 4 раза ниже, чем об этом заявляют историки, и использовались они, следовательно, всего лишь для сжигания умерших естественной смертью людей.

Надо сказать, что весьма полезной для ревизионистов оказалась реакция международного сообщества на их действия. ООН в 2007 году приняла резолюцию, осуждающую отрицание Холокоста. В соответствии с законодательством ряда европейских стран отрицание Холокоста является уголовным преступлением, за которое вполне могут посадить за решетку, что, к слову сказать, и произошло с историком-ревизионистом Дэвидом Ирвингом. Эффективность таких мер весьма сомнительна, зато ореол мучеников, пострадавших за правду, они ревизионистам создали. Вот что, к примеру, пишет в своей книге один из самых известных современных отрицателей Холокоста Юрген Граф:

«Холокост» в силу своей исторической и технической абсурдности сам в себе с самого начала содержит свое опровержение. Но барыши от великой лжи только возрастали. Ради них пропаганду «холокоста» в подвластных СМИ

наращивали до шизофрении. По сей день происходит так, что, чем дальше в прошлое уходит война, тем воспаленнее делается травля, во все большем числе стран надевают тоталитарные намордники, принимают запреты на мышление. В течение еще какого-то, но уже короткого времени еще будет удаваться ревизионистов упрятывать за решетку, однако слом монополии на информацию ускоряет конец величайшей в мировой истории лжи».

Как же бороться с ревизионистами, если не уголовными методами? Как и со всеми остальными фальсификаторами истории – правдой и только правдой. Данных для этого достаточно. К примеру, еще ни одному ревизионисту не удалось убедительно объяснить: куда же именно бежали – или были выселены – миллионы евреев с территорий, подконтрольных Третьему рейху? Разумеется, какой-то их части действительно удалось выехать в безопасные страны. Но это касалось в первую очередь весьма обеспеченных людей, которых, вопреки всем стереотипам, в общей массе европейских евреев (особенно если мы говорим о Восточной Европе) было не так уж и много. Их менее состоятельным соотечественникам бежать было особо некуда и не на что. В предвоенной Европе, охваченной кризисом, никто не горел желанием принимать беженцев, а после начала Второй мировой отъезд и подавно стал невозможен. Надо сказать, что планы по массовому переселению евреев у верхушки Третьего рейха действительно были. В качестве возможных «пунктов назначения» указывались Мадагаскар и восточная часть Советского Союза. Но мечты о том, чтобы установить свое влияние на этих территориях, к 1942 году постепенно начали развеиваться. Оставалось только убивать…

Отсутствие документов относительно такого убийства – тоже миф. Конечно, красиво оформленного плана Холокоста на мелованной бумаге с личной подписью Гитлера и парой круглых синих печатей не существует. Вопрос заключается в том, а нужен ли он был самим организаторам уничтожения евреев? Думается, нет. А вот документы более низкого уровня, касающиеся реализации и итогов массового убийства, имеются в изобилии. В качестве примера можно упомянуть секретный «Статистический отчет об окончательном решении еврейского вопроса» от 31 марта 1943 года, подготовленный сотрудниками СС. В нем, к слову сказать, указана численность европейских евреев перед войной – 10,3 миллиона человек. В нем с определенной гордостью говорится, что за последние 10 лет на подконтрольных рейху территориях число евреев удалось уменьшить на 3 миллиона человек. Явно не пропагандой контрацепции.

Теперь – к показаниям свидетелей. Начну с небольшой ремарки: различия в показаниях не означают их ложности. Более того, показания свидетелей обязаны расходиться. Об этом написано в любом учебнике по психологии или криминалистике, это подтвердит любой более или менее грамотный следователь. Если показания свидетелей совпадают до мелочей – это как раз и есть повод насторожиться: скорее всего, речь идет о заранее согласованной легенде. Реальные же показания могут расходиться не только в деталях, но и в главном: так, в ходе эксперимента свидетели ДТП не смогли сойтись во мнении о том, какого цвета машина сбила пешехода, откуда она двигалась, автобус это был или грузовик и так далее.

Поэтому расхождения в показателях свидетелей – не повод заявлять, что преступления не было. А показаний масса, причем не только от узников лагерей, но и от исполнителей. «Я вижу свою задачу в том, чтобы теперь, в настоящее время, откровенно рассказать о тех событиях, которые произошли со мной, и выступить против отрицателей холокоста, которые утверждают, что Освенцима никогда не было. И именно поэтому я – здесь сегодня. Поскольку я хочу сказать тем отрицателям: я видел газовые камеры, я видел крематории, я видел ямы, где сжигали трупы, и я хочу, чтобы вы верили мне, что эти злодеяния случились. Я был там», – заявил, например, бывший охранник концлагеря Оскар Гренинг. Ревизионисты, правда, утверждают, что большинство таких показаний было дано под давлением победителей, но можно ли это сказать о дневниковых записях, сделанных Геббельсом в 1942 году? А в них говорится буквально следующее:

«14 февраля 1942 года. Фюрер еще раз выразил свою готовность безжалостно очистить Европу от евреев. Здесь не должно быть никакого щепетильного сентиментализма. Евреи заслужили катастрофу, которая теперь с ними происходит. Их уничтожение будет идти вместе с уничтожением наших врагов. Мы должны ускорить этот процесс с холодной безжалостностью.

27 марта 1942 года. Это довольно-таки варварская процедура, и она не будет здесь описана в точности. Евреев останется мало. В целом, можно сказать, что около 60 процентов из них придется ликвидировать, и лишь 40 процентов можно использовать в качестве рабочей силы».

Теперь о технических возможностях. Оценивать производительность крематориев – вещь довольно сложная, и заниматься этим надо техническим специалистам, а не дилетантам от истории. В любом случае делать выводы о возможностях лагерных печей на основании данных о

«гражданских» крематориях, как это делают ревизионисты, нельзя. Иначе получится, что и печь, сжигавшая тела в блокадном Ленинграде, всего лишь выдумка злобных сионистов. Что касается газовых камер, то исследования, проведенные польскими учеными в 1994 году, показали наличие производных цианида в развалинах газовых камер.

В общем-то, этих доказательств вполне достаточно для того, чтобы подтвердить: Холокост – целенаправленное уничтожение 6 миллионов евреев – достоверный исторический факт. Гитлер вовсе не был тайным агентом сионизма, причем независимо от того, была в его жилах хоть капля еврейской крови или нет.

Миф № 2
ГИТЛЕР – БЕЗДАРНЫЙ ХУДОЖНИК

В детстве все мы привыкли делить людей на хороших и плохих. Причем со свойственным раннему возрасту максимализмом полагали, что хороший человек обязательно хорош во всем и лишен даже малейших изъянов, а плохой, наоборот, сплошь состоит из отрицательных черт. У большинства это проходит с возрастом, по крайней мере, когда дело касается непосредственно окружающих нас людей – знакомых, родственников, коллег по работе… А вот отношение к историческим личностям остается, как правило, строго «черно-белым». «Положительный герой» истории не должен в наших глазах иметь ни одного изъяна, а «инфернальный злодей» – не обладать ни одним положительным качеством. В противном случае они моментально перестают быть героями и злодеями.

Совершенно естественно, что эта картина мира находит отражение в художественных произведениях. Но вот когда она появляется на страницах исторических произведений, это уже очень опасно. Потому что восприятие истории на уровне детских комиксов не позволяет ни проанализировать события и процессы, ни извлечь из них какие бы то ни было уроки. Именно это часто происходит с историей Третьего рейха в целом и фигурой Гитлера в частности. Фюрера принято обвинять не только в многочисленных преступлениях, которые он действительно совершил, но и изображать совершенно бездарной личностью. Прекрасную возможность для этого предоставляет его несостоявшаяся карьера в области изобразительных искусств.

Картины Гитлера видели немногие. Их репродукции не купишь в художественных салонах. Тем не менее о них принято рассуждать по старинному принципу «не видел, но осуждаю». Авторы многочисленных популярных книг обвиняют лидера Третьего рейха в том, что он писал «невыразительные, холодные акварели-открытки» и вообще был бездарен. Разумеется, определенная логика в их утверждениях есть: сама мысль о том, что злодей такого масштаба, виновный в миллионах и миллиардах смертей, мог делать что бы то ни было созидательное, противна человеческому рассудку. Именно поэтому, к примеру, было принято обвинять в бездарности императора Нерона – дескать, и голос у него был слабый и противный, и стихи он писал плохие.

О качестве пения рыжебородого римлянина мы, разумеется,

судить не можем, да и из стихов его сохранился не то один, не то два отрывка. А вот творчество Гитлера вполне доступно. По крайней мере, дошло до наших дней в большом объеме. Всего, по оценкам историков, Гитлеру приписывается авторство около 3400 картин, эскизов и рисунков. Поэтому познакомиться с ними реально, причем для этого достаточно залезть в Интернет – в отличие от нацистской символики, под запретом они не находятся. К сведению желающих более подробно разобраться в этом вопросе – совсем недавно под заголовком «Художник против поэта» была опубликована сравнительная биография Гитлера и Сталина, принадлежащая перу молодого петербургского историка С. Кормилицына. В этой оставшейся почти незамеченной книге впервые было нарушено табу на публикацию гитлеровских картин. Сохранились и отзывы видевших картины будущего фюрера национал-социалистов в те времена, когда мысль о строительстве национального государства еще не пришла в голову юному Адольфу. То есть тогда, когда льстить ему было абсолютно бессмысленно, а демонизировать – тем более. Отзывы, скажем сразу, весьма и весьма противоречивые.

Так бездарным был Гитлер художником или вполне приличным? Ответ на этот вопрос дать довольно сложно, потому что искусствоведы, видя подпись автора на картине, сразу же становятся пристрастны и выдвигают оценки не полотна, а, скорее, личности автора, государства, которое он впоследствии возглавил, и войны, которую он развязал. Впрочем, даже в отношении куда менее одиозных личностей мнения экспертов редко бывают единодушными – по той простой причине, что, как говорит русская пословица, на вкус и цвет товарища нет, и оценка любого художественного произведения – дело весьма и весьма субъективное. Поэтому, вероятно, каждому предстоит решать этот вопрос для себя самостоятельно.

И все же давайте хотя бы на время откажемся от устоявшегося представления о Гитлере как о бездарном художнике. А для начала посмотрим на те факты его биографии, которые напрямую связаны с живописью.

Ремесло художника будущий «рейхсканцлер и фюрер германской нации» избрал еще в детстве. Надо сказать, что, по мнению большинства исследователей, рисовальщиком он был все-таки весьма неплохим, и художественный вкус имел, что называется, от бога. Малоизвестный факт – дизайн «Фольксвагена-жука», ставшего в послевоенные годы культовым автомобилем, был придуман именно им. Уже в зрелом возрасте, сидя в кафе с Альбертом Шпеером, он нацарапал ставшие знаменитыми очертания этой машины пером на салфетке. И

воплощенный в металле «жук» вполне соответствует своему некогда бегло нарисованному образу. Разумеется, концерн «Фольксваген» после войны старался не акцентировать на этом внимание, равно как и на том, что своим происхождением он обязан именно Третьему рейху.

Было бы неправдой говорить о том, что Гитлер в течение всех своих детских лет целеустремленно шел к художественной карьере. Сперва Адольфом владела совсем иная мечта – о военной карьере. Что было вполне естественно: в любом государстве, где армия играет важную роль в жизни общества, мечта стать солдатом естественна для любого здорового мальчика. Тем более если учитывать атмосферу в обществе последних лет XIX века, буквально пропитанную милитаризмом, когда подвиги на поле боя считались едва ли не главным воплощением мужских качеств, а самой распространенной одеждой для мальчиков был матросский костюмчик. Но солдатами хотели стать все, а умел рисовать среди своих приятелей по детским играм один Адольф. А какой же мальчишка не хочет выделиться из толпы, продемонстрировать, что он лучше других хотя бы в чем-то?! Поэтому мысль о ремесле художника постепенно овладела Адольфом, и к подростковому возрасту он укрепился в этом намерении окончательно.

Все было бы хорошо, если бы подросток не поделился своими планами на жизнь с отцом. Алоиз Хидлер был человеком суровым и решительным. Выходец из крестьянской среды, он добился всего в своей жизни сам и очень гордился тем, что ему удалось стать государственным служащим – таможенным чиновником. Это и правда был очень почетный статус, особенно для провинции, предполагавший стабильный доход, уважение близких, социальные гарантии и так далее. Одним словом, прямая противоположность всему, что связано с непростой биографией большинства тогдашних художников. Поэтому детскую мечту сына о службе в армии он воспринял вполне спокойно, а вот решение зарабатывать себе на жизнь кистью и красками вызвало у него раздражение и гнев. Тем более что Адольф не просто хотел заниматься живописью в свободное от работы время, а выказывал открытое нежелание идти по стопам отца, не считал перспективу карьеры чиновника сколь бы то ни было заслуживающей внимания. «Пока планы отца сделать из меня государственного чиновника наталкивались только на мое принципиальное отвращение к профессии чиновника, конфликт не принимал острой формы, – вспоминал он. – Я мог не всегда возражать отцу и больше отмалчиваться. Мне было достаточно моей собственной внутренней решимости отказаться от этой

карьеры, когда придет время. Это решение я принял и считал его непоколебимым. Пока я просто молчал, взаимоотношения с отцом были сносные. Хуже стало дело, когда мне пришлось начать противопоставлять свой собственный план плану отца, а это началось уже с 12-летнего возраста. Как это случилось, я и сам теперь не знаю, но в один прекрасный день мне стало вполне ясным, что я должен стать художником. Мои способности к рисованию были бесспорны – они же послужили одним из доводов для моего отца отдать меня в реальную школу. Но отец никогда не допускал и мысли, что это может стать моей профессией. Напротив! Когда я впервые, отклонив еще раз излюбленную идею отца, на вопрос, кем бы я сам хотел стать, сказал – художником, отец был поражен и изумлен до последней степени. «Рисовальщиком? Художником?» Ему показалось, что я рехнулся или он ослышался. Но когда я точно и ясно подтвердил ему свою мысль, он набросился на меня со всей решительностью своего характера. Об этом не может быть и речи. «Художником?! Нет, никогда, пока я жив!» Но так как сын в числе других черт унаследовал от отца и его упрямство, то с той же решительностью и упорством он повторил ему свой собственный ответ. Обе стороны остались при своем. Отец настаивал на своем «никогда!», а я еще и еще раз заявлял «непременно буду». Конечно, этот разговор имел невеселые последствия. Старик ожесточился против меня, а я, несмотря на мою любовь к отцу, – в свою очередь – против него. Отец запретил мне и думать о том, что я когда-либо получу образование художника. Я сделал один шаг дальше и заявил, что тогда я вообще ничему учиться не буду».

Разумеется, в своих воспоминаниях Гитлер постоянно драматизировал ситуацию. Вот и тут он слукавил: во-первых, конфликт с отцом не носил такого уж глубокого и принципиального характера. Во-вторых, учиться рисованию и набивать руку, рисуя окрестные пейзажи, он не прекращал. Потому что впереди его ждало испытание, о котором он мечтал так долго: сын таможенника решил поступить в венскую Академию художеств. Его отец к тому времени уже скончался, успев довольно хорошо обеспечить своего отпрыска материально. И в 1907 году Гитлер с легким сердцем отправился в столицу Австро-Венгерской империи.

В Вену он ехал в самых радужных мечтах, с надеждой, – нет, даже с уверенностью в победе. «Я вез с собой большой сверток собственных рисунков, – вспоминал он, – и был в полной уверенности, что экзамен я сдам шутя. Ведь еще в реальном училище меня считали лучшим рисовальщиком во всем классе, а с тех пор мои способности к рисованию увеличились в большой

степени. Гордый и счастливый, я был вполне уверен, что легко справлюсь со своей задачей. Я сгорал от нетерпения скорее сдать экзамен и, вместе с тем, был преисполнен гордой уверенности в том, что результат будет хороший». Отметим, что реальное училище Гитлер так и не закончил, несмотря на все свои способности к рисованию.

Радужные ожидания не оправдались. Первую часть экзамена – написание двух этюдов на заданную тему – Адольф выдержал успешно, а вот на второй, заключавшейся в рассмотрении представленных домашних работ, его отсеяли: в представленном портфолио было слишком мало рисунков гипсовых моделей, а на экзаменационном рисовании портрета он и вовсе срезался. В принципе, этого можно было ожидать: Гитлера гораздо больше интересовала архитектура. Изображения людей – или статуй – получались у него гораздо хуже. Что, впрочем, вполне обычное дело – среди людей искусства жанровая специализация распространена весьма широко.

Гитлер сам признавал впоследствии: «Мой художественный талант иногда подавлялся талантом чертежника – в особенности во всех отраслях архитектуры. Интерес к строительному искусству все больше возрастал. Свое влияние в этом направлении оказала еще поездка в Вену, которую я 16 лет от роду предпринял в первый раз. Тогда я поехал в столицу с целью посмотреть картинную галерею дворцового музея. Но в действительности глаз мой останавливался только на самом музее. Я бегал по городу с утра до вечера, стараясь увидеть как можно больше достопримечательностей, но в конце концов мое внимание приковывали почти исключительно строения». В результате же в экзаменационном листе юного австрийца стояло: «Адольф Гитлер, Брау-нау-на-Инне; 20 апреля 1889 года; немец, католик; отец – оберфискаль; оконч. 4 класса реального училища. Мало рисунков гипса. Экзаменационный рисунок – неудовлетворительно».

Ректор Академии Зигмунд д'Альман, выслушав недоуменный вопрос абитуриента о причине провала, заявил ему, что, судя по представленным рисункам, художника из Гитлера не выйдет, зато из них видно, что у него есть способности к архитектуре, так что не желает ли он стать, к примеру, чертежником?

Удивительно, насколько разной может быть оценка одних и тех же картин разными людьми. Понятно, что оценку, данную юношеским рисункам Гитлера главным идеологом национал-социалистической партии Альфредом Розенбергом, заявившим, что они «свидетельствуют о природном таланте, умении подмечать самое существенное и ярко выраженном

художественном чутье», сложно расценивать иначе как лесть. Однако когда в 1919 году акварели Гитлера – тогда человека вообще никому не известного, демобилизованного солдата без профессии и отчетливых перспектив в жизни, – попались на глаза большому знатоку живописи профессору Фердинанду Штегеру, тот вынес однозначный вердикт: «Совершенно уникальный талант». Акварельные пейзажи Адольфа он назвал просто поразительными. Думается, многое бы изменилось, если бы тогда, в Вене, Гитлер услышал именно эти слова, а не оценку д'Альмана. Хотя, разумеется, было бы явным преувеличением обвинять последнего в том, что именно из-за его близорукости Гитлер стал жестоким диктатором, а не художником.

В любом случае, удар по самолюбию молодого человека, весьма склонного к завышенной самооценке (впоследствии это еще не раз проявится в его политической карьере), был чрезвычайно силен. «Когда мне объявили, что я не принят, на меня это подействовало, как гром с ясного неба, – вспоминал Гитлер. – Удрученный, покинул я прекрасное здание на площади Шиллера и впервые в своей недолгой жизни испытал чувство дисгармонии с самим собой. То, что я теперь услышал из уст ректора относительно моих способностей, сразу как молния осветило мне те внутренние противоречия, которые я полусознательно испытывал и раньше. Только до сих пор я не мог отдать себе ясного отчета, почему и отчего это происходит. Через несколько дней мне и самому стало вполне ясно, что я должен стать архитектором».

Но на пути к осуществлению этого решения встали непреодолимые препятствия. Для того, чтобы попасть на архитектурное отделение академии, следовало сперва пройти курс в строительно-техническом училище. Для того же, чтобы попасть в него, требовался аттестат зрелости, который Адольф в свое время, поссорившись с отцом и демонстративно бросив учебу, получить не удосужился. Разумеется, обзавестись аттестатом особой проблемы не представляло – достаточно было сдать необходимые экзамены, однако Адольф посчитал ниже своего достоинства вновь возвращаться к столь ненавидимой и презираемой им школе. Вернее, уже полностью привык к праздному существованию и был почти неспособен к сколько-нибудь систематическому труду. К тому же вскоре ему пришлось вернуться в родной городок: его мать была при смерти. Впрочем, возвращение «блудного сына» под родительский кров не могло ничего изменить: врачи оказались бессильны, и Клара умерла за считаные месяцы. Некоторые биографы Гитлера, кстати, именно этот эпизод в его жизни называют ключевым для формирования

мировоззрения будущего фюрера, заявляя, что не сумевший помочь фрау Хидлер врач был евреем, потому-то Адольф и стал антисемитом. Весьма сомнительное утверждение – хотя бы потому, что любовь Гитлера к матери если и существовала, то была весьма своеобразной и особой заботы не подразумевала в принципе. О причинах же антисемитизма будущего фюрера мы поговорим в другой главе.

После смерти матери молодого рисовальщика не держало дома решительно ничто. Девушки у него не было, а за младшей сестрой присматривал опекун – сам бургомистр Линца, давний приятель отца Адольфа. Поэтому он вновь отправился в Вену. Только уже с другой целью. «Ко мне вернулась прежняя решимость, и я теперь окончательно знал свою цель, – вспоминал он. – Я решил теперь стать архитектором. Все препятствия надо сломать, о капитуляции перед ними не может быть и речи».

Рассказывая о своей жизни в столице Австро-Венгрии, Гитлер впоследствии здорово сгущал краски, живописуя свое бедственное положение и отсутствие средств. «Еще и теперь этот город вызывает во мне только тяжелые воспоминания, – повествует он на страницах «Майн кампф». – Вена – в этом слове для меня слилось 5 лет тяжелого горя и лишений. 5 лет, в течение которых я сначала добывал себе кусок хлеба как чернорабочий, потом как мелкий чертежник, я прожил буквально впроголодь и никогда в ту пору не помню себя сытым. Голод был моим самым верным спутником, который никогда не оставлял меня и честно делил со мной все мое время. В покупке каждой книги участвовал тот же мой верный спутник – голод; каждое посещение оперы приводило к тому, что этот же верный товарищ мой оставался у меня на долгое время. Словом, с этим безжалостным спутником я должен был вести борьбу изо дня в день. И все же в этот период своей жизни я учился более, чем когда бы то ни было. Кроме моей работы по архитектуре, кроме редких посещений оперы, которые я мог себе позволить лишь за счет скудного обеда, у меня была только одна радость, это – книги. Я читал тогда бесконечно много и читал основательно. Все свободное время, которое оставалось у меня от работы, целиком уходило на эти занятия. В течение нескольких лет я создал себе известный запас знаний, которыми питаюсь и поныне».

Все это звучит очень красиво и жалобно, однако будущий фюрер не был так уж нищ, как описывает. Ежемесячный доход Адольфа – складывавшийся, в основном, из «сиротской пенсии» и процентов на скопленный отцом капитал – составлял от 80 до 120 крон. Для сравнения: школьный учитель в Вене получал в первые 5 лет преподавания 66 крон, почтовый служащий – 60, а

юрист с опытом около года – 70. При этом для того, чтобы каждый день обедать в среднем венском ресторане, в то время требовалось около 25 крон в месяц. Так что Адольф был отнюдь не так нищ, как ему хотелось впоследствии, в разгар экономических трудностей послевоенной Германии, показать соратникам. 10 крон из его доходов уходили на наем комнаты, а остальными он мог распоряжаться по своему усмотрению. В том числе и позволить себе определенные излишества.

К тому же вскоре Адольфу удалось найти себе работу «по профилю»: «В 1909–1910 гг. мое личное положение несколько изменилось. В это время я стал работать как чертежник и акварелист. Как ни плохо это было в отношении заработка – это было все же недурно с точки зрения избранной мною профессии. Теперь я уже не возвращался вечером домой смертельно усталый и неспособный даже взять в руки книгу. Моя теперешняя работа шла параллельно с моей будущей профессией. Теперь я был в известном смысле сам господином своего времени и мог распределять его лучше, чем раньше. Я рисовал для заработка и учился для души».

В своих воспоминаниях Гитлер несколько приукрашивает действительность. Дело в том, что материальное положение его тем временем ухудшилось – финансовые резервы подошли к концу. В начале 1910 года он попадает в ночлежный дом, где знакомится с Райнхольдом Ханишем. Именно Ханиш становится своеобразным «агентом» Гитлера, благодаря которому последний пишет львиную долю своих работ.

Роли были поделены строго: Гитлер рисует, Ханиш продает. Недорогие, но довольно качественные акварели, которые Ханиш предлагал посетителям венских кафе, расходились достаточно бойко. Проблем со сбытом практически не было, зато имелись существенные проблемы с «производством»: Гитлер не любил долгую и напряженную работу и, нарисовав серию картин, старался подольше отдыхать.

Это было тем более неприятно, что вскоре Ханиш смог найти постоянных и весьма перспективных клиентов – торговцев рамами. В начале XX века при продаже рамы в нее обычно вставляли дешевую картину – в качестве своеобразного «бонуса» и для того, чтобы покупатель мог понять, насколько хорошо будет в принципе смотреться художественное произведение в этой раме (примерно то же самое делают сегодня производители рамок для фотографий). Появление оптовых заказчиков позволило Гитлеру вновь встать на ноги в материальном плане. Его месячный доход возрастает до 50–60 крон. Вскоре молодой художник начинает заниматься и рекламными плакатами – впоследствии реклама

присыпки от пота «Тедди» станет известным поводом для насмешек над ее создателем.

Успех кружит Адольфу голову, заставляя вновь считать себя великим художником. Он требует от Ханиша продавать картины по более высокой цене. Дружба постепенно охладевает. В конце концов Гитлер решает отказаться от услуг «агента», что едва не оборачивается для него настоящей катастрофой: вести переговоры с покупателем оказалось делом совсем не простым.

Весной 1911 года юный Адольф обнаружил в себе еще одно дарование, благодаря которому его чуть не взяли на работу тенором в хор Венского театра. И только необходимость самому покупать себе довольно дорогие костюмы спасла фюрера от музыкальной карьеры.

В общем, венский период был для Гитлера, судя по всему, довольно тяжелым, однако очень продуктивным: он рисовал, оттачивая мастерство, пробуя темперу, акварель, масло, классический карандашный рисунок. На первых порах достаток позволял заниматься любимым делом, которое затем становится источником дохода, а свободного времени хватало на все.

В это же примерно время складываются взгляды Гитлера на архитектуру. Одним из его прожектов, занимавшим значительную часть его свободного времени, стала разработка плана переустройства Линца. Сосед Гитлера по комнате Кубичек вспоминает, что это превратилось для Адольфа в идею фикс. «Он настолько запутал меня, что я часто не мог отличить, говорит ли он о реальном доме, или речь идет о здании, которое должно быть построено. Для него же это не имело никакого значения». Гитлер, буквально не останавливаясь, заваливая бумагами и чертежами все горизонтальные поверхности в комнате, рисовал здания, здания, здания. Все как одно – в неоклассическом стиле – гигантские, циклопические сооружения с колоннадами и портиками. «Почему всегда самое большое? – объяснял он свое пристрастие к титаническим формам. – Я делаю это затем, чтобы вернуть каждому отдельному немцу чувство собственного достоинства». На этом пристрастии к циклопизму он спустя годы сойдется с архитектором Альбертом Шпеером. Еще позже, уже в Ставке в Вольфшанце, он говорил соратникам по партии еще и о том, что циклопические строения должны оставить, в случае, если Германия падет, достойную память для потомков – соответствующего размера руины, будящие воображение и заставляющие восхищаться величием предков.

В своих воспоминаниях Шпеер очень много места отводит описанию градостроительных планов, которые он составлял совместно с фюрером. Это далеко не случайно: именно благодаря

архитектурным пристрастиям Гитлера обычный архитектор сделал головокружительную карьеру, став в итоге одним из самых могущественных людей в рейхе. В своих мемуарах Шпеер разрывается между двумя основными идеями: с одной стороны, ему необходимо откреститься от бывшего шефа, с другой – показать, что злодейская сущность Третьего рейха была на первый взгляд не столь очевидна. Поэтому и в описании архитектурных талантов Гитлера у него проскакивает известная двойственность: с одной стороны, он характеризует проекты как «скучные» и «безумные», с другой – расписывает их с определенным воодушевлением. К примеру, проект одного из новых зданий в центре Берлина:

«При осмотрах моих берлинских макетов Гитлера прямо-таки магнетически притягивал один участок плана: будущая центральная точка всей Империи, которая призвана будет на столетия вперед служить воплощением могущества, завоеванного в гитлеровскую эпоху. Как резиденция французских королей с градостроительной точки зрения охватывает Елисейские поля, так же должны были неизменно находиться в поле зрения с любого конца Великолепной улицы те сгруппированные вместе сооружения, которые Гитлер хотел бы как олицетворение своей политической деятельности иметь непосредственно около себя. (…)

Постройки, которым предстояло обрамлять будущую Адольф Гитлер-плац, затмевались величественным Дворцом с куполом, который по объему должен был быть в пятьдесят раз больше, чем здание, запроектированное для народного представительства. Как если бы Гитлер хотел тем самым наглядно в пропорциях продемонстрировать всю несущественность последнего.

Решение приступить к разработке строительной документации Дворца с куполом было принято им уже летом 1936 г. В день его рождения, 20 апреля 1937 г. я представил ему общий план, чертежи, изображение поперечных сечений, первый макет. Он воодушевился, упрекнул только, что я снабдил планы надписью «Разработано по замыслу фюрера» – ведь архитектором выступаю я, и мой вклад в создание этого сооружения куда значительнее, чем его эскиз-замысел 1925 г. Но эта формула осталась, Гитлер, по видимому, с удовлетворением воспринял мой отказ претендовать на авторство. Затем были изготовлены макеты фрагментов, а в 1939 г. уже и очень детализированный макет всего дворца почти в три метра и макеты интерьеров. У них можно было вытащить дно и на уровне глаз прочувствовать будущее впечатление. Во время своих частых визитов Гитлер никогда не упускал случая подольше постоять у этих обоих

макетов, впадая в своего рода мечтательный транс. Что полутора десятилетиями ранее представлялось ему и его соратникам полетом взвинченной фантазии, он мог теперь с триумфом предъявить всему миру: «Кто бы мог подумать тогда, что это будет когда-то построено!».

Величайшее из всех ранее когда-либо задуманных зданий для собраний состояло из единственного помещения, способного вместить одновременно от 15 до 18 тысяч стоящих участников. По существу речь шла, несмотря на сдержанное отношение Гитлера к мистическим настроениям Гиммлера и Розенберга, о культовом сооружении, которое в течение последующих столетий, в силу традиции и духовного почтения, должно было приобрести примерно такое же значение, как собор святого Петра в Риме для католического христианства. Не будь этой культовой подоплеки, расходы на возведение и роскошь этого главного для Гитлера здания были бы бессмысленны и непонятны.

Круглый внутренний зал был по своему сечению трудновообразим – в 250 м. На высоте в 220 м можно было бы видеть завершение колоссального свода, начинавшего свой легкий параболический взлет на высоте 98 м от пола. Прообразом для нас в известной мере служил римский пантеон. Берлинский купол должен был также сохранить в своей вершине круглое отверстие для света; уже только оно имело бы поперечник в 46 м и тем самым превосходило бы размеры всего купола пантеона (43 м) и собора Петра (44 м). Кубатура зала должна была бы быть в 17 раз больше объема собора Петра. (…)

Снаружи купол напоминал бы зеленую гору высотой в 230 м, так как его должны были покрыть патинированные медные плиты. На вершине ее предполагался застекленный фонарь из максимально легкой металлоконструкции. На фонаре восседал на свастике орел. (…) Внешний общий объем этого сооружения превышал 120 млн кубических метров. Вашингтонский Капитолий просто затерялся бы в таком объеме. Настоящая инфляция цифр и величин.

Но Дворец для собраний отнюдь не был безумным замыслом без шансов на осуществление. Для нашего Дворца для собраний и для прочих построек, долженствовавших образовывать будущую площадь Адольфа Гитлера, были еще до 1939 г. снесены бессчетные мешавшие старые постройки вокруг рейхстага, а также проведены геологические исследования стройплощадки, выполнены детально проработанные эскизы, построены макеты отдельных фрагментов в натуральную величину. Как и все остальные постройки Великолепной улицы, строительство Дворца для собраний должно было завершиться через одиннадцать лет, в

1950 г. Поскольку для Дворца планировались самые длительные сроки строительства, торжественная закладка первого камня намечена на 1940 г.

С точки зрения технической не составляло проблемы возвести безопорное перекрытие над помещением в 250 м в поперечнике. Мостостроители 30-х гг. без труда освоили возведение сходных, статически безупречных конструкций из стали и железобетона. Ведущие немецкие специалисты рассчитали даже, что перекрываемое пространство могло бы иметь и более массивный купол. (…)

Эта постройка с куполом, задуманная им вскоре после тюремного заключения и вынашивавшаяся им все последующие пятнадцать лет, была его идеей фикс. Когда он уже после завершения разработки наших планов узнал, что в Советском Союзе во славу Ленина в Москве также проектируют здание для конгрессов, высота которого будет свыше трехсот метров, он отреагировал чрезвычайно злобно. Его вывело из равновесия, что не он будет творцом высочайшего монументального произведения мира. На него действовала угнетающе сама невозможность разрушить намерения Сталина простым приказом. В конце концов он утешился тем, что его детище останется уникальным: «Что значит какой-то небоскреб: выше – ниже, больше – меньше. Купол – вот что отличает нашу постройку от всех остальных!» Уже после начала войны с Советским Союзом я как-то заметил, что мысль о строительстве в Москве дворца-конкурента расстроила его сильнее, чем он хотел тогда в этом признаться. «Теперь, – сказал он, – с той стройкой будет покончено навсегда».

С трех сторон Дворец с куполом окружался водной поверхностью, отражение его в которой должно было еще более усиливать впечатление. В связи с этим подумывали расширить русло Шпрее до размеров озера, правда, в этом случае пришлось бы под площадью сооружать два туннеля для водного транспорта. Четвертая, южная сторона Дворца господствовала над Великой площадью, будущей «Адольф Гитлер-плац». Здесь предполагалось проведение ежегодных демонстраций в день первого мая, до того проводившихся на Темпельхофском поле».

Большинству проектов этих огромных зданий, для строительства которых планировалось буквально выпотрошить центр Берлина, так и не удалось воплотиться в реальность. Не был реализован и выдуманный Гитлером еще в юности план преобразований в Линце, которым он так пугал своего соседа по комнате. Гитлер до последнего момента лелеял планы его осуществления, но, к счастью ли, или к несчастью, на него просто

никогда не хватало бюджетных средств. Хотя кое-что все-таки возведено было. Чего стоит один только циклопический стадион в Нюрнберге – место проведения большинства самых важных нацистских парадов! Англо-американские оккупационные власти планировали его демонтировать после войны, но отказались от этой затеи просто потому, что построен он на века – не разберешь!

Разумеется, архитектурные проявления таланта Гитлера более чем своеобразны. Однако что-то в них все-таки есть, что-то цепляет за душу. Есть некая прелесть в этих проектах, напоминающих разросшуюся до фантастических масштабов архитектуру Древнего Рима. Видимо, Гитлер был все-таки неплохим архитектором. Главный имперский архитектор Альберт Шпеер утверждал уже в 1966 году, когда льстить Гитлеру смысла не было вовсе: «Я не могу исключить, что Гитлер был бы заметной фигурой в ряду других архитекторов. У него был талант».

Что было дальше? Довольно недолгий мюнхенский период, когда молодой австриец решил сменить отечество и присягнуть на верность германскому кайзеру, потом – война и смутные послевоенные времена. На кисть и краски оставалось все меньше и меньше времени. На составление архитектурных проектов – тем более. Тем не менее даже в самое тяжелое время сын таможенника не оставлял рисования. Хотя, когда несколько лет назад несколько гитлеровских акварелей этого периода были выставлены на продажу на аукционе Jefferys в Великобритании, аукционист Ян Моррис честно признавался: «Я не надеялся бы выручить за них и по фунту за штуку, если бы мне их кто-то принес просто так. Они ведь не настолько хороши, не правда ли?» С ним оказались солидарны и эксперты аукциона, в один голос утверждающие, что выставленные полотна заметно уступают как ранним, более вдохновенным, так и более поздним, куда более профессиональным работам Адольфа. Тем не менее торги принесли аукционному дому сумму, превысившую экспертную оценку в два с лишним раза, – 176 тысяч фунтов. Самая дорогая акварель ушла за 10 500 фунтов стерлингов, самая дешевая обошлась покупателю в три тысячи. Интересно, что самым денежным покупателем оказался анонимный бизнесмен из России. Именно он купил за 10,5 тыс. фунтов стерлингов (20 тыс. долларов) «Церковь През-о-Буа», подписанную «A. Hitler», и еще 4 пейзажа из той же серии.

Аукциона, кстати, вполне могло бы и не быть, если бы не случайность. Коробку с несколькими десятками военных акварелей Гитлера, подписанных «АН» или «A. Hitler», обнаружила в своем доме пожилая бельгийка. По семейному

преданию, ее оставили в доме двое французских беженцев, возвращавшихся домой в 1919 году, после окончания войны. Разумеется, прошедшие торги вызвали традиционный протест со стороны соответствующих кругов европейской общественности и ряда организаций. Так, к примеру, некто Ронда Барад из Центра Симона Визенталя выступил с заявлением, что подобные аукционы – «это дурной тон. Большинство аукционов мира воздерживается от подобного рода продаж, потому что это оскорбляет множество людей, которые все еще живы». Действительно, во многих европейских странах, включая Германию, продажа подобных артефактов считается противозаконной. Невнятная, не оформленная документально или хотя бы вербально этическая проблема с художественным наследием фюрера имеет место быть. Однако постепенно в сознании общества Гитлер-художник все более дистанцируется от Гитлера-политика. Кто-то видит в этом опасность реабилитации и яростно протестует, продолжая доказывать, что у изверга, которым Гитлер был, без всякого сомнения, по определению не может быть ничего человеческого, даже способностей к рисованию. Другие, как Роберт Стуруа, придерживаются противоположного мнения. Еще в 2001 году этот знаменитый режиссер написал про гитлеровские картины большую статью «Битва акварелей», где и высказал свое кредо: «Ненависть ослепляет. Даже святая».

Что можно сказать в заключение? Судя по всему, для того, чтобы картины Гитлера оценивались беспристрастно, должно миновать еще много лет. Пока отношение к этому диктатору, человеку, развязавшему самую большую и страшную в истории человечества войну, не превратится из идеологически окрашенного в сугубо историчное, как это произошло, скажем, с тем же Нероном, беспристрастной оценки его творчества можно не ждать. Хотя на самом деле не таким уж плохим художником был этот сын австрийского таможенника. Может быть, было бы лучше, если бы он занимался живописью, а не политикой? Кто знает, как повернулась бы история! Вполне возможно, в мире было бы на одного тирана меньше, но больше на одного мастера пейзажных акварелей.

Миф № 3
«БОГЕМСКИЙ ЕФРЕЙТОР»

«Богемский ефрейтор» – говорят, автором этой презрительной характеристики был не кто иной, как фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, один из выдающихся военачальников времен Первой мировой. Именно так он, занимавший в 1925–1934 годах пост германского президента, отозвался о представленном ему лидере набирающей силу политической партии – невзрачном человечке с забавными усиками, с гордостью рассказывавшем о своем фронтовом опыте. Почему богемский? Гитлер был родом из Австрии, а эта страна ассоциировалась у весьма престарелого фельдмаршала, который помнил дни своей юности куда лучше, чем недавнее прошлое, с австро-прусской войной 1866 года. Основные события той кампании разворачивались как раз в Богемии.

Слова Гинденбурга оказались крылатыми. С тех пор их повторяли бессчетное количество раз, главным образом когда речь шла о руководстве Гитлера военными действиями. Словосочетание «богемский ефрейтор» должно было подчеркнуть дилетантизм и непригодность человека, который возложил на себя командование огромной армией.

Действительно, полководческие способности Гитлера – одна из самых обсуждаемых в его биографии тем. Если отвлечься от союзной, да и немецкой пропаганды военных лет, то открыли ее после Второй мировой войны генералы вермахта, засевшие за воспоминания. Нестройный гул их голосов довольно быстро слился в единый хор, который и сложил начало весьма популярного до сих пор мифа о полном отсутствии военных способностей у фюрера.

Миф этот в самых общих чертах выглядит следующим образом: в течение всей Второй мировой войны Гитлер самым непосредственным образом вмешивался в руководство военными действиями. Будучи весьма самовлюбленным человеком, он не слушал ничьих советов и считал себя умнее профессиональных военных. Офицеры видели всю гибельность его приказов, однако вынуждены были в силу присяги повиноваться скрепя сердце и обливаясь горючими слезами. Конечно, кое-какие задатки у фюрера были, но в явно недостаточном количестве. К концу войны Гитлер вообще полностью оторвался от реальности, не желал никого слушать и в итоге отдавал совершенно бессмысленные приказы. В общем, именно он, по большому счету,

помешал своим генералам выиграть войну или, по крайней мере, свести ее к более достойному для Германии финалу.

Мотивы немецких генералов понять можно. Им нужно было выставить себя как можно в более выгодном свете. Помимо присущего практически каждому автору мемуаров стремления к саморекламе военачальники вермахта стремились доказать свою полезность новым западным союзникам – недавним победителям. Смотрите, мы почти разбили этих русских… Отчего же они оказались в Берлине, а не вы – в Москве? А… Гитлер мешал, вестимо! А то бы мы выиграли мировую войну легко и изящно.

Эта версия была быстро подхвачена и растиражирована. Западными союзниками, стремившимися уверить всех в том, что Советский Союз вполне можно победить. Немцами, которые очень хотели почувствовать себя участниками «защиты Европы от большевизма» и гордиться своей армией, выполнявшей такую благородную миссию. Противниками нацизма, считавшими, что априорное отрицание у Гитлера каких-либо достоинств – это гораздо лучше и правильнее, чем трезвый научный анализ… В нашей стране история о «бездарном Гитлере, мешавшем своим генералам выиграть войну», приобрела популярность в начале 1990-х на волне переоценки ценностей и стала своеобразным зеркальным отражением рассказов о «бездарном Сталине, гнавшем солдат в бессмысленные наступления под дулом заградотрядов».

Своего логического завершения версия об ответственности Гитлера за поражение достигла уже в 1955 году в вышедшей в ФРГ книге Карла Рикера «Один человек проигрывает мировую войну». В ней автор прямо заявляет, что Германию привел к поражению «ряд тяжелых военных и политических ошибок, которые почти все прямо или косвенно были совершены Гитлером».

Мотивация создателей мифа вполне понятна и очевидна. Попробуем же определить, насколько он соответствует действительности. Для этого сначала обратимся к источнику мифа – к воспоминаниям немецких полководцев.

Эрих фон Манштейн в своей книге «Утерянные победы» (другой вариант перевода, лучше отражающий смысл названия, но почему-то у нас не прижившийся – «Проигранные победы») посвятил полководческому искусству Гитлера целую главу. Краткая выжимка из нее выглядит следующим образом:

«…Как военного руководителя Гитлера нельзя, конечно, сбрасывать со счетов с помощью излюбленного выражения «ефрейтор первой мировой войны». Несомненно, он обладал известной способностью анализа оперативных возможностей…

Помимо этого, Гитлер обладал большими знаниями и удивительной памятью, а также творческой фантазией в области техники и всех проблем вооружения. Нет сомнения, что он своим знанием дела и своей чрезвычайной энергией способствовал ускоренному развитию многих отраслей вооружения. Но вера в свое превосходство в этих вопросах имела роковые последствия. Своим вмешательством он мешал постоянному развитию военно-воздушных сил и их своевременному усовершенствованию. Несомненно, он затормозил развитие и в области производства реактивных двигателей и атомного оружия…

…Если, как уже было сказано, Гитлер и обладал известным пониманием оперативных возможностей или быстро усваивал их, когда они излагались ему кем-то другим, то все же он не был способен судить о предпосылках и возможностях осуществления той или иной оперативной идеи. У него отсутствовало понимание соотношения, в котором должны находиться любая оперативная задача и вытекающие из нее пространственные факторы, с одной стороны, и потребность в силах и времени – с другой, не говоря уже об их зависимости от возможностей материально-технического обеспечения. Он не понимал или не хотел понять, что, например, каждая крупная наступательная операция помимо сил, потребных для первого наступательного боя, нуждается в постоянном пополнении новыми силами…

…И в области политики – во всяком случае, после успехов в 1938 г. – и в военной области Гитлеру недоставало чувства меры для определения того, что может быть и что не может быть достигнуто. Имея живое воображение, он хватался за всякую заманчивую цель, а результатом было то, что он дробил немецкие силы между несколькими целями одновременно или между различными театрами военных действий…

…Теперь я подхожу к тому решающему фактору, который составлял у Гитлера основу руководства: переоценка силы воздействия воли, его воли, которой якобы достаточно было воплотиться в убежденность даже у самого молодого пехотинца, чтобы подтвердить правильность его решений, чтобы обеспечить успех выполнения его приказов…

…Убежденный в том, что его воля в конечном счете восторжествует, Гитлер был, в общем, мало склонен к тому, чтобы принимать в расчет предполагаемые намерения командования противника. Так же мало был он готов признать даже самые надежные данные, скажем, о многократном превосходстве противника. Тем самым Гитлер оставил почву реальной действительности…

…Упорная оборона каждой пяди земли постепенно стала

единственным принципом его руководства… В результате этого значительные немецкие силы оказывались не в состоянии избежать окружения. Только ведением маневренных боевых действий можно было бы реализовать превосходство немецкого командования и немецких войск и тем самым, возможно, добиться, в конце концов, ослабления сил Советского Союза…

…Наконец, следует еще отметить, что, хотя Гитлер постоянно подчеркивал, что он мыслит, как солдат, и охотно говорил о том, что военный опыт он приобрел на фронте, в действительности ему далеки были мысли и чувства солдата… Как ни старался Гитлер при каждом удобном случае подчеркивать свои качества бывшего фронтовика, у меня никогда не создавалось чувства, что судьба армии глубоко трогает его. Потери были для него лишь цифрами, свидетельствовавшими об уменьшении боеспособности. Как человека они едва ли серьезно трогали его…

…Эти недостатки могли бы быть компенсированы, если бы он был готов прибегать к советам разделяющего с ним ответственность опытного начальника Генерального Штаба или если бы он пересилил в себе чувство недоверия к последнему. Если бы он сумел дополнить недостающую ему подготовку и опыт в военной области (особенно в области стратегии и оперативного искусства) знаниями и умением начальника своего Генерального Штаба, то, несмотря на вышеупомянутые недостатки, мы все же могли иметь вполне удовлетворительное военное руководство. Но как раз на это Гитлер не был согласен.

…Гитлер полагал, что ему из-за его письменного стола все видно значительно лучше, чем командирам на фронте, хотя было само собой понятно, что многое на его оперативной карте уже устарело. При этом не стоит уже говорить и о том, что он не мог определить издалека, какое мероприятие на месте является правильным и необходимым. В его привычку все более входило стремление вмешиваться в управление группами армий, армиями и т. д. путем отдачи отдельных распоряжений, что вовсе не входило в его обязанности».

Не буду пока никак комментировать этот текст – я еще не раз вернусь к нему потом при рассмотрении конкретных операций Второй мировой войны. Пока сделаю два достаточно важных для нашей темы вводных замечания.

Первое. Если исходить из того, что именно и только Гитлер мешал своим полководцам выиграть Вторую мировую войну, значит, нужно предположить, что без него они бы эту войну выиграли. Разумеется, история не знает сослагательного наклонения, и проверить, «что было бы, если бы…», мы не можем. Но ту же самую историю не зря называют учительницей жизни.

Потому что прекрасно известен другой пример, когда германским генералам совершенно никто не мешал, и тем не менее победы они добиться не могли.

Речь идет о Первой мировой войне. В начале XX века военная элита наслаждалась в Германской империи таким влиянием на политику страны, которой не имела ни до, ни после этого. Во многом по рекомендациям – и при активном содействии – военных политики сделали ставку на обострение июльского кризиса 1914 года, вылившегося в европейскую бойню. Именно военные в стенах Большого генерального штаба составили план молниеносной кампании, и никто – даже император – не рисковал вмешиваться ни в его разработку, ни в реализацию. С началом войны власть и влияние военных только нарастали, вплоть до того, что с 1916 года шеф Генерального штаба – уже упоминавшийся Пауль фон Гинденбург – стал фактическим диктатором Германии, а гражданским органам осталась роль покорных исполнителей воли военной верхушки. Военные вмешивались во все – в дипломатические отношения (те немногие, которые еще сохранились), в вопросы военной промышленности, сельского хозяйства, социальной политики… Итог – поражение и позорный Версальский мир, который на некоторое время выбил Германию из числа великих держав.

Причем винить в этом некого. Именно военные составили достаточно авантюрный по своей сути «план Шлиффена», который должен был гарантировать быстрый разгром Франции. Военные же – здесь в первую очередь нужно упомянуть шефа Большого генерального штаба начала войны Г. фон Мольтке (младшего) – реализовали этот план настолько плохо, что лишили себя шансов на молниеносную победу и перевели войну в затяжную стадию. Потом они почти четыре года искали выход из знаменитого «позиционного тупика», не в состоянии сосредоточить свои усилия на решении какой-то одной задачи. С течением времени действия германского командования носят все более отчетливый оттенок авантюризма: в 1917 году военные настаивают на объявлении «неограниченной подводной войны» против любого судоходства западнее Британии, что неизбежно должно было повлечь за собой – и повлекло – вступление в войну Соединенных Штатов с их огромными ресурсами. Проблемы с чувством меры продемонстрировала ситуация конца 1917 года, когда из войны вышла Россия. Вместо того, чтобы как можно скорее заключить умеренный мир и бросить все силы на запад, немецкие военные упорно пытались заглотить кусок побольше – кусок, которым Германия, по мнению ряда историков, в конечном счете и подавилась, потому что удержание огромных

приобретений на востоке требовало сил, в которых отчаянно нуждались в других местах. С техническим чутьем у военной верхушки тоже было не все в порядке – во второй половине войны немцы совершенно проигнорировали появление такого нового оружия, как танк, посчитав его пустой игрушкой. Потом, конечно, схватились за голову, но было уже поздно: первые немецкие танки, больше напоминавшие коробки из-под ксерокса, успели только к титрам Первой мировой…

Ну как, неплохой список ошибок и недостатков? А теперь сравните его с тем, что Манштейн ставит в вину Гитлеру. Многовато совпадений, не правда ли? Так что, как видим, германские военные сами были отнюдь не безгрешны и с большим энтузиазмом выискивали соринку в чужом глазу. Единственное, что выгодно отличало их от Гитлера, – поражение в мировой войне они все-таки признали до того, как противник вступил на немецкую землю. Поэтому удалось обойтись без унизительной оккупации. Правда, не совсем ясно, насколько велика в этом заслуга немецких военных и насколько признанию поражения свершившимся фактом способствовала грянувшая в стране незадолго до заключения перемирия революция. Та самая, на которую уже через считаные недели генералы начнут сваливать ответственность за поражение, тщательно и с любовью создавая легенду об «ударе кинжалом в спину». Дескать, мы стояли уже на пороге победы, когда эти красные предатели устроили в тылу мятеж, ударив в спину непобежденной армии. В конце Второй мировой никакой революции не было, и ответственность пришлось свалить на любимого фюрера.

Теперь – второе из обещанных замечаний. В сегодняшнем – да и не только сегодняшнем – мире верховным главнокомандующим в случае войны становится глава государства. Лицо, как правило, сугубо гражданское и в специфически военных вещах по определению разбирающееся слабо. Почему же именно ему поручается столь ответственный пост? Разгадка – в знаменитой фразе Клаузевица: «Война – это продолжение политики другими средствами». Военные, разумеется, лучше других знают, как применить оружие, и в этом вопросе их компетентность никто не оспаривает. Но при этом надо помнить, что боевые действия и победа над врагом – это не самоцель, а средство, один из многих инструментов в арсенале политика. И только политический руководитель может решать, как и какой инструмент в данный момент использовать. Когда и как начать войну, на каких условиях ее закончить, стараться наголову разгромить противника или просто демонстрировать свою силу, не ввязываясь в кровопролитные сражения, – все это

должны решать политики, а не генералы. Даже ход отдельных операций может определяться в большей степени политическими соображениями, чем военными. Захват какого-нибудь города может иметь важное символическое значение, а район, из которого лучше бы отступить по военным соображениям, может быть исключительно важен в экономическом плане… Генералы в этих ситуациях, конечно, могут ворчать, что им мешают заниматься своим делом, но вынуждены признавать главенство политиков.

У германских генералов с таким признанием всегда было туговато. Клаузевица они почитали, слова его многократно цитировали, но делали вид, что не понимают, о чем речь. Особенно после побед в войнах за объединение 1864–1871 годов, когда «полубоги» – так стали неофициально называть ведущих офицеров Большого генерального штаба – окончательно поверили в собственную гениальность. К слову сказать, в это же верят и многие современные исследователи – например американский военный историк Тревор Дюпуи, который в книге «Гений войны» развивает мысль о том, что именно германский Большой генеральный штаб стал «секретным оружием» немцев, позволившим им в течение многих поколений поддерживать высокую эффективность своей армии.

Если коротко: Гитлер, как политический руководитель, по определению обладал более широким кругозором и сферой ответственности, чем его генералы. Ограничиваться чисто военными соображениями при принятии решений он не мог в принципе. Поэтому его решения, кажущиеся абсурдными с военной точки зрения, могут иметь смысл, если посмотреть на них с другой стороны.

Именно так обстоит дело с военной техникой. И Манштейн в процитированном выше отрывке, и многие другие обвиняли Гитлера в том, что он пустил развитие германской военной техники по неправильному пути. В качестве примера приводится тот факт, что Третий рейх во Второй мировой войне не располагал дальнебомбардировочной авиацией, подобной британской или американской. Отсутствие у вермахта дальних бомбардировщиков считается многими исследователями важной причиной поражения Люфтваффе и Германии в целом. Приведу для примера лишь несколько цитат.

Ульф Тоомсваре: «Четырехмоторный стратегический бомбардировщик так и не был запущен в серийное производство. По мнению большинства историков, это оказало решающее влияние на весь ход Второй мировой войны». Михаил Зефиров: «Программа создания тяжелых бомбардировщиков была

фактически свернута, что было тяжелой ошибкой руководства Люфтваффе». Подполковник в отставке Греффрат: небольшой радиус действия «стал ахиллесовой пятой ВВС Германии». Ответственность за это решение возлагается обычно на Геринга и, естественно, Гитлера. Это вполне справедливо. Вопрос только в том, было ли это решение ошибочным?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть три взаимосвязанных вопроса: во-первых, какой ценой Германия могла создать флот стратегических бомбардировщиков; во-вторых, где она могла бы применить их и, в-третьих, какова была бы эффективность использования такого рода машин.

Отвечая на первый вопрос, необходимо вспомнить, что Германия готовилась к войне и вела ее в условиях крайней нехватки ресурсов. Люфтваффе в 1935–1939 годах приходилось бурно наращивать численность как материальной части, так и квалифицированного персонала, что само по себе являлось весьма непростой задачей. В итоге к 1 сентября 1939 года в германских ВВС насчитывалось 3551 (по другим данным – 4333) боевых самолета, в том числе около 1200 двухмоторных бомбардировщиков, 400 пикирующих Ю-87, 770 одномоторных и 410 двухмоторных истребителей. По оценкам специалистов, четырехмоторный бомбардировщик обходится примерно на порядок дороже, чем одномоторный истребитель, и в 3–4 раза дороже, чем его двухмоторный собрат. Таким образом, Люфтваффе к началу войны могли позволить себе флот из 700–800 дальних бомбардировщиков только при условии полного отказа от машин всех других моделей. В ходе войны Германия произвела, по данным историка войны в воздухе Олафа Грелера, 119 296 боевых самолетов, львиную долю которых составляли одномоторные истребители. В пересчете на тяжелые бомбардировщики это составит не более 20 тыс. машин. Много это или мало? Напомним, что за годы войны США произвели 18 431 бомбардировщик Б-24 «Либерейтор» и 12 726 Б-17 «Летающая крепость». Об эффективности этой армады мы еще поговорим ниже.

Но абсолютно очевидна абсурдность отказа от всех типов машин в пользу тяжелых бомбардировщиков. В течение всей войны имевшейся у Люфтваффе авиатехники едва хватало для удовлетворения самых первостепенных потребностей, дальнейшее снижение ее численности привело бы к катастрофическим последствиям. Не отказ от тяжелых бомбардировщиков, а резкое уменьшение производства жизненно важных истребителей и ударных самолетов оперативно-тактического радиуса действия стало бы роковым решением руководства Люфтваффе. Скорее

всего, война в этом случае была бы проиграна задолго до 1945 года.

Тем не менее предположим, что Германии удалось за счет привлеченных из других отраслей военного производства ресурсов (в первую очередь путем уменьшения производства одно– и двухмоторных самолетов) построить флот тяжелых бомбардировщиков. Отметим сразу, что масштабы этого флота не могли бы идти ни в какое сравнение с англо-американскими армадами 1943–1945 годов. Где Люфтваффе могли применить это оружие? На данный вопрос обычно дается четыре ответа.

Первый. Против Великобритании. Во время «битвы за Англию» 1940 года, по мнению ряда исследователей, Люфтваффе «недоставало бомбардировщиков дальнего радиуса действия». Однако, если проанализировать ход сражения, выясняется, что отнюдь не малая дальность бомбардировщиков, а недостаточный радиус действия и малое число истребителей предопределили неудачу Люфтваффе в 1940 году. Средние бомбардировщики, имея радиус действия 550 километров, могли поразить любые объекты на территории южной и юго-восточной Англии – наиболее развитых в промышленном отношении районов страны – и обеспечить поддержку высадившегося десанта. Именно нехватка истребителей и пилотов привела к тому, что Люфтваффе не удалось выполнить свои задачи.

Второй. Против СССР. Удары по промышленным предприятиям Советского Союза считаются до сих пор одной из главных «упущенных возможностей» Люфтваффе. Однако эвакуация советских предприятий на восток в 1941 году показала высокую мобильность отечественной промышленности, которая могла весьма быстро приспособиться к новой угрозе – как приспособилась германская в 1944 году. К тому же подобные удары, как и в случае с Британией, вполне могли наноситься средними бомбардировщиками. Просто эти машины были нужны для выполнения других, более насущных задач, и времени на стратегические рейды попросту не оставалось.

Третий. В Атлантике. Здесь возможны две области применения – для дальней разведки и непосредственных ударов по конвоям. Разведку на достаточно высоком уровне обеспечивали четырехмоторные ФВ-200, имевшиеся в ограниченном количестве модификации пассажирского авиалайнера. Что касается атак кораблей, то вопрос об их эффективности остается дискуссионным; в любом случае союзники быстро нашли бы противоядие в виде усиления зенитного вооружения и наращивания числа эскортных авианосцев.

Наконец, четвертый. Против США. Этот вариант, хотя и рассматривавшийся в высшем руководстве рейха, представляется полностью фантастическим – слишком неравными были бы силы атакующей и обороняющейся сторон.

Итак, ни одна из указанных целей, на наш взгляд, не могла оправдать тех затрат, которые пришлось бы понести Германии для создания флота тяжелых бомбардировщиков. Спору нет, если бы в Третьем рейхе каким-то чудом появилось несколько тысяч четырехмоторных бомбардировщиков с подготовленным персоналом, расходными материалами и инфраструктурой, немцы смогли бы найти им применение. Но чудес не бывает, и создание подобного флота потребовало бы гибельного сокращения производства в жизненно необходимых областях.

Вопрос об эффективности тяжелых бомбардировщиков тоже является спорным. Здесь мы можем опираться на данные англо-американских налетов на Германию. Многие исследователи (в частности, известный военный теоретик и историк Дж. Фуллер) считают их пустой тратой ресурсов. Как писал К. Беккер, «ночные бомбардировки британских ВВС в конечном итоге обернулись пустой и дорогостоящей затеей». Дневные удары американских бомбардировщиков до появления дальних истребителей сопровождения приводили к катастрофическим потерям: так, во время налета на Швайнфурт 14 октября 1943 года из 228 участвовавших Б-17, по американским данным, 62 были уничтожены и 138 повреждены при потерях с немецкой стороны в 35 истребителей. Германия позволить себе подобную расточительность не могла в принципе.

Именно в силу ограниченности ресурсов Германия не смогла создать свой флот тяжелых бомбардировщиков, хотя недостатка в весьма перспективных моделях в ходе Второй мировой не было. Однако руководство Третьего рейха вполне отдавало себе отчет в том, что строительство этих машин гораздо эффективнее подорвет мощь страны, чем любые усилия ее противников. Создание флота четырехмоторных бомбардировщиков не являлось реальной, а тем более выгодной альтернативой для Люфтваффе. Именно ставка на самолеты «поля боя», сделанная руководством германских ВВС, стала оптимальной в условиях ограниченных ресурсов. Именно нехватка последних, а никак не стратегических бомбардировщиков, и стала основной причиной неудач Люфтваффе во Второй мировой войне. Выбор Гитлера был сугубо правильным, более того – в тех условиях он был единственно возможным.

Еще одна ошибка Гитлера в отношении Люфтваффе, о которой любят говорить, – это его требование переделать

прекрасный реактивный истребитель Ме-262 в скоростной бомбардировщик. Вот как об этом пишет бывший адъютант Гитлера Н. фон Белов:

«Ме-262 фюрер увидел впервые, и самолет произвел на него большое впечатление своим внешним видом. Он подозвал Мессершмитта и задал ему прямой вопрос: можно ли этот самолет выпускать и в качестве бомбардировщика? Мессершмитт подтвердил: да, он может нести две бомбы по 250 кг каждая.

Услышав его ответ, Гитлер произнес: «Так это же и есть скоростной бомбардировщик», – и потребовал считать Ме-262 лишь таковым. Мильх попытался подкорректировать решение фюрера в том смысле, что в такой модификации должна производиться лишь часть этих самолетов, что ему, однако, не удалось: Гитлер твердо настоял на своем требовании. Когда Геринг через несколько дней в разговоре с фюрером вернулся к этой теме, тот резко оборвал его».

Это решение Гитлера, принятое в ноябре 1943 года, часто считают едва ли не роковым – по мнению некоторых историков, оно задержало производство истребителей Ме-262, которые могли бы разогнать армады тяжелых американских бомбардировщиков над рейхом и спасти Германию от поражения. Сразу отметим явное преувеличение: спасти Германию от поражения в середине 1944 года – а Ме-262 вряд ли смогли бы появиться в больших количествах раньше даже при самых благоприятных условиях – не смогло бы уже, скорее всего, ничто. Даже атомная бомба. Как, впрочем, и любое «чудо-оружие» само по себе.

Вопрос заключается в том, почему Гитлер настаивал на приоритете скоростного бомбардировщика перед истребителем. Ответ прост: фюрер прекрасно понимал, что в скором времени англичане и американцы попытаются высадиться во Франции. Эту десантную операцию необходимо чем-то парировать, в том числе и с воздуха. Было очевидно, что немецкие Люфтваффе во Франции количественно намного уступают союзным и более или менее эффективного противодействия оказать не смогут. А если в наличии будет сверхскоростной реактивный бомбардировщик, который практически невозможно перехватить поршневыми истребителями, ситуация может радикально измениться. Очевидно, Гитлер прекрасно понимал, что второй фронт во Франции куда опаснее для рейха, чем удары с воздуха. Тем более что совсем от использования Ме-262 в роли истребителя он отказываться не собирался, о чем, кстати, упоминает и Белов.

Что же получилось в итоге? «Блицбомбардировщики» к высадке союзников во Франции не успели. Есть ли в этом вина

Гитлера? Вопрос сложный. В любом случае куда больше в данном случае степень ответственности немецких авиастроителей, которые с начала войны демонстрировали просто-таки патологическую неспособность обеспечить продукцию высокого качества в установленные ими же самими сроки. Самыми яркими примерами могут послужить тяжелый истребитель Мессершмитта Ме-210, бомбардирвщик Хейнкеля Хе-177, ночной истребитель Фокке-Вульф Та-154. Реактивная авиация здесь тоже не исключение – торжественные обещания авиаконструкторов, которым Гитлер верил (а с какой стати, ему не верить специалистам?), практически никогда не исполнялись в срок. Возвращаясь к Ме-262, отмечу, что в воспоминаниях союзных летчиков, сражавшихся во второй половине 1944 года во Франции, мне неоднократно встречались упоминания о скоростных немецких реактивных бомбардировщиках, наносивших удары по аэродромам. Перехватить эти машины было просто нечем, поэтому союзникам приходилось считаться с их присутствием как с неодолимой силой, радуясь тому, что у немцев это «чудо-оружие» присутствует в единичных экземплярах.

Применение же Ме-262 в роли истребителей над рейхом начиная с осени 1944 года продемонстрировало, что, хотя они безусловно лучше поршневых Ме-109 и ФВ-190, но вовсе не являются неуязвимыми и, более того, несут иногда потери тяжелее, чем в состоянии причинить сами. В этот период уже четко выяснилось, что ахиллесова пята германских ВВС – вовсе не количество и качество самолетов, а нехватка подготовленных летчиков, которые могли бы на этих самолетах летать и сбивать, а также острый дефицит горючего, который особенно остро стал ощущаться после потери румынской нефти.

Что ж, закроем на этом военно-техническую тему и перейдем в область непосредственно военных решений. Надо сказать, что в этой области у Гитлера действительно нередко случались разногласия и даже конфликты с генералитетом. Вопрос в том, кто был прав в этих спорах?

Одним из первых стал в 1936 году спор о вводе германских войск в Рейнскую область. Этот район на западе Германии представлял собой в соответствии с положениями Версальского мирного договора демилитаризованную зону, в которой категорически запрещалось размещение германских воинских частей. Соответственно можно было ожидать, что державы Антанты – Франция и Великобритания – с оружием в руках будут отстаивать букву договора, если Третий рейх попытается его нарушить. Именно так рассуждала верхушка вермахта во главе с военным министром Вернером фон Бломбергом. Генералы

предупреждали Гитлера, что германская армия сейчас совершенно не готова к войне, и столкновение с державами Антанты будет для нее гибельным. Тем не менее 7 марта 1936 года по приказу Гитлера несколько батальонов вермахта торжественно вошли в Рейнскую область. В течение нескольких дней во Франции обсуждалась возможность начала мобилизации, однако гора родила мышь: дело, по сути, ограничилось несколькими пламенными речами французских политиков. То же самое касается и Британии. Гитлер мог торжествовать победу.

Авантюра, лишь по счастливой случайности увенчавшаяся успехом? Нет, скорее вполне разумный риск. Гитлер прекрасно видел, что ни англичане, ни французы не горят желанием устраивать новую европейскую войну и с удовольствием пойдут на компромисс, если смогут при этом сохранить лицо. Особенно явно это проявилось в предшествующем, 1935 году, когда Третий рейх громогласно заявил о полном отказе от военных статей Версальского договора и начал с размахом строить вооруженные силы. Какого-либо эффективного отпора со стороны Парижа и Лондона это не встретило. Английское правительство вообще, казалось, было не прочь видеть в Европе сильную Германию в качестве противовеса Франции и Советскому Союзу и стремилось лишь держать под контролем ремилитаризацию рейха. Об этом свидетельствует англо-германское военно-морское соглашение, подписанное в том же 1935 году и полностью игнорировавшее существование Версальского договора.

«Если союзники не отреагировали на такое грубое попрание установленных им положений относительно германских вооруженных сил, то почему они должны начать войну из-за того, что немецкие войска разместились на немецкой же территории?» – спрашивал Гитлер. И оказался прав: именно под таким углом зрения рассматривало ситуацию английское правительство. Французы же помимо того, что не хотели войны, опасались действовать без английской поддержки: воспоминания о Рурском конфликте 1923 года, когда самостоятельные действия едва не окончились конфузом, были еще свежи. Правда, совсем французов со счетов Гитлер не сбрасывал – и отдал приказ при малейшей угрозе войска из Рейнской области вывести. Но выводить не пришлось.

Та же самая ситуация – предостережения генералов, рискованные действия Гитлера и конечный успех – повторялась раз за разом в течение последующих трех лет. Территориальное расширение Германии происходило либо при словесных протестах англичан и французов (как это было во время присоединения Австрии в марте 1938 года), либо при их прямом

пособничестве (знаменитая Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года, когда Чемберлен и Даладье на блюдечке преподнесли нацистскому фюреру западные районы Чехословакии, лишь бы избежать войны). Одним словом, Гитлер не ошибся в своих западных коллегах, с полным на то основанием назвав их впоследствии «жалкими червями». Только в марте 1939 года, когда Третий рейх оккупировал Чехию, уже не утруждая себя вообще какими-либо объяснениями по этому поводу, британское правительство дало гарантии Польше – правда, больше в качестве уступки общественному мнению и в надежде, что их никогда не придется выполнять. Но это была уже следующая фаза политики Гитлера, когда от военного шантажа он перешел к прямому провоцированию войны.

Пока же в споре «Гитлер против генералов» бывший ефрейтор выигрывал, причем всухую. Существовавшая в генералитете оппозиция режиму, и без того не слишком сильная и многочисленная, таяла, как снеговик под апрельским солнцем. В 1938 году Гитлер сумел еще больше укрепить свои позиции в вермахте благодаря так называемому «делу Бломберга – Фрича».

Суть дела заключалась в том, что в течение считаных месяцев два высокопоставленных военных – военный министр и командующий сухопутными войсками – лишились своих постов. Фельдмаршал фон Бломберг имел неосторожность воспылать поздней страстью к молодой девушке «из народа» Еве Грун, более того, жениться на ней. В качестве свидетелей на свадьбе присутствовали Гитлер и Геринг. Буквально через считаные дни сотрудники берлинской полиции обнаружили в архиве весьма любопытные документы, свидетельствовавшие о том, что свежеиспеченная фрау Бломберг в недалеком прошлом занималась проституцией и снималась на порнографических открытках. Сведения эти были доложены Герингу, который помимо всего прочего являлся главой прусской полиции. Тот в свою очередь поспешил доложить их Гитлеру, который возмутился и заявил, что брак должен быть немедленно расторгнут. При этом он действовал в полном соответствии с традициями прусского офицерского корпуса. В роли нарушителя этих традиций оказался как раз Бломберг, отказавшийся расторгнуть брак и подавший в отставку, которая была немедленно принята.

Геринг, несомненно, рассчитывал сам занять пост военного министра. Но жестоко просчитался: Гитлер решил, пользуясь удобным случаем, расширить свои полномочия. 4 февраля 1938 года он подписал декрет, гласивший: «Отныне я беру на себя непосредственно и лично командование всеми вооруженными

силами». Одновременно был по обвинению в гомосексуализме, оказавшемуся впоследствии ложным, отправлен в отставку командующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич.

Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, была ли отставка Бломберга результатом случайных событий или тщательно спланированной секретной операцией. Есть версия, что Гитлер при помощи своих спецслужб едва ли не специально «подложил» фельдмаршалу девушку с сомнительным прошлым. Так это или нет, для нашей темы принципиального значения не имеет. Главное то, что именно в феврале 1938 года Гитлер полностью сосредоточил в своих руках власть над вооруженными силами. Теперь он нес ответственность за ход военных действий.

В течение весны – лета 1939 года фюрер вел дело к войне. Именно к войне, а не к очередным территориальным уступкам со стороны соседей. По собственному признанию, больше всего он опасался, что в последний момент «вмешается какая-нибудь свинья и испортит все дело», предложив мирное урегулирование. Предположение небеспочвенное – многие в правящих кругах Англии и Франции готовы были для сохранения мира поступиться кусочком Польши. Другое дело, что Гитлеру это было уже не нужно.

Накануне войны благодаря искусной дипломатии ему удалось создать для Германии ситуацию гораздо более выгодную, чем в 1914 году. Было заключено соглашение о ненападении с Советским Союзом, отчаявшимся построить хоть сколько-нибудь надежную систему коллективной безопасности с участием англичан и французов и опасавшимся оказаться в дипломатической изоляции. Была практически стопроцентная уверенность в том, что «жалкие червяки» на западе не объявят войну и не помешают разгромить Польшу. Уверенность, оправдавшаяся в главном: хотя война была объявлена, никто и пальцем не пошевелил ради того, чтобы прийти на помощь полякам. Солдаты вермахта на востоке шагали по улицам Варшавы, а на западе играли в футбол с французскими солдатами. «Странная война» длилась до 10 мая 1940 года, когда Гитлер посчитал нужным ее прервать.

Как видим, все стратегические расчеты лидера Третьего рейха неизменно оказывались правильными. А призывавшие к осторожности генералы раз за разом ошибались. Естественно, это не могло не повлиять на отношение Гитлера к военной верхушке. Поэтому сразу же после победного завершения Польской кампании Гитлер стал настаивать на том, чтобы нанести удар на западе как можно скорее. Военные всячески противились этому, доказывая, что армия совершенно не готова к наступлению. В

конечном счете все решила погода, не позволившая и думать о проведении масштабного наступления.

Между тем среди самих немецких военных разгорелся спор по поводу плана кампании против Франции. Исследование, проведенное генералом Генрихом фон Штюльпнагелем в сентябре 1939 года, показало, что о прорыве укрепленной линии Мажино, тянувшейся вдоль восточной границы Франции, до 1942 года не приходится и мечтать. Вывод, оказавшийся впоследствии совершенно ложным, – линия была прорвана в июне 1940 года далеко не самыми лучшими частями вермахта, входившими в группу армий «С». Однако осенью 1939 года Генеральный штаб во главе с Гальдером принял это как аксиому и составил план, во многом напоминавший план Шлиффена начала XX века – широкий обход линии Мажино через территорию Бельгии и Нидерландов. У этого плана было множество недостатков, главный из которых заключался в том, что именно этого от немцев и ждали по другую сторону фронта. Вместо внезапного выхода во фланг и тыл противника, который планировал Шлиффен, предстояла фронтальная схватка двух противостоящих армий в Бельгии. Собственно говоря, создатели плана это прекрасно понимали и не предполагали быстрого разгрома противника. Максимум, чего планировалось достичь, – переместить линию фронта в Северную Францию.

Такой ход событий решительно не устраивал как Гитлера, так и ряд офицеров в штабе группы армий «А», в том числе возглавлявшего его Манштейна. С осени 1939 года последний бомбардировал командование сухопутных войск (ОКХ) своими предложениями, которые, по сути, гораздо больше соответствовали концепции «молниеносной войны». В соответствии с этими предложениями группа армий «В» должна была по-прежнему наступать через Бельгию и Голландию, однако основной ударный кулак следовало сосредоточить в полосе группы армий «А», находившейся южнее. Этот кулак из подвижных соединений должен был стремительно прорвать оборону противника в Арденнах – горно-лесистой местности, которая считалась непроходимой для танков. Таким образом была бы достигнута внезапность и немецкие танки смогли бы фактически разрезать силы противника на две половины, пройдя по тылам вошедшей в Бельгию с юга англо-французской группировки. План смелый, но рискованный и потому оставленный Гальдером без внимания.

О том, что произошло дальше, данные расходятся. Манштейн в своих воспоминаниях пишет о том, что все изменилось в связи с его назначением командиром 38-го армейского корпуса в конце

января 1940 года. 17 февраля он вместе с другими вновь назначенными офицерами был представлен Гитлеру в Берлине и получил возможность изложить ему свой план операций. Далее предоставлю слово самому Манштейну:

«Когда мы после завтрака стали прощаться с Гитлером, он пригласил меня в свой кабинет. Там он предложил мне изложить свою точку зрения об организации наступления на западе. Знал ли он уже от своего главного адъютанта о нашем плане и в какой мере он в этом случае был информирован, я не могу сказать. Во всяком случае, мне оставалось только удивляться тому, с какой поразительной быстротой он разобрался в той точке зрения, которую группа армий отстаивала в течение вот уже нескольких месяцев. Как бы то ни было, он вполне одобрил мои соображения. Через некоторое время была издана новая директива о наступлении».

План полностью совпадал с убеждениями Гитлера, который уже поздней осенью 1939 года предлагал Гальдеру аналогичный способ действий. Тогда Гальдеру стоило немалых усилий убедить фюрера, что его планы слишком рискованные, а их успех практически невероятен. Теперь же Гитлер убедился в том, что у него есть единомышленники. Следствием стало то, что план Гитлера – Манштейна был принят и увенчался блестящим успехом. Правда, есть данные о том, что Гальдер в начале февраля под давлением командующего группы армий «А» фон Рундштедта пересмотрел свои взгляды, но это для нас сейчас не принципиально. Главное то, что в этой ситуации полководческие таланты Гитлера оказались лучше, чем у его генштабистов. Не потому ли Гальдер после войны будет упорно утверждать, что именно фюрер мешал ему одерживать победы?

Одним словом, молниеносная победа над Францией была в 1940 году одержана во многом благодаря Гитлеру. Неизвестно, удалось бы Манштейну и его единомышленникам отстоять свою точку зрения, если бы верховным главнокомандующим был, скажем, Гальдер. Правда, по мнению многих историков, в ходе кампании Гитлер совершил страшную ошибку, которая стоила ему победы в мировой войне. Речь идет о знаменитом «стоп-приказе».

Ситуация выглядела следующим образом. 10 мая 1940 года немецкое наступление во Франции, Бельгии и Голландии началось. Танковые и моторизованные части группы армий «А», вырвавшись далеко вперед, фактически рассекают не только фронт, но и глубокий тыл противника. Слишком поздно поняв, в какую ловушку они попали, англо-французские силы, рванувшиеся в Бельгию навстречу группе армий «В», начинают

отступать. Пути обеих группировок – немецкой и союзной – должны пересечься на побережье Ла-Манша, в Дюнкерке. Если немцы выйдут к проливу, бельгийская группировка союзников окажется отрезанной и будет уничтожена.

Заветная цель уже маячит перед Гудерианом, командиром идущего на острие прорыва 19-го корпуса. Как вдруг 24 мая поступает категорический приказ Гитлера: остановить наступление. «Мы лишились дара речи», – пишет Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата». В итоге немецкие танкисты вынуждены были безучастно наблюдать, как более 300 тысяч английских и почти 30 тысяч французских солдат переправились через Ла-Манш и оказались в безопасности. Впоследствии только ленивый не бросит в Гитлера камень по этому поводу, обвиняя его в том, что он упустил верную победу.

В чем же дело? Где искать причину столь абсурдного приказа? Обычно таких причин называют три. Первая заключается в том, что Гитлер якобы не хотел наносить английским войскам решающее поражение, рассчитывая, что это поможет ему заключить мир с Британией в скором будущем. Надежды на такой мир действительно у фюрера имелись – совсем скоро, в июле, он обратится к английским лидерам с предложением решить конфликт полюбовно. Другое дело, что успехом это не увенчается. Вполне возможно, что Гитлер действительно попытался действовать в духе Бисмарка, который в 1866 году удержал военных от нанесения Австрии решительного поражения, чтобы не закрывать дорогу для сотрудничества с Веной в среднесрочной перспективе. Однако Гитлер не мог не понимать, что потеря армии является гораздо более серьезным стимулом к миру, чем ее чудесное спасение.

Вторая версия – Гитлер положился на заверения Геринга, который утверждал, что сможет разгромить англичан силами Люфтваффе. Варлимонт в своих воспоминаниях пишет об этом так:

«23 мая к концу дня Геринг сидел за тяжелым дубовым столом около своего вагона вместе со своим начальником штаба (генералом Ешоннеком) и начальником связи, когда пришли новости о том, что во Фландрии противник почти окружен. Он моментально среагировал. Ударив своим огромным кулаком по столу, он воскликнул: «Это отличный шанс для люфтваффе. Я должен немедленно переговорить с Гитлером. Свяжите меня с ним». В последовавшей затем телефонной беседе он всячески убеждал Гитлера, что это уникальная возможность для его авиации. Если Гитлер прикажет, чтобы эту операцию возложили только на Люфтваффе, он дает безусловную гарантию, что

уничтожит остатки противника; все, что ему нужно, – это свободный доступ; другими словами, танки надо увести на достаточное расстояние от западного края котла, чтобы обезопасить их от наших бомб. Гитлер оказался столь же проворен, как и Геринг, утвердив этот план без дальнейших обсуждений».

Военно-воздушные силы действительно смогли нанести англичанам весьма чувствительные потери. На их счету – десятки вражеских кораблей и самолетов, тысячи убитых и раненых солдат, сгрудившихся на пляжах Дюнкерка в ожидании эвакуации. Хотя впоследствии о «чуде Дюнкерка» англичане заявили как о важной победе, солдаты, пережившие это «чудо», запомнили в первую очередь вой пикирующих бомбардировщиков и тонкие силуэты Ме-109, расстреливавших их с бреющего полета. В Британию солдаты прибыли, бросив все тяжелое вооружение и будучи полностью деморализованными. Боевую ценность эвакуированных соединений еще предстояло восстановить.

Тем не менее сорвать эвакуацию Люфтваффе не удалось. Встает вопрос: согласился Гитлер с доводами Геринга потому, что безоговорочно верил своему сподвижнику, или потому, что это вполне гармонировало с другими его соображениями? Конкретно речь идет о стремлении поберечь подвижные войска – третья причина, которой обычно обосновывают «стоп-приказ» Гитлера.

Действительно, немецкие подвижные соединения во Франции казались могучей танковой лавиной только их противникам. Вермахт не имел решающего преимущества ни в количестве, ни в качестве танков. Перевес достигался за счет организации и методики использования танковых частей. Однако даже прекрасно организованные танки имеют свойство ломаться и гибнуть под воздействием противника.

24 мая 1940 года кампания была далека от завершения. Первая ее фаза завершилась блистательной победой, но впереди была вторая. Франция еще была не разгромлена и вполне могла совершить очередное «чудо на Марне» – создать новый прочный фронт, как это произошло в 1914 году. «Так получилось, что после окончания первой фазы немецкого наступления оба противника снова противостояли друг другу на сплошном фронте вдоль линии Мажино до Кариньяна и далее вдоль Эн и нижней Соммы. Немцы должны были теперь снова прорывать этот фронт. Если вторая фаза наступления германской армии в такой короткий срок привела к полной капитуляции противника, то лишь потому, что он не смог занять достаточными силами оборону на сплошном фронте от швейцарской границы до моря,

понеся такие большие потери в северной Бельгии», – пишет Манштейн в своих воспоминаниях. Таким образом, перед танковыми войсками стояли весьма масштабные задачи, которые нужно было решать как можно быстрее. Каждый день задержки позволял французам собраться с силами и организовать новую линию обороны.

Стоило ли рисковать этим, ввязываясь в бои с отступающими к Дюнкерку англо-французскими частями? Это сейчас иные любители истории в своих умозаключениях полагают, что стоило танкистам Гудериана войти на улицы Дюнкерка, как подходившая к городу с другой стороны полумиллионная группировка союзников немедленно бросит оружие и поднимет руки. Любителям истории хорошо: они могут принимать свои полководческие решения, сидя в теплой комнате спустя много лет после войны, точно зная положение дел у каждой из сторон, равно как и то, чем все в итоге закончилось. Для Гитлера капитуляция англичан и французов была отнюдь не очевидной. Скорее следовало предположить тяжелые бои с отчаянно пытающейся прорваться армией, бои, которые с немецкой стороны должны были вести танковые части, далеко оторвавшиеся от пехотных дивизий, в плохо подходящей для действий танков болотистой местности. Хорошо, если эти бои закончатся просто значительными потерями. А если противник все же прорвется? А французы тем временем выстроят новую линию обороны, прорывать которую будет нечем: потрепанные боями с окруженной группировкой танковые дивизии отчаянно нуждаются в отдыхе и пополнении… В результате может сложиться все тот же проклятый позиционный тупик, что и в 1914 году.

Не правильнее ли не гоняться за двумя зайцами, а наверняка пристрелить одного, более жирного – добить Францию? Группировка в Бельгии и так уходит со сцены – не будет ли правильнее построить ей, как учил Сунь-Цзы, золотой мост? Неизвестно, был ли знаком Гитлер с трудами китайского теоретика, но о том, что воля французского руководства к сопротивлению уже сломлена, он не знал совершенно точно. И в этой обстановке им было принято грамотное со всех точек зрения решение. «Разъясняя свое решение об остановке Браухичу и Гальдеру, он обосновывал его ожидаемым длительным и упорным сопротивлением англичан. Но фюрер не желал сковывать там свои моторизованные силы, а хотел как можно скорее высвободить их и перебросить на новый фронт для наступления на юг», – напишет потом в своих воспоминаниях фон Белов. Это в очередной раз говорит о том, что бездарным полководцем Гитлер

никак не был.

Хочу лишний раз оговориться, чтобы не быть неправильно понятым: я вовсе не пытаюсь доказать, что Гитлер был величайшим военачальником всех времен и народов. Разумеется, он допускал серьезные ошибки, особенно ближе к концу войны, когда его здоровье было уже подорвано, а желаемое все чаще выдавалось за действительное. Однако наличие у Гитлера ошибок ни в коей мере не означает, что он помешал своим генералам выиграть мировую войну, как это иногда утверждается. К слову сказать, далеко не все представители элиты вермахта считали Гитлера плохим полководцем. К примеру, как пишет В. Мазер, «генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге и генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель считали его военным гением».

Но вернемся к сражениям Второй мировой. В августе – сентябре 1940 года на смену битвам на суше пришла масштабная битва в воздухе – так называемая «Битва за Англию». Она была направлена на завоевание господства в воздухе над Ла-Маншем и южными районами Британии для подготовки вторжения. Старт масштабному воздушному сражению дали так называемые «Дни орла» в середине августа, а завершилось оно по факту в середине сентября, когда немцы негласно отказались от масштабных налетов на Англию. Битва, длившаяся, таким образом, приблизительно месяц, четко делится на две фазы: до конца августа удары Люфтваффе в основном были направлены против аэродромов противника, в сентябре немцы переключились на Лондон и другие города.

Именно это переключение иногда считают ошибкой Гитлера, которая помешала ему победить англичан. Легенда выглядит следующим образом: в ходе августовских ударов Люфтваффе, конечно, понесли болезненные потери, но практически полностью разгромили британскую истребительную авиацию. Английские летчики были измотаны, самолетов не хватало… Казалось, победа близка. Но в ночь на 25 августа немецкие бомбардировщики случайно сбросили бомбы на Лондон. Решив, что это запланированная акция, британцы в одну из ближайших ночей бомбили Берлин. Узнав об этом, Гитлер пришел в ярость и приказал перенести всю тяжесть воздушных ударов на Лондон и другие британские города. В результате Королевские ВВС получили желанную передышку, которая позволила им восстановить свои силы и выиграть сражение. В итоге высадка не состоялась. Так из-за глупого приказа Гитлера Германия в очередной раз утратила верный шанс выиграть мировую войну…

Как и во многих легендах, кое-что в ней соответствует истине. В частности, изменение приоритетов воздушных ударов

по приказу Гитлера – чистая правда. А вот оценка последствий этого приказа никакого отношения к реальной действительности не имеет. К концу августа выдыхаться стали отнюдь не Королевские ВВС, а Люфтваффе. Обусловлено это было множеством причин. Взять хотя бы ту, что сражения происходили над территорией Англии, и выпрыгнувший с парашютом британский летчик мог в тот же день вернуться на свой аэродром, а немецкий – попадал в плен. Да, отдельные английские эскадрильи были истощены, пилоты устали… но в целом в битве принимало участие не больше половины британской истребительной авиации. Англичане располагали весьма значительными резервами; их потери были меньше, чем у немцев, а производительность авиационных заводов – выше. В результате число боеготовых самолетов у англичан сохранялось примерно на одном уровне, у немцев – неуклонно снижалось, причем довольно быстрыми темпами. На смену опытным летчикам, прошедшим Польскую и Французскую кампанию, приходила молодежь из училищ. Именно это стало основной причиной поражения Люфтваффе.

Приказ Гитлера, конечно, не был мудрым и прозорливым. Но фатально глупым его тоже назвать нельзя. По большому счету, он не оказал серьезного влияния ни на ход боев, ни на результаты. И только потом его решили возвести в ранг рокового решения.

Впрочем, впереди было еще одно роковое решение – начало кампании против Советского Союза. Вдаваться в причины, по которым Гитлер принял его, мы сейчас не будем. Совершенно очевидно, что он не верил в нападение русских летом 1941 года (как об этом любят говорить российские ревизионисты), однако существование в непосредственной близости мощной независимой державы само по себе не могло устраивать лидера, стремящегося к мировому господству. Можно припомнить и хрестоматийную фразу «Все, что я делаю, направлено против России», и идеи о расширении «жизненного пространства» на востоке, и отсутствие других достойных задач для огромной отмобилизованной армии… Об этой смеси рациональных и иррациональных мотивов мы еще поговорим в одной из следующих глав. Во всяком случае, серьезной оппозиции среди военной элиты планы фюрера не встретили. Однако некоторые важные эпизоды Восточной кампании стали впоследствии поводом упрекать Гитлера в том, что он в очередной раз все испортил, вмешавшись в руководство боевыми действиями.

Первый такой эпизод касается знаменитого «поворота на юг» в сентябре 1941 года. Как известно, с самого начала операции «Барбаросса» события на различных участках советско-

германского фронта развивались по-разному. В полосе группы армий «Центр», где действовали танковые группы Гота и Гудериана, стремительные танковые прорывы увенчались масштабными окружениями русских войск. Продвижение происходило весьма стремительными темпами, хотя уже к концу лета выяснилось, что знаменитая фраза Гальдера «Не будет преувеличением сказать, что кампания выиграна в течение 14 дней» все же, мягко говоря, является преувеличением. В полосе группы армий «Юг» дела шли не столь хорошо: танковая группа Клейста, столкнувшаяся с мощными советскими мехкорпусами, продвигалась вперед с трудом; в итоге немецкие войска, захватив Правобережную Украину, вынуждены были остановиться.

Что делать в этих условиях? Продолжать наступление на Москву или помочь Рундштедту, группа армий которого завязла на Украине? Генеральный штаб во главе с Гальдером придерживается первой точки зрения. Такое же мнение высказывает и командующий 2-й танковой группой Гейнц Гудериан. В своих воспоминаниях он напишет:

«Я был вызван в штаб группы армий «Центр» на совещание, в котором принимал участие начальник генерального штаба сухопутных войск. Он сообщил нам, что Гитлер решил наступать в первую очередь не на Ленинград и не на Москву, а на Украину и Крым. Для нас было очевидно, что начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер сам глубоко потрясен тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. Мы долго совещались по вопросу о том, что можно было сделать, чтобы Гитлер все же изменил свое «окончательное решение». Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведет к зимней кампании со всеми ее трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания…

Фельдмаршал фон Бок также меня хорошо понимал и после некоторого раздумья внес предложение, чтобы я отправился вместе с генерал-полковником Гальдером в ставку фюрера и в качестве фронтового генерала доложил непосредственно Гитлеру наши взгляды в отношении дальнейшего развития операций. Предложение фон Бока было принято…

Я немедленно отправился к главнокомандующему сухопутными силами. Фельдмаршал фон Браухич встретил меня следующими словами: «Я запрещаю вам поднимать перед фюрером вопрос о наступлении на Москву. Имеется приказ наступать в южном направлении, и речь может идти только о том, как его выполнить. Дальнейшее обсуждение вопроса является бесполезным». В ответ на это я попросил разрешения вылететь

обратно в свою танковую группу, ибо при таких условиях не имеет смысла вступать с Гитлером в какие-либо объяснения. Однако фельдмаршал фон Браухич не согласился с этим. Он приказал мне отправиться к Гитлеру и доложить ему положение своей танковой группы, «не упоминая, однако, ничего о Москве!».

Я отправился к Гитлеру и в присутствии большого круга лиц – Кейтеля, Йодля, Шмундта и других доложил обстановку на фронте перед моей танковой группой, положение самой группы, а также о характере местности; к сожалению, при моем докладе не было ни Браухича, ни Гальдера, ни какого-либо другого представителя ОКХ. После того как я закончил свой доклад, Гитлер задал мне следующий вопрос: «Считаете ли вы свои войска способными сделать еще одно крупное усилие при их настоящей боеспособности?»

Я ответил: «Если войска будут иметь перед собой настоящую цель, которая будет понятна каждому солдату, то да!» Гитлер: «Вы, конечно, подразумеваете Москву!» Я ответил: «Да. Поскольку вы затронули эту тему, разрешите мне изложить свои взгляды по этому вопросу».

Гитлер дал свое разрешение, и я подробно и убедительно изложил ему все доводы, говорящие за то, чтобы продолжать наступление на Москву, а не на Киев… В заключение я обратился к Гитлеру с просьбой отодвинуть назад все остальные соображения, подчинив их прежде всего решению основной задачи – достижению решающего военного успеха. Все остальные задачи будут тем самым решены впоследствии.

Гитлер дал мне возможность высказаться, не прервав ни разу. Затем он взял слово, чтобы подробно изложить нам свои соображения относительно того, почему именно он пришел к другому решению. Он подчеркнул, что сырьевые ресурсы и продовольствие Украины являются жизненно необходимыми для продолжения войны. В связи с этим он упомянул о необходимости овладения Крымом, являющимся «авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти». Я впервые услышал от него фразу: «Мои генералы ничего не понимают в военной экономике».

Гитлер закончил свою речь строгим приказом немедленно перейти в наступление на Киев, который является его ближайшей стратегической целью. При этом мне впервые пришлось пережить то, с чем впоследствии приходилось встречаться довольно часто: после каждой фразы Гитлера все присутствующие молча кивали головой в знак согласия с ним, а я оставался со своим мнением в единственном числе. Очевидно, он уже не раз произносил такие речи для обоснования своих более чем странных решений.

Я очень сожалел, что во время этого доклада, от которого зависело очень многое, может быть даже исход войны, не присутствовали ни фельдмаршал фон Браухич, ни генерал-полковник Гальдер. Ввиду того, что против меня единым фронтом выступало все ОКВ, я решил в этот день прекратить дальнейшую борьбу, ибо тогда я все еще верил, что смогу добиться встречи с главой государства с глазу на глаз и доказать ему правоту своих взглядов».

Как видим, Гитлер был далеко не одинок, издавая 21 августа приказ, в котором говорил о том, что быстрый захват Москвы не является приоритетной целью. Его поддерживала практически вся верхушка вермахта. То есть привычная по многим мемуарам схема «Гитлер против генералов» в данном случае, как и во многих других, попросту не работает. Впоследствии это списывалось на некую «демоническую силу» Гитлера, которая заставляла окружающих слепо верить в то, что он говорит, и полностью подчиняться любой его воле. С «демонической силой» мы еще разберемся в одной из следующих глав, пока отметим сам факт поддержки Гитлера значительной частью германского генералитета.

В итоге Гудериан должен был повернуть на юг и помочь группе армий «Юг» разгромить киевскую группировку русских. Это решение стало неожиданностью как для германских, так и для советских генералов. Возможно, именно по этой причине бросок «стремительного Гейнца» на юг увенчался потрясающим успехом: его войска соединились с авангардами танковой группы Клейста в глубоком тылу советских войск. В окружении оказался практически весь левый фланг советско-германского фронта. Количество одних только пленных, по немецким данным, составило 665 тысяч человек. Несмотря на то что эта цифра сильно завышена, масштабы катастрофы были огромны.

Но генералы все равно остались недовольны. Да, они выиграли сражение, но проиграли войну. «В августе наступил решающий поворотный момент. Гитлер отказался от немедленного прорыва на Москву. Таким образом, был упущен последний шанс», – писал начальник оперативного отдела Генерального штаба Адольф Хойзингер. Если бы танки Гудериана рванулись не на юг, а на Москву, то советскую столицу удалось бы взять до начала распутицы, и война была бы выиграна.

Попробуем по пунктам разобрать эту легенду. Первое: какими мотивами руководствовался Гитлер, отправляя 2-ю танковую группу на юг? Часто говорят о том, что значительную роль играли экономические соображения. Украина – это не просто название территории, это всесоюзная житница. Для

немцев слово «Украина» еще с начала XX века прочно ассоциировалось с богатейшими сельскохозяйственными угодьями, способными завалить продуктами всю Германию. Восточная Украина – это одна из главных советских кузниц, это угольные копи Донбасса, это металлургические предприятия и харьковские машиностроительные заводы. Смысл даже не в том, чтобы захватить это все для Германии – хотя это, безусловно, важная задача, – а в том, чтобы лишить всего этого русских.

Но разве Гитлер не понимал, что захват Москвы и быстрое окончание войны и так передаст все эти богатства в руки немцев? Видимо, не понимал. И на то у него были веские основания. Германские генералы в своих выкладках почему-то исходят из допущения, что захват Москвы означал бы окончание Восточной кампании и капитуляцию Советского Союза. Порой создается такое впечатление, что вермахт не войну на уничтожение ведет, а в «царя горы» играет. Это тем более странно, что аналогичное допущение чуть больше века назад весьма дорого обошлось Наполеону, который тоже думал, что Москва – это ключ к победе. Он захватил древнюю столицу России, немного поскучал в Кремле, а потом с удивлением обнаружил, что война, оказывается, только началась!

Три года спустя на острове Святой Елены у французского императора было достаточно времени подумать над поведением этих странных русских. Германские генералы же, на свою беду, никаких выводов из французского опыта не сделали. Между тем до сих пор никто не сумел привести хоть одного убедительного довода в пользу предположения о том, что потеря Москвы привела бы к капитуляции Советского Союза. И весьма вероятно, что немцы, сумев занять Москву к началу октября, оказались бы в той же ситуации, что и Наполеон: русские не сдаются, куда наступать дальше – непонятно, да и распутица сковала все движения, коммуникации растянуты и кишат партизанами, фланги тоже растянуты, причем над южным нависает громадная группировка русских, взлетающие из Крыма бомбардировщики продолжают бомбить румынские нефтепромыслы. В Восточной Украине русские собрали богатый урожай, Харьковский тракторный завод продолжает в огромных количествах штамповать танки, до кавказской нефти далеко как до Луны пешком… Неприглядная картина, не правда ли? Но даже она построена на одном весьма спорном допущении, что немцы все-таки сумели бы взять Москву.

На самом деле за первые два месяца вермахт сумел усвоить несколько весьма неприятных истин. Во-первых, наличие танков и грузовиков не делает общий темп их продвижения более

быстрым, чем у Наполеона. Во-вторых, русская оборона может напоминать каменную стену, о которую можно долго стучаться лбом. В-третьих, вырвавшиеся вперед подвижные группы легко могут сами попасть в окружение. Пока что это сходило им с рук, но это только пока. В-четвертых, надежды на то, что Россия окажется колоссом на глиняных ногах, который рухнет после первого же удара, оказались иллюзией…

Удалось бы в таких условиях взять Москву быстрым ударом? Советские военачальники считают, что нет. «Немецкие войска были не в состоянии с ходу взять Москву в августе, как планировали некоторые немецкие генералы. В случае наступления они оказались бы в более тяжелом положении, чем в ноябре и декабре 1941 г. под Москвой. Поэтому все попытки немецких генералов и военных историков свалить вину за поражение на Гитлера несостоятельны», – напишет после войны маршал Жуков. «Положение советских войск было очень сложным. И все же я считаю, что у немецких войск не было реальных шансов на продолжение крупномасштабного наступления на Москву. Им обязательно нужна была передышка, которая наступила в августе», – вторил ему маршал Рокоссовский. Конечно, советские маршалы – лица заинтересованные, хотя и не в большей степени, чем их германские коллеги. Но совершенно очевидно, что резервы, которые были в сентябре – октябре брошены советским командованием на южный участок фронта, чтобы закрыть образовавшуюся там зияющую брешь, вполне могли быть при ином развитии ситуации брошены под Москву. А сама Москва, даже если бы немецкие танки ворвались на ее окраины, стать вторым Сталинградом, где бои велись бы за отдельно взятые дома, а наступательный порыв вермахта перемолот в кровавой мясорубке.

Как в связи с этим можно оценить решение Гитлера о повороте на юг? Как осторожное и взвешенное, избегающее чрезмерного риска. Гитлера принято упрекать в авантюризме, однако в данном случае в роли авантюристов выступили как раз его генералы. Германский фюрер же, как и во Франции, предпочел более важную и легче достижимую цель.

Следующим «роковым решением» Гитлера стал его «стоп-приказ», отданный в декабре 1941 года, во время советского контрнаступления под Москвой. Это сражение стало первым крупным поражением вермахта за все время Второй мировой войны. Ни германские солдаты, ни генералы не ожидали в первых числах декабря, что противник, которого вот-вот удастся добить, не только не считает себя разгромленным, но и способен нанести мощный удар по выдохшимся немецким частям. Уже после того,

как выяснились масштабы наступления советских войск, равно как и неспособность немецких солдат сдержать натиск противника, многие командующие на Восточном фронте начали выступать за то, чтобы отвести свои войска на значительную глубину. Только так, полагали они, можно будет спасти вермахт от разгрома.

Гитлер придерживался прямо противоположной точки зрения. 16 декабря командование группы армий «Центр» получило его приказ, требовавший «…удерживать фронт до последнего солдата… Командующим, командирам и офицерам, лично воздействуя на войска, сделать все возможное, чтобы заставить их удерживать свои позиции и оказывать фанатически упорное сопротивление противнику, прорвавшемуся на флангах и в тыл. Только подобного рода тактикой можно выиграть время, которое необходимо для переброски подкреплений из Германии и с Западного фронта, о чем я уже отдал приказ. Только когда резервы прибудут на отсечные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи». Все, осмелившиеся не подчиниться этому приказу, были смещены со своих постов. Так, отправленными в отставку оказались главнокомандующий сухопутных войск В. фон Браухич (эту должность взял на себя лично Гитлер), командующий группы армий «Центр» Ф. фон Бок, а вскоре – и «любимец фюрера» Гудериан. Чем руководствовался Гитлер, отдавая этот приказ?

Главнокомандующий вермахта исходил из того, что отступление в условиях крайнего истощения сил и подорванного морального духа немецких солдат может легко превратиться в беспорядочное бегство, которое, в свою очередь, может закончиться крахом всего центрального участка Восточного фронта. В этой ситуации удерживать позиции до последнего оказывалось, как ни странно, легче, чем произвести организованный отход, в отношении которого русские явно не станут занимать позицию стороннего наблюдателя. Правоту Гитлера признают, к слову сказать, многие генералы вермахта. К примеру, Блюментрит, занимавший в то время должность начальника штаба 4-й армии, писал: «Гитлер верил, что он один сможет избавить свою армию от катастрофы, которая неотвратимо надвигалась под Москвой. И если говорить откровенно, он этого действительно добился. Его фанатичный приказ, обязывавший войска стойко держаться на каждой позиции и в самых неблагоприятных условиях, был, безусловно, правильным. Гитлер инстинктивно понял, что любое отступление по снегам и льду через несколько дней приведет к распаду всего фронта, и тогда немецкую армию постигла бы та же участь, что и

Великую армию Наполеона».

Итогом приказа Гитлера стало то, что фронт к весне 1942 года принял весьма причудливые очертания со множеством выступов. Вермахт, хотя и отброшенный от Москвы на значительное расстояние, продолжал удерживать весьма важные позиции, даже несмотря на находящиеся на флангах и в тылу советские войска. Несмотря на то что многие немецкие части находились фактически в полуокружении, а некоторые – в полном окружении (например, в районе Демянска и Холма), Гитлер запретил им отходить. Впоследствии линию фронта действительно удалось стабилизировать. Вот что пишет об этом в книге «Вторая мировая война» К. Типпельскирх:

«Сила удара русских и размах этого контрнаступления были таковы, что поколебали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе… Гитлер быстро понял, что в связи с изменением положения на фронте наряду с военной проблемой возникла еще более важная психологическая проблема. Создалась угроза того, что командование и войска под влиянием русской зимы и вполне понятного разочарования в быстром исходе войны не выдержат морально и физически. Немецким войскам грозила судьба великой армии Наполеона. Многие представители высшего командования надеялись предотвратить опасность, которую они заметили уже несколько недель тому назад, только немедленным отводом армий и сокращением линии фронта.

С оперативной точки зрения эта мысль была, несомненно, правильной. Тем не менее Гитлер выступил против нее со всей энергией своего неукротимого характера. Он не мог ее принять из опасений уронить свой престиж; он боялся также – и не без оснований, – что такой большой отход вызовет упадок морально-боевого духа армии. Наконец, не было никакой гарантии, что удастся своевременно остановить отходящие войска…

19 декабря Гитлер возглавил сухопутную армию. Последствия этого решения оказались гибельными для дальнейшего ведения войны и для самой сухопутной армии. Однако в тот момент решение Гитлера было единственно возможным и обещало успех. Он привел армию к Москве, он один обладал силой внушения, необходимой, чтобы воодушевить армию. Он пользовался полным доверием войск. Поэтому его решение вызвало энтузиазм. Даже те представители высшего командования, которые критически относились к его руководству прошедшими операциями, понимали моральное значение этого решения Гитлера.

Сразу же после того, как наступление остановилось, Гитлер

отдал приказ о запрещении всякого самовольного отхода. Это средство было явно примитивным. Твердое и неуклонное выполнение такого приказа означало вначале отказ от всяких активных боевых действий под Москвой, привело к неоднократному осложнению тактической и оперативной обстановки и к ничем не оправданному сохранению выступов в линии фронта. Все же мощное наступление русских разбилось зимой 1941/42 года о стойкую оборону немецких войск…

Падеж лошадей и выход из строя механического транспорта, вызванные предыдущим отступлением, нехваткой фуража и перегрузкой, настолько снизили подвижность многих соединений, что дальнейшее отступление, если бы даже Гитлер дал на это согласие, здесь и на многих других участках фронта привело бы к тяжелейшим потерям в технике и соответственно еще больше снизило бы боеспособность войск. Тогда стало бы невозможно удерживать фронт даже после его сокращения…

Для дальнейшего ведения боевых действий исход этой зимней кампании имел гибельные последствия, которые в дальнейшем могли повлиять на провал не только Восточного фронта.

В обстановке, сложившейся ранней зимой 1941/42 года, в качестве временной меры по психологическим соображениям могли быть использованы принципы «ни шагу назад» и «удерживать любой ценой». Но мог ли быть осуществлен организованный отход, этого сейчас нельзя доказать. Возможно, только благодаря жестоким мерам Гитлера удалось предотвратить превращение оперативной неудачи в моральное поражение…

Однако командование вступило на опасный путь, когда оно из этой временной меры, обеспечившей успех только в борьбе против пока еще негибких действий русского командования и его ослабленного военного инструмента, сделало панацею от всех бед… Под давлением Гитлера немецкое командование все больше склонялось к этому схематизму. Гитлер почти совершенно отвергал отвод войск как оперативное средство, необходимое для того, чтобы восстановить свободу действий или сэкономить силы… Город Холм стал впоследствии образцом для многих «крепостей», о которые должны были разбиваться все атаки противника. Удавшееся снабжение Демянского котла воздушным путем привело к тому, что такой же эксперимент был повторен под Сталинградом в совершенно других условиях».

Как видим, критика Типпельскирха – как и многих его коллег – направлена не против самого решения Гитлера как такового – оно признается правильным и соответствующим обстановке, а

против бездумного перенесения опыта зимы 1941–1942 годов на последующие операции. В качестве примера такого перенесения называется Сталинград.

Напоминать историю Сталинградской битвы, думаю, нет никакой необходимости. Летнее наступление 1942 года было последней масштабной попыткой вермахта победить на Восточном фронте. Размах был уже не тот, что годом ранее: наступление началось только на одном – южном – участке фронта, однако развивалось весьма успешно. Немецким войскам удалось выйти к Кавказскому хребту и к берегу Волги в районе Сталинграда. Однако советские войска вовсе не собирались признавать себя разгромленными. В Сталинграде 6-я армия вынуждена была ввязаться в упорные и кровопролитные уличные бои, которые в значительной степени истощили ее силы и дали советскому командованию возможность подготовить удар по растянутым флангам немцев, обороняемым войсками стран – союзниц Третьего рейха. Операция «Уран», начавшаяся 19 ноября, уже через три дня привела к полному окружению 6-й армии в Сталинграде. В кольце оказалось около 330 тысяч человек.

Германское командование, застигнутое врасплох, сразу же оказалось перед вопросом: что делать с окруженными частями? Командующий 6-й армии Паулюс и шеф генерального штаба Цейтцлер считали, что необходимо вывести 6-ю армию из Сталинграда. Об этом они сообщили Гитлеру уже 24 ноября. Тем не менее фюрер приказал Паулюсу удерживать позиции.

Этот приказ Гитлера впоследствии подвергался резкой критике. На лидера Третьего рейха возлагалась ответственность за гибель 6-й армии. Если бы он согласился с доводами Паулюса, пишут многие историки и мемуаристы, окруженная группировка спокойно вышла бы из котла, а русские остались бы с носом.

Но действительно отход 6-й армии стал бы безоблачной прогулкой по зимнему пейзажу русских степей? В этом существуют вполне обоснованные сомнения. Тот же Типпельскирх пишет по этому поводу: «Способность 6-й армии к маневру была весьма ограниченной, большая часть ее конского состава осталась на отдаленных зимних пастбищах. Прорыв фронта окружения, удерживаемого значительно превосходящими силами противника, почти не скованными действиями против соседних разбитых армий, должен был привести к очень тяжелым потерям в людях и технике». Правда, он тут же добавляет: «Если не было уверенности в своевременном освобождении из окружения, – а ее действительно не было, так как командование не располагало в данное время никакими значительными резервами, – то единственным выходом из создавшегося отчаянного положения

мог быть только немедленный прорыв. Каждый упущенный день, даже каждый час означал непоправимую потерю». Однако эта сентенция носит отчетливо выраженный характер «послезнания», когда человек делает выводы исходя из своих знаний о том, чем все в конечном итоге завершилось. Да, уверенности в том, что кольцо окружения удастся прорвать извне, не было, но не было уверенности и в обратном.

Действительно, весь прежний опыт боевых действий на Восточном фронте настраивал на оптимистичный лад. До сих пор русским ни разу не удалось уничтожить окруженную немецкую группировку, хотя сами окружения происходили многократно – летом 1941-го, когда подвижные соединения далеко отрывались от следующих за ними пехотных дивизий, зимой 1941/42 года, когда во время контрнаступления под Москвой оказались в котлах крупные силы вермахта… Снабжение окруженных группировок – иногда на протяжении многих месяцев – удавалось организовывать по воздуху, и солдаты рано или поздно вызволялись из окружения. Кто сказал, что в этот раз будет иначе?

Важно учесть, что отвод 6-й армии из Сталинграда имел бы важное психологическое значение. Фактически он означал признание того, что кампания 1942 года не увенчалась успехом и война затянется на неопределенное время. Огромные усилия, потраченные на борьбу за город на Волге, окажутся потраченными зря. В этих условиях решение Гитлера становится вполне понятным, тем более что Геринг гарантировал ему возможность снабжать 6-ю армию по воздуху.

Еще одна небольшая ремарка: на страницах многих книг Геринг предстает напыщенным и пустым фанфароном, ничего не смыслящим в авиации и раздающим направо и налево заведомо невыполнимые обещания. Эта картина, мягко говоря, не соответствует действительности. Несмотря на присутствующее у Геринга тщеславие и явно завышенную самооценку, «пустышкой» он не был и большинство данных обещаний – особенно в первой половине войны – выполнял. Поэтому Гитлер имел основания поверить его гарантиям, тем более что попытку деблокады было решено предпринять уже в ближайшее время.

Сформированная в районе Котельниково группировка под командованием Гота, начавшая свое наступление 12 декабря, действительно смогла поначалу добиться значительных успехов. Прорвав оборонительные порядки советских войск, Гот рвался к Сталинграду. Паулюс в свою очередь должен был нанести встречный удар, когда деблокирующая группировка приблизится на 30 километров – дальше у его техники просто не хватило бы

горючего (это к вопросу о том, с какими потерями был бы сопряжен самостоятельный прорыв из окружения). Казалось, вермахт находится на волосок от успеха, но советская Ставка бросает на стол очередной козырь – 2-ю гвардейскую армию Малиновского. Так и не достигнув заветной 30-километровой отметки, Гот вынужден был отступить, теряя людей и технику.

С этого момента судьба окруженных фактически предрешена. Возможность прорыва носит чисто теоретический характер – интрига заключается скорее в том, удалось бы хоть кому-нибудь в случае такой попытки добраться до немецких линий или нет? Тем не менее Гитлер приказывает держаться до последнего и обещает помощь. Нельзя сказать, что для облегчения положения окруженной группировки ничего не делается – транспортные эскадрильи Люфтваффе исправно пытаются доставить 6-й армии как можно больше грузов, обратными рейсами вывозя раненых и… ценных специалистов, которые еще пригодятся вермахту. Было очевидно, что окруженной группировке рано или поздно придется капитулировать. Зачем же было продлевать бессмысленное сопротивление?

Дело в том, что 6-я армия – и это прекрасно понимал Гитлер – вовсе не была беспомощным агнцем, способным только терпеливо ждать заклания. Она сковывала весьма значительные силы советских войск, нанося им чувствительные потери. В начале декабря 6-я армия держала вокруг себя семь советских армий; в начале января, когда окруженная группировка уже агонизировала, предназначенный для ее ликвидации Донской фронт насчитывал 212 тысяч человек, 6860 орудий и минометов, 257 танков. Капитулируй Паулюс тогда, а не тремя неделями позже, эти силы были бы немедленно переброшены на другой участок фронта.

Сопротивление 6-й армии вовсе не было бессмысленным. Именно оно заставило советское командование отказаться от весьма амбициозного плана «Сатурн», который предусматривал наступление на Ростов-на-Дону и окружение всего южного фланга германского Восточного фронта. В случае успеха этих замыслов германская армия пережила бы катастрофу, по сравнению с которой Сталинград мог показаться булавочным уколом.

Разрабатывать альтернативы – дело весьма неблагодарное, потому что никто не знает, как все было бы на самом деле, если бы история пошла по другому пути. И все же представим себе, что Паулюс в последних числах ноября получает от Гитлера приказ на прорыв. Вне всякого сомнения, 6-й армии удается прорваться – теряя людей, оставляя раненых, бросая тяжелую технику, она выходит к «своим». Но что представляют собой эти самые «свои» –

вот в чем вопрос? Фактически в немецком фронте зияет огромная дыра, в которую на плечах Паулюса врываются советские войска, сконцентрированные для операции «Уран» и не скованные вокруг Сталинграда. Несомненно, вермахту отчаянными усилиями удалось бы стабилизировать фронт; вопрос в том, где бы это произошло.

Даже после такой стабилизации советское командование располагало бы крупными резервами – это войска, которые в реальной истории сжимают кольцо вокруг 6-й армии под Сталинградом. С немецкой стороны – весьма потрепанные дивизии, которые еще надо привести в порядок, с советской – свежие силы, почувствовавшие вкус победы. В такой ситуации «Сатурн» вполне мог воплотиться в реальность… Так что сопротивление 6-й армии в Сталинграде вовсе не было бессмысленным. Точно так же как и решения Гитлера. Ошибочными их можно назвать только в отношении судьбы 6-й армии, но не в отношении общей ситуации на фронте.

Последней попыткой вермахта сохранить за собой стратегическую инициативу на Восточном фронте была Курская битва. Как известно, эта попытка не удалась. Авторы мемуаров и сочувствующие им историки опять не упускают случая лягнуть некогда обожаемого фюрера: именно перенос сроков наступления на два месяца якобы позволил русским подготовиться к отражению немецкого удара. Т. Дюпюи в книге «Гений войны» пишет: «Гитлер… отсрочил операцию, поскольку хотел дождаться прибытия большого числа новых танков V («Пантера») и VI («Тигр»). При этом он полностью игнорировал донесения генерального штаба о том, что советское танковое производство было существенно больше германского. Если бы операция «Цитадель», как планировал Манштейн, осуществилась в начале мая, она могла бы увенчаться успехом. Однако за время отсрочки русские превратили линию фронта у Курска в одну из наиболее мощных оборонительных линий в истории современных войн и создали за линией фронта мощные резервы».

Дюпюи, видимо, сам не замечает допущенное им противоречие. Количественное превосходство русских танков можно было парировать только качественным превосходством немцев. В этом плане решение дождаться массового появления на фронте «Пантер» и «Тигров», которым действительно находилось мало достойных противников на поле боя, представляется вполне обоснованным. Что касается «мощной оборонительной линии» русских, то здесь полезно привести мнение Алексея Исаева, которое представляется мне вполне обоснованным: «Как-то мило забывается, что оборона Воронежского фронта была взломана на

всю глубину. Первая полоса обороны 6-й гвардейской армии И.М. Чистякова на южном фасе Курской дуги, которую строили несколько месяцев, II танковый корпус СС Пауля Хауссера прошел за 17 (прописью: семнадцать) часов. Чтобы остановить продвижение эсэсовских дивизий, пришлось бросить навстречу им танковые корпуса фронта. Ликвидировать угрозу удалось только стратегическими резервами в лице 5-й танковой армии П.А. Ротмистрова и 5-й гвардейской армии А.С. Жадова». Кроме того, если мы говорим о том, что советское командование использовало время для подготовки обороны, не надо забывать о том, что и немцы в это время не сидели сложа руки. Кому больше пошла на пользу отсрочка наступления – вопрос спорный.

Можно было бы анализировать «роковые решения» Гитлера и дальше, но, на мой взгляд, это занятие лишено смысла. Выиграть войну у Третьего рейха шансов больше не было. Гитлер мог допускать сколько угодно ошибок, генералы могли быть тысячу раз правы – речь шла только о том, когда закончится война, а не о том, как она будет закончена.

Настало время подвести итог. Миф о том, что бездарный Гитлер помешал своим гениальным генералам в три счета выиграть войну, не нашел ни одного подтверждения. При этом вовсе не стоит заменять его на миф о «полководческом гении» фюрера. Гитлер нередко принимал ошибочные решения – чем ближе к концу войны, тем чаще. Однако ни одно из этих решений не повлияло судьбоносным образом на исход Второй мировой войны. В то же время нередко возникали ситуации, когда верховный главнокомандующий оказывался прав, а его генералы, наоборот, ошибались. При этом надо отметить, что генеральский корпус не выступал против Гитлера единым фронтом, и многие его представители поддерживали решения своего фюрера.

Миф № 4
НАРКОМАН У ВЛАСТИ

Некоторое время назад на киноэкраны Европы вышла комедия о Гитлере, более всего напоминающая по сюжету и внешним характеристикам провальный спектакль из фильма «Продюсеры». «Майн фюрер: самая правдивая правда об Адольфе Гитлере» стал первой киносатирой германского производства о Гитлере. Картина изображает Гитлера наркоманом, который играет в ванне с игрушечным линкором и наряжает свою собаку в нацистскую форму. На самом деле речь идет не об одном конкретном фильме, а о сложившемся стереотипе. Образ фюрера-наркомана накрепко утвердился в «массовом бессознательном».

Ставшая почти официальной версия о наркомании Гитлера восходит к весьма одиозной персоне, «широко известной в узких кругах» – эзотерику и «чернокнижнику» Алистеру Кроули, одному из наиболее ярких представителей эзотерических кругов времен «Серебряного века». Он заявлял, что лично обучал Гитлера магическому искусству и в процессе этого обучения потчевал фюрера мескалином и прочими экзотическими наркотиками. Однако никаких подтверждений этому нет. Кроули никогда не встречался с Гитлером, а свидетельств употребления лидером Третьего рейха настолько серьезных психоактивных средств не зафиксировано. Мало того, будущего фюрера нацистской партии обошло стороной даже ставшее повсеместным в 20-х годах XX века увлечение кокаином. Можно, конечно, сказать, что причиной тому была бедность юноши. В «Моей борьбе» он открыто жалуется на копеечную сиротскую пенсию и на то, что жить ему приходилось на сущие гроши. Но стоит перечитать, например, мемуары Вертинского, и станет ясно, что стоил кокаин в те времена едва ли не дешевле сахара, и бедность никогда не останавливала пристрастившегося к нему. Так что, скорее всего, английскому «магу и чародею» просто хотелось прославиться, сделать так, чтобы его имя было прочно связано с именем величайшего злодея Европы. Ибо как ни пытался Кроули изобразить себя Зверем из бездны, как ни намекал на прямые связи с преисподней и умение творить злые чудеса, Гитлера ему было не переплюнуть.

Тем не менее почти официальная версия, публикуемая многими СМИ, выглядит примерно так: вначале было слово. А точнее – поэма Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль». На рубеже веков в Австро-Венгрии и особенно в Германии было модно все

средневековое: немцы занимались поиском собственных корней, формированием национальной идентичности, утраченной за годы раздробленности, наступившей в результате поражения в Тридцатилетней войне. Поэтому в моде были руны, средневековые поэмы, эддические мотивы и, разумеется, музыка Вагнера, эти мотивы использовавшего. Поэтому в том, что молодой австриец взялся штудировать довольно специфическую литературу, нет ничего странного. На почве пристрастия к такому чтению Гитлер познакомился с еще одним любителем древностей – владельцем венского книжного магазина Эрнстом Претцше. Ну, а поскольку Претцше не только вырос в немецкой колонии в Мехико, но и был сыном аптекаря, в истории снова появляется пресловутый мескалин. Дальше стоит просто процитировать эту версию, потому что пересказывать ее бесполезно: миф есть миф.

«Отец этого странного человека: оккультиста, алхимика и астронома, держал аптеку, а в свободное время отдавался изучению верований и магических ритуалов ацтеков. По возвращении на родину Претцше-младший стал ярым сторонником вагнеровского пангерманизма. Претцше объяснил Гитлеру, как читать в «космической хронике» без применения черной магии. Он и посвятил его в теорию секретного «чтения» посредством священного кактуса ацтеков пейотля. Проведя большую часть своей жизни в Мексике, Претцше рассказал Гитлеру о мифологии ацтеков и магических свойствах пейотля, открывшего ацтекам способность к ясновидению. Гитлер решил начать свое проникновение в высшие сферы самым коротким путем – через наркотик. Но Претцше не спешил давать ученику пейотль, он считал, что прежде, чем тот примет наркотик и приступит к познанию трансцендентных реалий, нужна определенная подготовка: воспитание концентрации, медитативная практика, контроль над эмоциональной жизнью, усмирение вожделений. Приблизительно в это время, в Мюнхене, будущему фюреру посчастливилось познакомиться с потомственным травником Гансом Лодцем.

Лодц был тем человеком, который по просьбе Гитлера приготовил ему настой из полученного от Эрнста Претцше пейотля. В Вахау, что расположен в окрестностях Мюнхена, у вод Дуная, вдали от городского шума, в хижине отшельника Ганса Лодца, Адольф Гитлер, приняв средство, расширяющее сознание, совершил свой первый трансцендентный trip. Прошедший эзотерическое обучение у Претцше, он понимал, что при подобных опытах необходим строгий контроль над сознанием, так как неизбежная его трансформация подвергает человека риску полного растворения в потоке трансцендентного, другими

словами, риску уничтожения самоидентификации.

Соединяясь с трансцендентным разумом, человеческое бессознательное открыто для получения состояния, которое можно назвать «благодатью». Визионеру в его путешествии все грезится исключительно «новым» и «удивительным». «Это абсолютное создание себя заново», – считал Олдос Хаксли. Духовное восприятие имевшего несомненные медиумические способности Адольфа Гитлера посредством мескалина открыло ему «двери восприятия», но это состояние будущего фюрера благодатью назвать было нельзя. Напротив, видения Гитлера, контролируемые его могучим, но психопатическим разумом, были направлены на определение своей роли в истории человечества. Ему открылись фрагменты своих предыдущих реинкарнаций. Это была небесная мифология: символическое отражение далеких событий Средневековья, связанных с поисками Грааля.

Когда-то, при первом прочтении «Парсифаля», Гитлер был удивлен, что в нем содержатся явные и скрытые ссылки на реинкарнацию. Он полагал, что христианское наследие, как и вся иудео-христианская культура, чуждо идее перевоплощения, что законы кармы являются исключительной прерогативой восточных религий: индуизма, буддизма и т. д.

Посредством мескалина Гитлер понял, что книга фон Эшенбаха – это посвятительный документ громадной магической силы, он осознал пророческий пафос и оккультную сущность «Парсифаля». Другими словами, Адольф Гитлер в романе о Граале видел некое пророческое предсказание событий, которые произойдут в XX веке. Гитлер верил, что все персонажи века девятого воплотятся в ином физическом теле в веке двадцатом. А самого себя он ощущал наследником рыцаря Грааля.

Далее творцы легенды развивают свою мысль: «То, что мы называем преступлениями нацизма «против человечества и человечности», по сути своей, – ритуальные обряды. Концлагеря и газовые камеры: «окончательное решение еврейского вопроса», уничтожение цыган, разного рода этнические и иные «чистки», все это не что иное, как человеческие жертвоприношения, массовые ритуальные убийства. Подобно ацтекам, герб которых украшал орел, сидящий на кактусе пейотль, нацисты с двуглавым орлом и свастикой и другими магическими символиками, типа эмблемы СС, состоящей из двух рун, приносили жертву жаждущим крови богам. Это все германское неоязычество, основанное на нордической мифологии и кровавом культе ацтеков. Все это превратно понятая модель мира исконных месоамериканских народов, культура которых во многом

обусловлена потреблением психоделиков, в частности, мескалина».

В принципе, таких историй довольно много. Каких-либо доказательств авторы, естественно, не приводят – по той простой причине, что их нет. Рассчитаны сказки про «предыдущие реинкарнации» и «жертвы кровавому культу ацтеков» на недалекого и падкого до всевозможных сенсаций читателя. На самом деле, как бы отрицательно мы ни относились к Гитлеру, приходится признать: у него был весьма здравый рассудок, хорошо развитое умение логически мыслить и ни малейшего желания замутнять разум при помощи разного рода химических средств.

Еще одна легенда повествует о том, что фюрер был алкоголиком. Здесь доказательства тоже практически отсутствуют. Гитлер не питал пристрастия к вину – не из каких-либо убеждений, а от того, что в свое время, по окончании очередного класса реального училища, «перебрав», попал в глупую и неприятную ситуацию, выйдя из которой зарекся употреблять спиртное вовсе. Впрочем, слово самому Адольфу: «Мы получили свидетельства и решили отпраздновать это дело. Мы потихоньку поехали в один крестьянский трактир и там пили и говорили ужасные вещи. Как все это было в точности, я не помню. Мне пришлось потом восстанавливать события. Свидетельство было у меня в кармане. На следующий день меня разбудила молочница, которая нашла меня на дороге. В таком ужасном состоянии я явился к своей «мамочке» (квартирной хозяйке). «Боже мой, Адольф, как вы выглядите!» Я вымылся, она подала мне черный кофе и спросила: «И какое же свидетельство вы получили?» Я полез в карман – свидетельства нет. Я решил: скажу, что показывал его кому-то в поезде, а тут налетел ветер и вырвал его из рук. Но «мамочка» настаивала: «Куда же оно могло пропасть?» – «Наверное, кто-то взял!» – «Ну, тогда выход только один: вы немедленно пойдете и попросите выдать дубликат. У вас вообще-то деньги есть?» – «Не осталось». Она дала мне пять гульденов, и я пошел. Тем временем четыре обрывка моего свидетельства уже доставили в школу. Будучи без памяти, я перепутал его с туалетной бумагой. Это был кошмар. Все, что мне наговорил ректор, я просто не могу передать. Это было ужасно. Я поклялся всеми святыми, что никогда в жизни больше не буду пить. Я получил дубликат. Мне было так стыдно! Когда я вернулся к «мамочке», она спросила: «Ну, и что он вам сказал?» – «Этого я вам не могу сказать, но скажу одно: я никогда в жизни больше не буду пить». Это был такой урок, что я никогда больше не брал в рот спиртного».

Справедливости ради заметим, что тут Адольф несколько лукавит. Или, в качестве варианта, просто не рассматривает как спиртное пиво, которое он весьма уважал и позволял себе выпить кружку-другую в праздничный день. Но ничего крепче он и правда в рот не брал до конца своей жизни. Что, впрочем, не делало его завзятым абстинентом: своих взглядов на спиртное он никогда особенно не пропагандировал и никому не навязывал.

Иная история была с табаком. Тут Гитлер делался фанатическим противником курения: на дверях его квартиры висела табличка «Курильщиков просят не переступать этот порог». Мало того, курящим соратникам по партии приходилось несладко: он безжалостно высмеивал их в личных беседах или при всех, собравшись за общим столом. Больше всего доставалось, пожалуй, Герману Герингу, любившему позировать для портретов с трубкой в зубах, и заядлому курильщику Генриху Гофману.

«Мне долгое время было очень плохо в Вене, – рассказывал Гитлер. – Несколько месяцев я не ел горячей пищи. Питался молоком и черствым хлебом. Но зато тратил тринадцать крейцеров в день на сигареты. Выкуривал от 25 до 40 сигарет в день. Но крейцер тогда был больше, чем сегодня десять пфеннигов. И однажды мне в голову пришла мысль: а что, если не тратить 13 крейцеров на сигареты, а купить масла и сделать бутерброды? На это уйдет 5 крейцеров, и у меня еще останутся деньги. Вскоре я выкинул сигареты в Дунай и никогда больше к ним не притрагивался».

В планах Адольфа Гитлера была даже всегерманская кампания против курения, запланированная им на период после войны. «По вине прежнего командования сухопутных войск мы в начале войны первым делом стали выдавать солдату столько-то и столько-то сигарет в день, – сетовал он во время застольной беседы в Ставке. – Но как только наступит мир, с этим надо будет кончать. Валюту нужно тратить на что-нибудь полезное, а не на импорт яда. А начну я с молодежи. Ей нужно будет только сказать: не берите пример со стариков, и все будет в порядке. Я потерял столько выдающихся людей, которые отравили себя табаком!»

Впрочем, истории о «Гитлере-наркомане» все же имеют под собой определенные основания. Связаны они с именем лечащего врача фюрера в годы Второй мировой войны, Тео Мореля. Эта достаточно зловещая личность, равно как и истинные размеры ее влияния, до сих пор остается в тени.

Тео Морель был сверстником Гитлера – он родился в 1886 году в Гессене. Будучи специалистом по кожным и

венерическим заболеваниям, он держал частную практику в Берлине и пользовался большим авторитетом в своей области. К нему приходили лечиться весьма именитые пациенты – к примеру, личный фотограф Гитлера Генрих Хоффман. Именно через него Морель в 1936 году знакомится с Гитлером.

Лидер Третьего рейха на тот момент вовсе не был образцом здоровья. К врачам ему приходилось обращаться еще в двадцатые годы, причем по самым различным поводам. Весьма серьезные нагрузки на организм в дальнейшем только усугубляли ситуацию. Известно, что в середине тридцатых годов Гитлер страдал от болей в области живота и почек. Морель, человек, падкий до денег и славы, берется за лечение именитого пациента. На первых порах он старается обойтись вполне безобидными средствами – к примеру, пилюлями, которые должны нормализовать кишечную флору. Но желанное облегчение приходит ненадолго: состояние Гитлера продолжает постепенно ухудшаться. Время от времени происходят резкие приступы боли в брюшной полости. Фюрер все сильнее боится умереть, не успев воплотить в жизнь свои замыслы. В 1937–1938 годах он пишет сначала политическое, а затем и личное завещание.

Такая ситуация, естественно, совершенно не устраивает Мореля. Арсенал применяемых лекарств постоянно расширяется. Используются вполне безобидные средства, но прием большого количества химических веществ сам по себе достаточно вреден для организма. Гитлер постепенно втягивается в «лекарственную спираль»: чем больше лекарств, тем больше побочных эффектов, тем хуже здоровье, что снова требует увеличения числа лекарственных препаратов…

Свою роль играет и то обстоятельство, что «наци № 1» страшно боится за свое здоровье и считает ситуацию критической. На самом деле проведенное в 1940 году подробное медицинское обследование не обнаружило у него никаких особенно тяжелых и опасных для жизни заболеваний. Но Гитлер, обложившись медицинскими справочниками и учебниками по терапии, предпочитает видеть ситуацию в самых мрачных тонах.

В 1941 году у Гитлера обнаруживаются отеки на икрах, вызванные проблемами с сердечно-сосудистой системой. Именно тогда Морель делает первый шаг к сильнодействующим препаратам. Он прописывает своему пациенту весьма серьезные стимуляторы вроде корамина и первитина. Медицинских показаний к их применению нет, воздействие же на психику Гитлера они оказывают весьма серьезное.

Но это было только начало. В конце 1942 – начале 1943 года под воздействием серьезных психических нагрузок из-за

поражений на фронтах мировой войны состояние Гитлера начинает резко меняться в худшую сторону. «У него снова дрожит левая рука и левая нога, которую он подволакивает. Заметны явные нарушения координации движений. Он возбуждается легче, чем раньше, раздраженно реагирует на возражения и неприятные ситуации. Упрямо держится за свои идеи и представления, которые его окружению кажутся порой ошибочными и странными. Речь в значительной степени теряет богатство оттенков», – пишет Вернер Мазер. Количество лекарств, принимаемых Гитлером, возрастает. Морель дает ему право в неограниченных количествах принимать кардиазол, который является достаточно сильным стимулятором.

Физическое состояние Гитлера резко ухудшается после покушения 20 июля 1944 года. Хотя фюрер остался в живых, взрыв не мог пройти для него бесследно. «Дрожит уже вся левая половина тела. Походка становится шаркающей. Все движения происходят как бы в замедленной съемке. Дрожат веки глаз. Впервые явно проявляются сильные нарушения равновесия. Во время коротких прогулок он то и дело шатается» – так описывают биографы состояние Гитлера во второй половине года. Вдобавок ко всему в сентябре он заболевает желтухой. В последующем физическое состояние фюрера ухудшается, более того, он попадает в зависимость от стимуляторов, прописываемых ему Морелем.

После войны все это послужило поводом для того, чтобы заявить: Морель давал своему пациенту сильные наркотики и некие «тайные лекарственные средства». Вернер Мазер, подробно изучивший состав лекарственных препаратов, прописанных Гитлеру Морелем (всего с 1936 по 1945 год набралось более 30 наименований), не находит подтверждения этим данным. Пожалуй, единственное исключение – так называемые «золотые таблетки», которые Морель изготавливал по собственному рецепту из первитина и кофеина. По некоторым данным, содержавшиеся в них дозы стимуляторов намного превышали допустимые нормы.

Подведем итог: единственное, что может хоть как-то подтверждать легенду о «Гитлере-наркомане», – это несомненная лекарственная зависимость, которая сформировалась у лидера Третьего рейха к концу войны. Однако его здоровье к этому моменту и без того было разрушено; более того, на развитие событий оно не оказывало уже практически никакого влияния. Война неотвратимо двигалась к своему завершению, и вне зависимости от того, стоял во главе Германии безумный наркоман или юный атлет, Третий рейх был обречен.

Миф № 5
«СЕКСУАЛЬНЫЙ МИФ» ГИТЛЕРА

«Сексуальный миф» Гитлера – это не один, а целый комплекс мифов, которые еле-еле удается втиснуть, что называется, в одну рамку. Самые популярные и живучие из них – легенда об извращенных пристрастиях фюрера (вроде садо-мазохизма), его импотенции и гомосексуализме.

Но начнем с более, так сказать, традиционных сюжетов. Пользовался ли фюрер успехом у прекрасного пола? Тема отношений Гитлера с женщинами волновала и волнует многих. Как же это: не слишком мужественный, небольшого роста, щуплый Адольф был секс-символом целого государства?! Что должны были чувствовать женщины, стремящиеся к близости с ним, мечтающие о хотя бы одном прикосновении новоявленного мессии? Почему он, злодей, чудовище, разжигатель войны, был для них желанен и привлекателен? Это настолько не вяжется с его образом, созданным военной пропагандой союзников, что порождает массу домыслов и слухов.

Попробуем разобраться по порядку. Для начала нужно сказать, что с женщинами Гитлеру действительно везло. Всю жизнь они окружали его, заботились о нем, помогали ему, в том числе помогали изыскивать источники финансирования его мегапроектов, устанавливать деловые контакты. Обходительный, умевший на все сто процентов использовать свое обаяние, понять, что интересует и волнует собеседника более прочего, и затронуть в разговоре нужную тему в нужном ракурсе, демонстрировать понимание и близость взглядов, он, разумеется, привлекал их. Гитлер охотно принимал их поклонение и помощь. Во многом можно утверждать, что власть его покоилась именно на обожании женщин. Что, кстати сказать, впоследствии дало повод утверждать, что нацисты победили на выборах именно благодаря голосам женщин-избирателей.

Честно говоря, вряд ли еще какой-нибудь из политических деятелей минувшего века может похвастаться такой популярностью у противоположного пола, как Адольф Гитлер. Он получал столько писем с предложением физической близости, что и жизни не хватило бы прочесть их все. Экзальтированные барышни мечтали зачать от него ребенка. По свидетельству Эмиля Мориса, шофера Гитлера, юные девушки частенько буквально бросались под его машины, думая лишь о том, что, если они будут ранены, Гитлер удостоит их своим

прикосновением. Со всех краев Германии ему присылали многочисленные подарки, заботливо изготовленные руками влюбленных в него женщин. И пусть чаще всего это были всего лишь подушки-«думочки», вышитые сложным узором из цветов, листьев и свастик, число этих незатейливых даров говорило о степени обожания главы государства лучшей половиной его подданных. Альберт Шпеер так описывает убранство гитлеровской резиденции, буквально заваленной этими подарками: «Позолоченная клетка с канарейкой и фикус. На безделушках и вышитых поклонницами подушечках с клятвами «Верность навек» в сочетании с изображением восходящего солнца пестрели свастики. Гитлер смущенно признавался мне: «Я знаю, что это некрасиво, но многое я получил в подарок и не хотел бы с этим расставаться».

Однако в отношениях с прекрасным полом Гитлер был чаще всего весьма сдержан. Сказывалось строгое протестантское воспитание. Нет, на публичных мероприятиях он активно «подзаряжался» энергией беснующейся в экзальтации толпы женщин. Его реально опьяняла исходящая от них волна эмоций. Он создавал своего рода эмоциональный резонанс, заводя толпу, вызывая у женщин настоящее физическое желание. Однако сближаться с теми, кто так ярко реагировал на его слова, голос, само его существование, он не торопился. В ответ на все не устраивающие его предложения близости он отвечал сбивающей с толку формулой: «Моя невеста – Германия!»

Исходя из этого делаются различные выводы, подчас скандальные или фантастичные. Историки и псевдоисторики пытаются объяснить сдержанность, часто холодность Гитлера в половых вопросах самыми разными причинами – от последствий перенесенного в детстве сифилиса или полученного на фронте ранения до нетрадиционной сексуальной ориентации фюрера, его необычных привычек и предпочтений в постели. Между тем это различие между внешней «картинкой», имиджем и тем, как Гитлер вел себя не на публике, в частной жизни, вполне естественно. Все, кто был к нему достаточно близок, отмечают его выдающиеся актерские способности. Гитлер отлично умел создавать и отыгрывать образ, необходимый в ту или иную минуту. То есть перед толпой собравшихся услышать и увидеть его женщин он мог быть олицетворением сексуальности, с генералами-пруссаками – воплощением сухости, пунктуальности и решительности, в обществе солдат – старым фронтовиком, в официальной обстановке – копией собственного официального портрета. У власти в мощнейшей державе тогдашней Европы стоял талантливый актер-самоучка, способный сыграть

решительно все.

При этом следует понимать, что женщин он любил. Не в том смысле, что был «ходоком» и бабником, а в самом прямом: он любил и понимал немецких фрау, знал их слабые и сильные стороны, чувствовал их желания и чаяния. Единственный тип женщины, который вызывал у него отвращение, – это женщины-агитаторы, женщины-политики – не реализовавшиеся в личной жизни, озлобленные, мужеподобные. Этот тип породили Первая мировая война вкупе с революцией. Виною всему был в первую очередь ущерб, который они нанесли мужскому населению Германии: число способных к производству потомства мужчин значительно сократилось. Как следствие, многие женщины, сублимируя сексуальную энергию, подались в политику, породив отвратительное, по мнению фюрера, в своих проявлениях явление – комиссарш, партийных активисток, революционных фанатичек. Национал-социалисты относились к ним с презрением, не считая за женщин в полном смысле этого слова. «Судьей, солдатом, рулевым государства должен быть и оставаться мужчина», – провозглашал главный партийный теоретик Альфред Розенберг. Гитлер соглашался с ним полностью. «Баба в политике вызывает у меня отвращение», – говорил он с полной убежденностью.

Он, однако, понимал, что именно женщины были и остаются той силой, которая мягко, исподволь способна преодолеть мужскую косность, подвигнуть мужчину на подвиги и деяния. Гитлер знал, что многие сторонники нацистов, такие, как, например, генерал Эрих Людендорф, находились под влиянием своих жен, без участия которых они вряд ли смогли бы добиться в жизни многого. Поэтому, несмотря на стремление сделать культуру Германии более патриархальной, отчасти даже пасторальной, Гитлер признавал за женщиной право на поступки, выбивающиеся из традиционных германских трех «К» – дети, кухня, церковь. Естественно, что ему отнюдь не нравилась эмансипация в том виде, в котором она на ту пору была представлена в Германии, однако дамские авто– и велогонки, соревнования парашютисток в Третьем рейхе отнюдь не запрещались, хотя и не получали такой поддержки и освещения, как, например, в 1920-е годы.

Вероятно, именно поэтому, хотя Гитлер и позволял себе периодически высказывания типа «если в Саксонии женщина начинает задумываться о том, зачем она появилась на свет, то это худо» или «поварешка – оружие женщины», он часто обращался к женщинам, являвшимся признанными мастерами в той или иной области. Так, главным документалистом рейха стала Лени Рифеншталь, а перестройкой зданий в районе Оберзальцбурга

занималась архитектор Герда Троост. Что уж говорить о немецких актрисах той поры, многие из которых, кстати, чрезвычайно нравились Гитлеру, привлекали его.

Впрочем, официальная пропаганда НСДАП была ориентирована не на несколько выдающихся женщин, а на массу – тех, кто жил за пределами больших городов и не был подвержен отраве эмансипации, придерживался тех же морально-этических норм, что и сотню лет назад. Женщины из провинции, из германской глубинки, тоже любили Гитлера. В частности потому, что он знал, чего они хотят и о чем мечтают. «Они не стремятся на фабрики, в конторы или в парламент. Их сердцу ближе родной дом, милый муж и стайка счастливых ребятишек», – говорил Адольф Гитлер и был абсолютно прав. Большинство немок не рвались в политику или науку, не стремились сделать карьеру актрисы или кинорежиссера, прыгать с парашютом или «рассекать» по стране за рулем автомобиля. Измученные безденежьем послевоенных кризисных лет, отсутствием мужей, погибших на фронтах, они смотрели на Гитлера как на спасителя хотя бы потому, что он помог им выбраться из ужасной нужды. А уж если им доводилось видеть фюрера лично, хотя бы и издали, он становился для них идеалом мужчины, своего рода идолом. Только представьте себе: облеченный властью, столько сделавший для страны в целом и для каждой из них в частности, изысканно вежливый в разговоре и при этом ласковый в интонациях, одетый в военную форму, точь-в-точь, как покойный супруг… Немудрено, что старшее поколение немок, те, кто пережил войну и послевоенные годы, просто боготворили его. Естественно, что это отношение они передавали и поколению более младшему, что в сочетании с хорошо поставленной партийной пропагандой не могло не создать того эффекта, о котором так часто говорится в жизнеописаниях Гитлера – эффекта магнетического воздействия на женщин.

Личная жизнь Адольфа Гитлера была гораздо более скромной, чем об этом принято говорить. Мало того, можно сказать, что удачливый политик не был удачливым любовником. Если его увлечения и романы вообще приводили хоть к какому-то результату, счастья они ему не приносили, ибо завершались чаще всего трагически. В этом плане его роман с Евой Браун можно считать наиболее успешным и удачным: он принес Гитлеру хотя бы несколько лет относительного мира в душе и что-то похожее отчасти на семейное счастье.

О первом романтическом увлечении Адольфа известно немного – только то, что записал в своих воспоминаниях его венский приятель Густл Кубичек. Гитлеру страшно понравилась

жительница венского предместья Штефани Янстен – высокая блондинка валькирического облика – с длинными ногами и высокой грудью. Женщина эта была старше Гитлера и отличалась, мягко говоря, вольным стилем поведения. Впрочем, это не мешало Адольфу тенью следовать за ней по улицам Вены и даже пытаться изобразить нечто вроде серенады под милым балконом. Однако Штефани так и не обратила внимания на юного обожателя, предпочитая кавалеров постарше и, честно говоря, поденежнее. Со временем страсть Адольфа сошла на нет, и он забыл о предмете своего обожания. По крайней мере, ни в воспоминаниях, ни в застольных разговорах он не упоминает ее имени. Единственная фраза, оброненная им как-то по поводу его отношения к жительницам австрийской столицы, хотя и полна ностальгией, но не содержит никаких имен: «В Вене мне довелось встречать очень красивых женщин!»

С именем Штефани Янсен, к слову сказать, частенько связывают корни гитлеровского антисемитизма, заявляя, что главным соперником Гитлера был некий богатый еврей. Насколько этот факт может быть отнесен к числу достоверных – неизвестно. Скорее всего это – очередная «утка», созданная журналистами от истории в погоне за сенсацией и повышенным гонораром.

О том, что творилось в сердце фюрера до самого начала Первой мировой, мы просто не знаем: сам он умалчивает, а воспоминаний современников об этом его периоде не осталось. Зато в годы войны, если верить коллегам историкам, с ним приключился настоящий фронтовой роман. Борис Соколов в книге «Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой» упоминает о некой Шарлотте Лобжуа. Роман с ней пришелся на 1916–1917-й годы. «Шарлотта отличалась довольно легким поведением, – пишет автор, – мужчин и до Гитлера и после Гитлера у нее было немало. В марте 1918 года Шарлотта родила от Гитлера сына Жана Мари, которому впоследствии дала фамилию Клемана Феликса Лоре, за которого в 1922 году, уже в Париже вышла замуж. Только перед смертью, 13 сентября 1951 года, она сообщила сыну, что его отец – Адольф Гитлер».

Неизвестно, откуда была взята эта информация и насколько она достоверна. Верить или не верить этому утверждению – личное дело каждого, но имя Шарлотты упоминается в свидетельствах фронтовых товарищей Гитлера, а что до сына – то тут и вовсе могло быть всякое. По крайней мере в СМИ заявления о том, что найден очередной потомок фюрера, появляются настолько часто, что хотя бы одно из них может оказаться правдой. Хотя шансов на это, мягко говоря, немного.

Изредка пишут также о романе с некой Гретой Шмидт – военной медсестрой, но, насколько это может быть правдой, неясно. О ней не упоминает ни сам Гитлер, ни те, кто близко знал его в то время.

После войны, в Мюнхене, у Гитлера был небольшой роман с некой Марией Райтер, девушкой, фанатично преданной ему и едва вследствие этой преданности не погибшей. Познакомились они в 1925 году. Знакомство было банальнейшим: их свели собаки, которых они выгуливали в одном и том же месте. Марии тогда было 16 лет, Гитлеру 36. Пылкие речи Адольфа настолько увлекли девушку, что через некоторое время она и сама уже не могла разобраться, где заканчиваются ее чувства к Гитлеру и начинается вера в его идеи. Долгий период платонической влюбленности закончился бурным, но скоротечным романом. В Мюнхен приехала изучать медицину племянница Гитлера Ангела Раубаль. Мария сразу же получила отставку. Это было для девушки серьезным ударом: она попыталась покончить с собой, ее полумертвой вынули из петли. Впрочем, вскоре после этого она вышла замуж. Но любить Адольфа не перестала. Встречаются упоминания о том, что периодически она появлялась у Адольфа, оставаясь на ночь. Впрочем, особого развития и, как следствие, известности их роман не получил.

Гораздо более известен и уж во всяком случае документально подтвержден роман с Ангелой Раубаль. Неясно, когда родственные чувства дядюшки переросли в нечто более откровенное и пылкое, но в 1927 году, когда Гели приехала в Мюнхен, она вела себя с Гитлером чрезвычайно откровенно, нисколько не стесняясь роли его любовницы. Судя по всему, роман их к тому времени уже был в разгаре. За всю биографию Гитлера это тот период, когда можно говорить именно о любви, а не об увлечении. Юная племянница буквально скрутила Адольфа в бараний рог: он старался сопровождать ее везде, куда бы она ни отправилась, быть при ней неотлучно. Он брал ее с собой даже на совещания партийного руководства. Мало того, Раубаль удавалось то, что соратники по партии считали просто невозможным – заставить Гитлера замолчать и хотя бы на полчаса прекратить поток пропагандистски-пророческих изречений. Дело в том, что, когда он оказывался за одним столом с соратниками по партии, остановить его было почти невозможно. Но, как вспоминает личный фотограф фюрера Генрих Гофман, «если за столом была Гели, все вращалось вокруг нее и Гитлер никогда не переводил разговор на себя. Гели была волшебницей. В ее естественной манере, которая была свободна от всякого кокетства, только одним своим присутствием она создавала

наилучшее настроение всей компании. Все восторгались ею».

Не обошлось, естественно, и без сцен ревности: оказалось, что Гитлер – страшный ревнивец, способный закатить скандал буквально на пустом месте. Так, в качестве повода для ревности был воспринят, скажем, легкий флирт Раубаль с его шофером – Эмилем Морисом. Надо сказать, что и без того, несмотря на дружеские чувства к шоферу, Гитлер испытывал в его присутствии приступы комплекса неполноценности. Смуглый красавчик Эмиль – полунемец-полуфранцуз – пользовался у женщин почти таким же успехом, как Адольф, прилагая к этому намного меньше усилий. К тому же Гитлер смотрел на вещи вполне реалистично и понимал, что самого его красавцем назвать нельзя. Фюрер был мускулист, но склонен к полноте, имел впалую грудь. Позвоночник – заметно искривлен, так, что плечи находились на разном уровне – правое выше левого. Не слишком высокий рост – 175 см – в сочетании с привычкой сутулиться. Зубы неровные, желтовато-коричневого оттенка. Хроническая экзема. Гитлер стеснялся своего тела, и это делало его и без того тяжелый характер практически непереносимым. Во что в результате выливались сцены ревности – страшно себе даже представить.

Ангела в ответ поступила самым логичным для юной девушки образом – вместо того, чтобы подчиниться нажиму, превратила флирт в настоящий роман с любовными письмами и тайными встречами. Дальше, впрочем, если верить ей самой, дело не пошло, однако Гитлеру хватило и этого. Эмиль Морис, тенью следовавший за ним с 1920 года, человек, обращавшийся к Гитлеру на «ты», что было по-настоящему редким явлением, был изгнан с должности личного шофера фюрера и со всех партийных постов. Генрих Гофман попробовал было на правах старого знакомого намекнуть Гитлеру, что такая политика ни к чему хорошему не приведет, но получил суровую отповедь: «Я никогда не допущу, чтобы она попала в руки какого-нибудь мошенника или авантюриста. Я люблю Гели, я мог бы даже жениться на ней». Это был один из немногих случаев, когда Гитлер заговорил об узах брака, что и вправду свидетельствует о глубине его чувств.

Но Гели не хотела смириться с тем, что дядюшка так жестко контролирует ее личную жизнь, поэтому последовала череда интрижек, последовательно разрушенных суровым влюбленным. Так, за ней пытался ухаживать Отто Штрассер, однако Гитлер, и без того недолюбливавший этого представителя левого крыла партии, устроил колоссальный скандал, после которого о продолжении романа не могло идти и речи. Штрассер эту обиду не забыл и в своих воспоминаниях выставил Гитлера не только

ревнивцем, но и извращенцем. Естественно, что отношения дяди и племянницы становились все напряженнее, и о прежней идиллии уже не было и речи. Последней каплей стало намерение Гели оставить занятия медициной, ради которых она, собственно, и приехала в Мюнхен, и заняться пением. Гитлер нанял для нее двух учителей, но этого ей показалось мало, и она решила вернуться в Вену, чтобы продолжить занятия там. Естественно, ревнивый Адольф не мог допустить, чтобы его возлюбленная настолько вышла из-под контроля. Разразился скандал. Гитлер вышел из квартиры, хлопнув дверью, и уехал – в этот день ему необходимо было отправиться в очередную пропагандистскую поездку по Германии. Однако на следующий день при выезде из Нюрнберга его настигло известие о том, что Гели покончила с собой – застрелилась из пистолета, принадлежавшего Гитлеру. Следует отдать должное фюреру: он действительно спешил вернуться. Документально зафиксировано, что по дороге в Мюнхен он был оштрафован за превышение скорости. Но, когда он вернулся, Гели была уже мертва. По данным медицинской экспертизы, смерть наступила в середине предыдущего дня – 18 сентября.

Полиция пришла к выводу, что речь идет все-таки о самоубийстве, однако слухи ходили самые разные. Рудольф Гесс, скажем, считал, что Гели убили, причем сделал это кто-то из соперников Гитлера. А Отто Штрассер и вовсе обвинял Адольфа в том, что убийца – он. По крайней мере, в книге «Гитлер и я» он цитирует интригующую беседу со своим братом Паулем, состоявшуюся весной 1936 года. «Только подумать, – проворчал Пауль однажды вечером, – что Грегор однажды удержал Гитлера от самоубийства». «Когда это было?» – спросил я несколько рассеянно. Пауль замкнулся, а потом продолжал тихим голосом: «После убийства его племянницы Гели». Вот тут я завелся: «Это тебе тоже рассказал Грегор?» Пауль кивнул: «Я поклялся хранить это в секрете. Грегор провел трое суток с Адольфом, который вел себя как сумасшедший. Грегор сказал мне, что он застрелил ее во время ссоры, вероятно, не осознавая, что творит. Вскоре после убийства Гели он хотел покончить с собой, но Грегор помешал ему». Мне хотелось выяснить другие подробности. «Ты знаешь, кто был там во время убийства, и как это случилось?» – «Я ничего больше не знаю. Грегор мне ничего больше не говорил. Он рассказал мне это во время приступа глубокой депрессии, и я хранил тайну все время, пока он был жив». Дальше в беседе шла речь о том, что Гитлер остался безнаказанным лишь благодаря наличию сторонников в мюнхенской полиции и среди высоких чинов баварского правительства. Так, Франц Гюртнер, министр

юстиции Баварии, поддерживал НСДАП и вполне мог распорядиться не заводить уголовного дела.

В подтверждение истинности рассказа брата Отто Штрассер приводит свидетельство некоего отца Панта – мюнхенского священника: «Это был я, кто похоронил Ангелу Раубаль. Они сделали вид, что она совершила самоубийство. Я никогда не позволил бы захоронить самоубийцу в освященной земле. Из того факта, что я похоронил ее по христианскому обычаю, вы можете сделать выводы, которые я не могу вам сообщить».

В принципе, версия Отто Штрасера может быть не столь уж и далека от истины. Дело в том, что Гитлер совершенно определенно страдал расстройством психики, свойственным для большинства бывших фронтовиков – посттравматическим стрессовым расстройством, о чем мы еще будем говорить в одной из следующих глав. Современные медики считают, что оно не минует почти 90 % участников вооруженных конфликтов, и проводят специальные реабилитационные курсы, однако в начале прошлого века ни о чем подобном не могло идти и речи. Одним из проявлений этого расстройства вполне может быть склонность к нервным срывам, чрезмерная вспыльчивость, которая в сочетании с привычкой решать все проблемы при помощи оружия приводит к самым трагическим последствиям.

Как бы то ни было, а смерть Ангелы Гитлер пережил очень тяжело. Спустя много лет после ее похорон он скажет: «В моей жизни одна только Гели внушала мне подлинную страсть. У меня никогда раньше не возникала мысль жениться на Еве Браун. Единственная женщина, с которой я мог бы связать свою жизнь супружескими узами, была Гели». Комнату Ангелы Гитлер превратил почти в святое место, в усыпальницу, запретив кому бы то ни было туда входить. Исключение делалось для служанки, которая каждый день ставила в комнату букет свежих хризантем.

Недавно в прессе появилась статья, в которой говорится о якобы найденном сыне Гитлера и Гели Раубаль. Позволю себе процитировать ее целиком:

«Сенсационная новость пришла из США: чешский журналист Владимир Фалтинек из журнала «Гром» при помощи американских и японских коллег нашел сына Адольфа Гитлера, который подтвердил факт своего происхождения официальными документами. Фалтинек заявил, что потомок Гитлера живет в Индианаполисе, штат Индиана. И кроме него этот факт могут подтвердить японский и американский журналисты. По его словам, на контакт с журналистами сын Гитлера вышел сам: устал жить почти 60 лет во лжи и страхе. Как заявил Фалтинек, они долго сомневались: не самозванец ли этот человек или, чего

хуже, сумасшедший. Однако господин Вернер Герман Шмедт предъявил фотографии. С отцом. Отец и мать рядом. Есть и свидетельство о рождении.

Кроме того, Вернер официально заявил, что готов сделать анализ ДНК, чтобы доказать – он на самом деле сын Гитлера. Но для анализа, по его словам, нужны и клетки его отца. Вроде бы в Москве, в бывшем КГБ, хранится череп Гитлера. Если правительство Касьянова даст Вернеру гарантии безопасности, он готов приехать в Россию на несколько дней. При рождении мальчик получил имя Вернер Герман Шмедт, а напротив имен родителей стоят только инициалы. Отец – Г. Мать – Р. Родился он 23 февраля 1929 года в Берлине, где и жил с мамой – Гели Раубаль до 1931 года, пока она не покончила жизнь самоубийством. Потом его воспитывали многочисленные няни, в Германии и Австрии. Все оплачивал отец – Адольф Гитлер. Он навещал сына каждый месяц, иногда и чаще.

Когда родился мальчик, Гитлер не просто признал отцовство, но и при каждой встрече с сыном постоянно говорил, чтобы тот называл его только папой. Гитлер любил сына и очень боялся за него. Он сам объяснил мальчику: никто не должен знать, что тот его сын. Ребенка фюрера могли украсть или убить. Поэтому Вернеру и дали фамилию Шмедт. Когда мать умерла, Вернеру было всего два года. По официальной версии Гели Раубаль покончила жизнь самоубийством. Гитлер же объяснял ее смерть другими причинами. Мол, у нее был маниакально-депрессивный психоз. Сын и отец встречались часто. Если Гитлер мог, он оставался ночевать в том замке или доме, где жил Вернер. Мальчика ведь каждый месяц перевозили из одного места в другое в целях безопасности. Самое яркое воспоминание Вернера – подарок отца на день рождения: Гитлер на 10-летие подарил Вернеру коня, которого фюреру преподнес Муссолини. В 1940 году состоялась последняя встреча Гитлера с сыном. Отец сказал, что идет война и они несколько лет не будут видеться: «Скоро наступит тот час, когда я дам тебе все, что пожелаешь».

В 1944 году Вернера увезли во Францию. А няню и весь персонал расстреляли. Гитлер понимал, что конец близок, и хотел спасти мальчика. Семь лет Шмедт колесил по Европе. И только весной 1951 года уехал жить в США».

На самом деле при ближайшем рассмотрении эта «информация» рассыпается как карточный домик. Гели Раубаль все время была на виду, и ее беременность просто не могла остаться незамеченной. То же касается и «частых визитов Гитлера к сыну»: вряд ли его в высшей степени напряженный график позволял бы уделять столько внимания отпрыску, тем более

скрывая этот факт. Судя по всему, либо господин Фалтинек, либо господин Шмедт выдумали историю от начала и до конца.

Но вернемся в начало 1930-х годов. Смерть любимой женщины отнюдь не сделала Гитлера монахом. У Адольфа был широкий круг почитательниц, общения с которыми он не прерывал несмотря ни на что. Это были дамы зрелого возраста, о сексуальных отношениях с которыми говорить затруднительно как в силу возрастного различия, так и в силу их положения в обществе и, следовательно, страха за репутацию. Однако некие куртуазные отношения их с Гитлером связывали: им нравилось покровительствовать молодому политику, появляться в свете в его обществе. Их забавляла пылкость его речей и в то же время светскость его поведения. За то, что Гитлер служил их любимой игрушкой, они платили ему не только сердечной привязанностью, но и вполне реальной помощью. Полный список имен этих покровительниц теперь уже, пожалуй, не составить, но известно, что среди них были Хелена Бекштайн – супруга чрезвычайно состоятельного владельца фабрики музыкальных инструментов, княгиня Кантакузен – жена известного мюнхенского издателя Брукмана, госпожа фон Людендорф, благодаря которой Гитлер стал вхож в военные круги, госпожа Хоффман, на квартире которой происходили конспиративные встречи гитлеровского движения, госпожа Зайдлиц, на деньги которой первоначально издавался «Фелькишер Беобахтер» – партийная газета НСДАП, и многие другие. А с невесткой культового для Гитлера композитора Рихарда Вагнера – Винифред его связывали и вовсе теплые отношения. Эта дама зрелого возраста «купилась» на обходительные манеры Гитлера и считала, что он тайно влюблен в нее. Гитлер же просто любил музыку Вагнера, а связями его невестки пользовался для того, чтобы быть принятым в высокопоставленных кругах. Тем не менее Винифред вспоминала впоследствии: «Мы с Гитлером восхищались друг другом», называла его уникальным человеком и сохранила самые теплые воспоминания о нем. Мало того, книга «Моя борьба» написана на бумаге, которую приносила Гитлеру в тюрьму именно Винифред Вагнер. Впрочем, все так и закончилось не начавшись: оба они сохранили друг о друге самые теплые воспоминания, но не более.

Одновременно с этим у Адольфа было еще несколько увлечений. Среди них называют роман с Генриеттой Гоффман – дочерью его старого приятеля и «придворного» фотографа.

Впрочем, вполне может быть и так, что романа на самом деле не было. В конце концов, на том, что все было действительно так, настаивает Отто Штрассер, автор такого количества небылиц про Гитлера, что верить стоит далеко не каждому его слову. Во-

первых, речь идет все-таки о дочери старинного приятеля, по отношению к которому Гитлер испытывал пиетет. Во-вторых, Генриетта была все-таки слишком юна для него. Нет, конечно, после смерти Гели Раубаль она, видя, что сердце Гитлера свободно, добивалась его благосклонности, но безуспешно. Стараясь добиться своего, она даже распускала слухи о том, как Адольф ухаживает за ней, но не добилась ничего, кроме довольно резкого увещевания отца, завершившегося словами «даже не надейся». Закончилось все на редкость благополучно: Генриетта влюбилась в Бальдура фон Шираха – одного из самых молодых партийных функционеров, любимца Гитлера, и весной 1932 года вышла за него замуж.

Что интересно: в борьбе за благосклонность Гитлера Генриетта соперничала с Евой Браун. Впрочем, «соперничала» – это слишком громко сказано. Во-первых, обеим девушкам в тот период просто ничего не светило, если, конечно, не считать общего благорасположения Гитлера. А во-вторых, будущая госпожа фон Ширах откровенно не считала глуповатую, по ее мнению, Еву серьезной соперницей.

Между тем Ева была отнюдь не глуповата, а напротив – довольно расчетлива. То есть, конечно, когда она познакомилась с Гитлером, она была наивной экзальтированной девочкой, но цели своей добиваться умела как никто. А цель ее была очевидна – пленить немца № 1, добиться того, чтобы он обратил на нее внимание и приблизил к себе.

Впервые Адольф увидел Еву осенью 1929 года, зайдя в фотоателье Генриха Гофмана. Подрабатывавшая там Браун сразу обратила на себя его внимание. Еще бы! Молоденькая, свежая 17-летняя девушка со скромной, естественной манерой поведения. Она получила воспитание в монастыре и на ту пору еще даже ни разу не целовалась с мужчиной.

Сама она вспоминала эту встречу так: «Однажды я осталась на работе, чтобы привести в порядок некоторые бумаги. Я только поднялась на стремянку, чтобы достать папку с верхней полки, и тут вошел шеф, а с ним какой-то мужчина в возрасте с дурацкими усиками, одетый в светлое английское пальто и с большой фетровой шляпой в руке. Они сели в другом углу комнаты. Скосив глаза, чтобы не оборачиваться, я заметила, как гость смотрит на мои ноги. За день до этого я укоротила юбку и не была уверена, что сделала это хорошо, поэтому смутилась. Когда я спустилась, господин Гофман представил меня: «Господин Вольф, это наша очаровательная фрейлейн Браун… Будь любезна, принеси нам из ресторана на углу пива и ливерного паштета». Я быстро съела бутерброд, из вежливости немного выпила.

Знакомый шефа буквально пожирал меня глазами и непрерывно говорил комплименты. Мы побеседовали о музыке, обсудили последний спектакль. Потом Гофман отвел меня в сторону: «Ты не догадалась, кто такой господин Вольф? Разве ты не видела его портреты?» Я смущенно покачала головой. «Да это же наш Адольф Гитлер!..»

Надо сказать, что Еву принято изображать этакой дурочкой, купившей Гитлера своей наивностью. Тем не менее глупой она не была. В большей степени это был тщательно проработанный имидж. Дело в том, что Ева была очень неплохой актрисой, причем в самом прямом смысле – она играла в театре. Другое дело, что дальше любительских спектаклей ее карьера не продвинулась, но изобразить привлекательную глупышку ей однозначно было под силу. Говорит об этом характеристика, которую ей дали ее учителя. Они, правда, в один голос называли ее ужасным ребенком, но соглашались с тем, что «с головой у нее все в порядке, она должна найти себе достойное место в жизни».

Другое дело, что до сих пор неясно, сколько в ее романе с Гитлером было расчета, сколько любви, а сколько экзальтированной привязанности к популярному политику, человеку, гипнотизировавшему своими словами, своими обещаниями всю Германию. Но что абсолютно точно – так это то, что к завоеванию Гитлера Ева подошла системно. Весь следующий день после их первой встречи она посвятила изучению фотографий фюрера, которых в ателье Гофмана было множество. Никогда не интересовавшаяся всерьез политикой девушка начала читать газеты, слушать радио, бывать на митингах НСДАП. Надо сказать, что буря эмоций вокруг Гитлера была вполне понятна. Это мы, «перекушавшие» политической активности, с раздражением и досадой смотрим на слишком велеречивых, слишком активных политиков. Гитлер вряд ли пользовался бы успехом в наше время, вряд ли привлек бы столько внимания. А на ту пору, в первой половине прошлого века, он был явлением необычным. Он не оставлял равнодушным никого. Его любили, ненавидели, им восхищались и его поносили, но равнодушных не было. Всю эту бурю эмоций Ева пропустила через себя. Немудрено, что вскоре она была по-настоящему влюблена в Адольфа, что, правда, не делало ее менее рациональной: Браун понимала, что завоевание настолько одиозной личности не будет простым.

Гитлер же, естественно, не был равнодушен к ней: хорошенькая юная девушка, преданно взирающая снизу вверх, вряд ли оставит равнодушным мужчину, если он не пуританин или не схимник. «Нет ничего прекраснее, чем воспитывать юное

существо, – заявлял он, не подозревая, что юное существо уже вовсю воспитывает его самого, – девушка в 18–20 лет податлива как воск. Мужчина должен уметь наложить на нее отпечаток своей личности». Он был галантен, целовал ей руки, говорил комплименты, дарил подарки, цветы и угощал конфетами. Еве это, безусловно, нравилось. Она продолжала наступление, стараясь соответствовать представлениям Гитлера о женской красоте: чтобы казаться чуть-чуть повыше – она была девушкой миниатюрной, всего 164 сантиметров роста, – она стала носить туфли на каблуке, пыталась придать большую пышность бюсту. При этом, понимая, что предмет ее обожания не слишком жалует умных женщин, она, неплохо образованная и вряд ли уступающая Адольфу в эрудиции, изображала дурочку, точно следуя его фразе: «Гениальный человек должен выбирать себе в жены глуповатых женщин. Представьте, если бы я имел женщину, которая указывала мне в моей работе!» Игра идет не на шутку. Гитлер увлекается ей все больше, становится все более галантен и мил в общении, но определенной границы не переходит: в это время у него в самом расцвете сложный роман с Гели Раубаль. Поэтому он, конечно, заботится о ней, следит, чтобы у нее хорошо шли дела на службе, охотно встречается, но дальше этого дело не идет. Гитлер играет на рояле, разговаривает на отвлеченные темы, рассказывает о себе, о том, каким он видит будущее, касается вопросов мистики, что было в ту пору модно, однако при этом соблюдает этикет и остается корректен донельзя.

Когда роман с Гели трагически завершился, Ева сделала следующий ход. Надо сказать, ход на редкость грамотный и продуманный. Вряд ли на него была бы способна девочка-дурочка, какой Браун любят рисовать гитлеровские биографы. Поняв, что для Адольфа значила его юная племянница, Ева резко меняет имидж, начав играть «под Гели». Она изменила даже походку, не говоря уже о манере одеваться, прическе и косметике. Ее задачей стало как можно достовернее изобразить улучшенную версию погибшей возлюбленной. И Гитлер, как и следовало ожидать, клюнул на умело заброшенную приманку. Впрочем, не сразу.

Дело в том, что это время было периодом небывалой политической активности Гитлера. Он ездил по стране, вербуя сторонников, стараясь, используя присущее ему ораторское искусство, произвести впечатление на возможно большее число немцев. Честно говоря, ему все чаще становилось вовсе не до женщин – только бы добраться до постели в конце трудного, выматывающего дня. Ева, судя по всему, поняла это в таком

ключе, что Гитлер охладел к ней, и постаралась сделать все возможное, чтобы вновь привлечь его внимание. Для этого она пишет ему прощальное письмо и инсценирует самоубийство. Нужно сказать, что для этого девушке, вероятно, понадобилось все ее мужество. Инсценировка инсценировкой, а все равно оставался шанс, что она убьет себя по-настоящему.

Говорят и пишут, правда, что самоубийство вовсе не было инсценировано, однако в это как-то не верится. Дело в том, что в начале века у девушек, стремящихся покончить с собой, как-то больше в ходу был яд. Ева же попыталась застрелиться из револьвера. Похоже на то, что, раз начав играть Гели, она решила пойти до конца и привлечь внимание Гитлера, изобразив точно такое же самоубийство. Гитлер среагировал адекватно, именно так, как рассчитывала хитроумная барышня, и примчался с другого конца Германии с утешениями и огромным букетом цветов.

Впрочем, судя по всему, его тоже до последнего терзал червь сомнения: он подробно расспросил врача о том, не могло ли это быть инсценировкой. Но врач заверил Адольфа, что Ева стрелялась всерьез и только волею случая пуля прошла мимо. После этого Гитлер уже не сопротивлялся. В беседе с Генрихом Гофманом через несколько дней он уже утверждает, что Ева, бесспорно, сделала это из любви к нему. Роман разгорелся не на шутку.

Впрочем, цель Евы еще далеко не была достигнута. Во-первых, Гитлер по-прежнему придерживался позиции «Моя невеста – Германия». В то время он говорил:

«По сравнению с миром женщины мир мужчины гораздо обширнее. Мужчина – весь во власти долга, он лишь иногда возвращается мыслью к женщине. Мир женщины – это мужчина! Обо всем остальном она думает только время от времени. Зато женщина может любить гораздо сильнее, чем мужчина. Интеллект в ее жизни не играет никакой роли. Моя мать, например, сильно проигрывала по сравнению с дамами-интеллектуалками. Но она жила ради мужа и детей, она подарила немецкому народу великого сына! Счастье некоторых государственных деятелей, что они не женаты: иначе произошла бы катастрофа. Мужчина – раб своих мыслей. Над ним властвуют долг и обязанность! Иногда он должен сказать: «Какое мне дело до жены, какое мне дело до ребенка!» Представьте, что муж – весь во власти своих мыслей, а жена в это время ноет: «Тебя нет со мной…» Меня, например, жена постоянно встречала бы упреками: «А я?..» К тому же очень мучительно подчиняться воле жены. У меня было бы угрюмое помятое лицо – и я бы перестал выполнять

свои супружеские обязанности. Не думаю, что такой человек, как я, когда-нибудь женится».

Было еще и второе. А именно – в самый разгар романа с Евой Гитлера настигает еще одно серьезное увлечение – Юнита Валькирия Митфорд. Виною всему – пристрастие Гитлера к Англии и второе имя молодой женщины. Молодая аристократка придерживалась крайне правых взглядов, и, когда, приехав в Германию, ей довелось познакомиться с Гитлером, она пришла от него в полный восторг. Гитлер тоже относился к ней с глубочайшей симпатией. Мало того что она была английской аристократкой из старинного рода, мало тог, что само имя Валькирия не могло не привлечь внимания фюрера, так еще и внешность ее вполне соответствовала самым строгим канонам арийской расы. Высокая, почти на голову выше многих «истинных арийцев» – соратников Гитлера по партии, со светло-русыми волосами и голубыми глазами, обладающая развитыми крупными формами, Юнита произвела на Адольфа благоприятнейшее впечатление. «Кто же воплощает в себе прототип германской женщины?» – несколько удивленно спросил он у Альберта Шпеера после первой встречи с англичанкой. Шпеер же откровенно забавлялся, наблюдая, как аристократка буквально пожирает Гитлера влюбленными глазами.

Увлечение Юнитой едва не стоило Гитлеру жизни Евы Браун. Узнав, что у ее возлюбленного появилась новая пассия, молодая женщина, измученная его постоянным отсутствием и тем, сколь мало он ей оказывает внимания, погружаясь в свои политические дела, решает покончить с собой. На этот раз – всерьез. «Как деликатно сообщила госпожа Гофман, он нашел мне замену, – записывает Ева в дневнике в последних числах мая 1935 года. – Ее зовут Валькирия, и выглядит она весьма аппетитно». И дальше: «Только что отослала ему решающее для меня письмо. Посчитает ли он его важным? Ну, посмотрим. Боже мой, я боюсь, что он сегодня не даст ответа. Если бы хотя бы один человек мне помог, все это не было бы таким ужасным и безнадежным. Может быть, мое письмо дошло до него в неподходящее время. Может быть, мне не надо было писать. Как бы то ни было, неизвестность переносить ужаснее, чем внезапный конец. Я решила принять 35 пилюль, это должно быть смертельно. Если бы он хотя бы попросил позвонить». Спасла ее старшая сестра, совершенно случайно зашедшая в гости. Она вызвала врача и позаботилась о том, чтобы о произошедшем как можно скорее сообщили Гитлеру. Сложно измерить меру его раскаяния, но факт остается фактом: с этих пор он каждый день находил время для того, чтобы позвонить Браун или написать ей несколько строк.

Увлечение Юнитой между тем продолжалось. Сомнительно, что оно вылилось во что бы то ни было серьезное. Во всяком случае, говорить о любовной связи немецкого диктатора и английской аристократки – значит выдумывать очередную легенду. Впрочем, леди Митфорд была, что называется, девушкой без комплексов, хотя и склонной к истерии и несколько «трагедийному» восприятию жизни, так что с уверенностью никто ничего не скажет. Но вот что точно – так это то, что Гитлер как мог «распускал хвост» перед англичанкой, демонстрируя ей достижения своего режима, и использовал ее восхищение в пропагандистских целях. За семь лет знакомства с Гитлером юная леди стала убежденной национал-социалисткой и антисемиткой. Ее статьи антисемитского содержания вполне могут поспорить в резкости с текстами Юлиуса Штрайхера, а речи, произносимые на партийных митингах, которые она посещала в качестве почетной гостьи, проникнуты восхищением тем, что происходит в Германии. Забавно, что несмотря на это приближенные Гитлера не доверяли Валькирии, считая ее английской шпионкой. Вслух это, однако, не произносилось, ибо могло вызвать яростный гнев фюрера.

Однако вскоре все закончилось. 3 сентября 1939 года британский посол сообщил немецкому правительству об объявлении войны. Для Юниты это было настоящей трагедией: дело в том, что, являясь ярой приверженкой гитлеровских идей, она оставалась патриоткой своей страны. Самой горячей мечтой ее было установить режим, подобный гитлеровскому, у себя на родине, но войны Германии с Англией она пережить не могла. Вложив в конверт прощальное письмо, фото Гитлера и подаренный им партийный значок, она отправляется в Английский сад в Мюнхене и пускает себе пулю в висок. Попытка самоубийства была решительной и неудачной лишь отчасти. Не сумев покончить с собой именно в тот день, леди Митфорд здорово сократила свой срок земного существования. В 1948 году она умерла от последствий этого выстрела: ни один врач не взялся извлечь застрявшую у нее в голове пулю.

Гитлер попытался наладить отношения, приехал к Юните в больницу с огромным букетом цветов и вернул ей партийный значок. Женщина буквально бьется в истерике. Партийный значок она проглатывает. Гитлер слегка озадачен. Он, конечно, привык иметь дело с барышнями экзальтированными и истеричными, но не настолько же! «Гофман, я начинаю бояться!» – говорит он приятелю, выйдя из палаты. Через несколько дней, еще не оправившись толком от ранения и от истерики, Митфорд уехала в Англию. Там ее жизнь была, как уже говорилось, недолгой, но

отнюдь не легкой: на протяжении всех лет, что ей оставалось прожить, за ней оставалась дурная слава женщины, общавшейся с «врагами короля». Однако, несмотря ни на что, она до последнего часа оставалась преданной почитательницей Гитлера.

Еве после того, как Юнита исчезла с горизонта, стало жить гораздо легче, однако она находила новые поводы для ревности, хотя и не с такими печальными для себя последствиями. Гитлер флиртовал со знаменитыми актрисами – Ольгой Чеховой, Лили Дагобер, оказывал знаки внимания массе женщин. Впрочем, как он объяснял это Еве, делалось это для того, чтобы просто повысить его авторитет, добавить светскости имиджу. Судя по всему, если Адольф и обманывал влюбленную в него женщину, то ненамного. Он, разумеется, получал огромное удовольствие от «букета» прекрасных дам, но удовольствие чисто эстетическое. Разумеется, Ева хотела от него ребенка. Мало того, тема эта, судя по всему, поднималась не один раз. Но Гитлер был однозначно против и предпринимал меры, чтобы досадных случайностей не произошло. По крайней мере, прислуга удивлялась огромному количеству противозачаточных средств в аптечке Евы. Свою решимость он обосновывал просто: «Из меня вышел бы плохой отец семейства. И вообще потомки гениев редко наследуют их выдающиеся качества».

Ближайшее окружение Гитлера Еву откровенно недолюбливало. Судя по всему, в первую очередь из своеобразной ревности. Гитлер, стремясь как-то смягчить эту ситуацию, старался выдерживать в публичном общении с Евой некоторую дистанцию. Так, скажем, она почти никогда не ездила вместе с правительственной колонной, сопровождавшей его, а приезжала отдельно, чуть позже, в компании его секретарш. На людях она обращалась к возлюбленному «мой фюрер» и никак иначе. Впрочем, со временем обращение это вкупе с общением на «ты» стало чем-то гораздо большим, чем формальным именованием. По крайней мере, ревнивцы из гитлеровского окружения видели в нем даже некий сексуальный подтекст.

«Ева Браун соблюдала такую же дистанцию применительно ко всем лицам гитлеровского окружения, – вспоминал Альберт Шпеер. – Даже по отношению ко мне это изменилось лишь через несколько лет. Когда мы познакомились поближе, я понял, что ее сдержанность, из-за которой она многим казалась высокомерной, лишь прикрывает смущение, ибо она сознавала двусмысленность своего положения при дворе Гитлера». С другой стороны, стремление держать дистанцию вполне объяснимо тем, что Ева понимала: стоит сблизиться с кем-либо из соратников Гитлера – и последует удар в спину. По крайней мере, чета Геббельсов

открыто ее ненавидела, стараясь подыскать для Вождя женщин, которые могли бы стать заменой Еве, новыми фаворитками. Впрочем, Гитлер и вправду был привязан к Еве и все интриги против нее пресекал на корню. Однажды, как вспоминает один из сотрудников Гитлера Эрнст Ганфштетль, «Магда Геббельс, которая считала себя единственной женщиной, которой Гитлер должен оказывать внимание, оказалась настолько неумна, что высказалась о Еве пренебрежительно. С Гитлером случился припадок бешенства». А, надо сказать, таких припадков боялись даже те, кто считал себя давним другом Вождя: под горячую руку он мог отдать самый безумный приказ, который был бы выполнен тотчас. Отношения Евы Браун с женами гитлеровских паладинов вообще не отличались теплотой. Их раздражало, что она несколько раз в день меняла платье и к каждому костюму подбирала полный набор украшений – ожерелье, брошь, браслет, часы с бриллиантами, раздражало, что Гитлер оказывает ей слишком много внимания, что после званого вечера, на котором он держался с Евой довольно отчужденно и отчасти даже холодно, они вместе уходят в комнаты. Впрочем, они могли вволю позлорадствовать относительно того, что Гитлер почти никогда не брал Браун с собой в поездки и на светские рауты. Исключение было сделано только для визита в Италию. В ответ на все просьбы взять ее с собой, скажем, в Берлин она получала сентенции такого рода: «Берлин – греховный Вавилон. Окружающий мир грязен и подл. Ты слишком дорога мне, я обязан беречь твою чистоту и непорочность».

Отчасти он, конечно, лукавил. Дело было не в этом, а в том, что Гитлер, по его собственному мнению, должен был в глазах немцев оставаться одиноким, чистым, принадлежащим всей Германии, думающим о судьбах нации, а не о себе. Ни о каких отношениях с одной определенной, постоянной женщиной не могло быть и речи. В этом направлении активно работала имперская пропаганда. Еве, естественно, это нравиться не могло, и она, как могла, подшучивала над таким положением. Когда Геббельс публично заявил: «Фюрер всецело занят судьбой нации, и у него нет личной жизни», она рассмеялась: «Я, оказывается, не личная жизнь!»

Впрочем, со временем положение изменилось: Ева переехала в Имперскую канцелярию, а потом – и вовсе в ставку Гитлера, высшие чины Третьего рейха стали, почувствовав усиление ее позиций, опасаться ее, а она почувствовала себя свободнее. В основном потому, что поняла: цель достигнута и Гитлер от нее уже никуда не денется. Теперь она заботилась о нем как о муже, ссорилась с камердинером, заставляя того как следует

отглаживать брюки Адольфа, следила за тем, чтобы галстук подходил к костюму, критиковала его головной убор, с насмешкой называя его «фуражкой железнодорожника». Конечно, она по-прежнему не поворачивалась спиной к, скажем, тому же Мартину Борману, который был вполне в силах доставить ей кучу неприятностей, но дело в том, что и Борман считался с ее положением и старался не раздражать. Девушка из фотоателье добилась своего и стала первой леди гитлеровской Германии. Окончательно же мечта ее сбылась 30 апреля 1945 года, когда она в первый и в последний раз подписалась под официальным документом: Ева Гитлер. То, что через несколько десятков минут ей пришлось принять яд, чтобы разделить с Адольфом – теперь уже мужем – не только жизнь, но и смерть, нисколько ее не смущало: расчетливая, всю жизнь свою превратившая в шахматную партию, она принимала такой эндшпиль по единственной причине: она по-настоящему любила его, несмотря на то, кем он был, кем он стал и кем мог бы стать.

Итак, подводя итог отношений Гитлера с женщинами, можно сказать, что ни о какой гиперсексуальности, о которой так любят рассуждать представители желтой прессы, речи не идет. С уверенностью можно назвать всего три серьезных романа Гитлера, один из которых распался сам собой, другой закончился трагедией, а третий – браком. Остальные же его привязанности трудно назвать как-то иначе, чем увлечениями или интрижками. Вряд ли кто сможет осудить или назвать сексуальным маньяком человека, получающего удовольствие от общения с красивыми женщинами, особенно если они взирают на него с тихим восторгом. Это льстит мужскому самолюбию и совсем не обязательно заканчивается постелью. Определенным отклонением от нормы можно считать, пожалуй, роман Гитлера с Раубаль. Во-первых, потому, что все-таки они были довольно близкими родственниками (хотя кого в ту пору удивлял, скажем, брак между кузенами?), а во-вторых – оттого, что версия Штрассера о причинах смерти Гели чрезвычайно похожа на истину.

Итак, мы достаточно поговорили о женщинах Гитлера, чтобы у читателя не возникло соблазна поверить двум другим мифам – о его импотенции и гомосексуализме. И все же справедливости ради уделим двум этим легендам немного внимания.

Импотенция во все времена считалась позором для мужчины. Поэтому враги Гитлера как при его жизни, так и после смерти, стремясь посильнее унизить нацистского главаря, обвиняли его в импотенции. Вот что, к примеру, пишет британский автор Найджел Которн:

«С полной уверенностью можно только сказать, что Гитлер предпочитал отклонения, так сказать, от обычного, нормального секса. Четыре его любовницы покончили с собой, потому что не смогли вынести его сексуальных требований.

Что же касается возможной импотенции фюрера, то эта версия родилась после рассказа одного из приближенных Гитлера о его первой ночи с Евой Браун. По этой версии, наутро Ева вышла из спальни, недоуменно покачала головой и развела руками, из чего присутствовавшие сделали определенный вывод.

Гитлер /…/ требовал, чтобы любовницы били его и всячески истязали. Источник моего исследования – архивы Гарвардского университета. Дело в том, что еще во время войны американцы всерьез занялись изучением психологии Гитлера. Они считали, что это поможет им предсказывать его последующие решения. И один профессор Гарвардского университета составил психологический портрет, основываясь на многочисленных интервью с людьми, знавшими Гитлера еще в довоенные годы, до того, как он пришел к власти. Профессор был последователем Фрейда, а следовательно, он уделял особое внимание сексуальным наклонностям Гитлера. Так что недостатка в материалах нет, их надо только уметь отыскать».

Обратим внимание на систему доказательств, которые приводит господин Которн. Там, где речь заходит о конкретных фактах, он предельно абстрактен, ссылаясь на «одного из приближенных», «одного профессора», как будто у этих людей – если они действительно существовали – не было имен. Что до «покачавшей головой» Евы Браун, то это уже напоминает старый советский анекдот про водопроводчика, которого посадили за то, что он, придя в Кремль поменять кран, покачал головой и сказал: «Тут всю систему менять надо».

Примерно такая же система аргументации и у отечественного автора Алексея Меняйлова:

«После падения Берлина в квартире Евы фон Браун, в шкафчике, представители союзников обнаружили не только большое количество таблеток, которых, как все знали, Гитлер много поглощал, но и горы противозачаточных средств. Они-то зачем?

Странный, казалось бы, вопрос: зачем? А зачем бывают нужны противозачаточные средства? Конечно же, скажет обыватель, чтобы не забеременеть. Раз были такие средства, следовательно, Ева Браун, которая всегда была верна своему Адольфу, не хотела или ей было не позволено забеременеть.

Типичная мысль и характерный вывод. И, несмотря на его обыденность, он интересен, – но единственно потому, что Адольф

Гитлер был клиническим импотентом (в результате операции удалено одно яичко). Более того, у Евы Браун после болезненной гинекологической операции влагалище было слишком маленького размера для нормального секса. Детей у нее быть не могло. Она долго после операции лечилась, и как только ее личный гинеколог во всеуслышанье объявил о полном выздоровлении пациентки, он тут же погиб в автомобильной катастрофе.

Почему он погиб? Это очевидно: те, кто знают то, что другим знать не следует. Он был убит по той же самой причине, почему Гитлер перед смертью так заботился, чтобы тела его и его жены не осмотрели медики. О его импотенции никто не должен был знать наверняка.

Итак, Гитлер тщательно скрывал свою генитальную несостоятельность. Но о ней все-таки знали – и даже многие. Или, во всяком случае, догадывались. Сохранилось письмо Евы Браун к одной своей подруге, в котором она сообщает, что ничего от Адольфа как от мужчины не получает. Кто знает, сколько было написано писем с подобного рода содержанием и сколько их могло уцелеть в государстве тотальной слежки? Очевидно, что сохранилось их меньше, чем было написано».

Начнем с того, что никаких врачебных свидетельств об «удаленном яичке» у Гитлера не сохранилось. Равно как и о гинекологических операциях у Евы Браун. В качестве безотказного средства используется прием «узнал что-то и тут же погиб при загадочных обстоятельств» – совершенно неотразимый прием манипуляции, когда журналист хочет убедить читателя в наличии какой-то тщательно скрываемой тайны. Но в данном случае читатель скорее останется в недоумении – если Гитлер был импотентом, зачем ему все-таки понадобились противозачаточные средства?

Истории о гомосексуализме Гитлера имеют примерно такие же причины появления на свет, что и легенда об импотенции. Другое дело, что в рядах национал-социалистов «голубые» действительно имелись, и в достаточно большом количестве. Особенно этим славилась верхушка СА – известно, что в «Ночь длинных ножей» пришедшие ликвидировать главарей штурмовых отрядов эсэсовцы застали их в постели со своими денщиками или просто смазливыми юношами. Гомосексуализмом отличался и глава СА Эрнст Рем, также расстрелянный в ту летнюю ночь. Если следовать принципу «скажи мне, кто твои друзья – и я скажу, кто ты», Гитлера вполне можно обвинить в содомии. Но вот был ли Рем его другом? Или, что скорее всего, просто попутчиком?

Авторы версии о гомосексуализме не располагают сколько-

нибудь значительными доказательствами. Поэтому приходится опять же играть словесными конструкциями, как это делает профессор Лотар Махтан:

«Мне не попадались прямые доказательства данной версии, но я бы не стал ее категорически отметать… До сих пор тема гомосексуальности фюрера муссировалась на уровне фольклора. Для серьезных научных изысканий она оставалась последним табу истории XX века. Доныне гомосексуальность в исторической науке считалась темой запрещенной, а в случае с Гитлером – и подавно! Ведь, придя к власти, бесноватый фюрер тщательно скрывал свою тягу к мальчикам: очевидцев нещадно преследовал, а документальные доказательства – уничтожал».

Оцените логику: доказательств нет, значит, они уничтожены. Дорогой читатель, вы любите ловить бездомных кошек и сдирать с них заживо шкуры? Что? Где доказательства? Видимо, вы их просто уничтожили!

В конечном счете, вывод можно сделать только один: в своей сексуальной жизни Гитлер был нормален. По крайней мере, из рамок нормы не выбивался – в отличие от многих других политиков XX века…

Миф № 6
МАГИЯ ФЮРЕРА

«Следует повторить еще раз: Адольф Гитлер – медиум. Люди нашей эпохи, деформированные материализмом, могут прийти в замешательство от его странных действий. Посвященные в оккультные науки не удивятся. То, что кажется странным для профана, абсолютно ясно для посвященного». Подобные высказывания можно в изобилии встретить в Интернете и на страницах бульварных книг, посвященных Гитлеру. В принципе это не должно нас удивлять. Удивляет другое: похожие, пусть и не настолько абсурдные мысли появляются порой и на страницах вполне серьезных работ. Например, один из столпов германской историографии, Ф. Майнеке, писал, что «дело Гитлера следует считать прорывом сатанинского принципа в мировую историю». Его коллега Л. Дехио видел в Гитлере олицетворение «демонии третьей степени» или «сатанинского гения». Еще раз подчеркну: речь в данном случае идет не об оккультистах-самоучках, а о крупных ученых, профессиональных историках.

Так появились, собственно говоря, даже не один, а два мифа о «демонической силе» Гитлера. Первый из них поддерживается главным образом журналистами, которые любят рассуждать о связи фюрера с потусторонними силами. Второй – профессиональными историками, в первую очередь биографами Гитлера, которые впускают на страницы солидных научных работ элементы потустороннего, когда описывают личность фюрера и его влияние на людей – как на отдельных представителей рода человеческого, так и на массы. Несмотря на существенную разницу между двумя этими мифами, они поддерживают и дополняют друг друга. Я решил объединить их в одной главе, потому что они отвечают на один вопрос – о том, как простому ефрейтору удалось стать главой могучей державы и добиться беспрекословного подчинения десятков миллионов людей, и отвечают на него, привлекая иррациональные объяснения.

Сперва обратимся к мифу, напрямую говорящему о связи Гитлера с оккультными силами. Об этом написаны целые книги, которые продаются большими тиражами. К числу наиболее распространенных относится легенда о том, что Гитлер был медиумом, которого пытался использовать опытный черный маг (в большинстве версий в роли этого мага выступает Карл Хаусхофер). Однако потом «ученик волшебника» вышел из-под контроля своего учителя. В качестве доказательства того, что

Гитлер был медиумом, приводятся свидетельства современников, которые в большинстве случаев употребляли это слово в сугубо переносном смысле. Например, один из лидеров НСДАП, ставший впоследствии противником Гитлера, Отто Штрассер писал: «Слушавший Гитлера внезапно видел появление вождя славы… Словно освещалось темное окно. Господин со смешной щеточкой усов превращался в архангела… Потом архангел улетал, и оставался только усталый Гитлер с остекленевшим взором». Прошедший такой же путь – от функционера НСДАП до ее ярого противника – Герман Раушнинг вспоминал впоследствии о фюрере: «Глядя на него, приходится вспоминать о медиумах. Большую часть времени это обычные, незначительные существа. Внезапно на них, как с неба, нисходит сила, власть, поднимающая их над обычными мерками… Медиум – одержимый. Исчерпав этот порыв, он вновь впадает в ничтожество. Я абсолютно убежден, что нечто подобное происходило и с Гитлером. Персонаж, носивший это имя, был временной одеждой квазидемонических сил. Это соединение банальности и исключительности – невыносимая двойственность немедленно ощущалась при контакте с ним. Подобное существо мог бы выдумать Достоевский: соединение болезненного беспорядка с тревожным могуществом». И Раушнинг, и Штрассер должны были как-то объяснить свое долгое сотрудничество с Гитлером, и «демонические силы» подходили для этого как нельзя лучше.

Что же касается Карла Хаусхофера, основоположника германской школы геополитики, то на роль мага он годился не слишком. В его жизни был период сотрудничества с Гитлером, который, по мнению ученого, был способен воплотить его геополитические концепции в реальность. Впрочем, с нацизмом сотрудничали многие представители германских академических кругов. Некоторые взгляды Хаусхофера были взяты Гитлером на вооружение, однако лидер НСДАП черпал свои идеи из многих источников. Учеником Хаусхофера был один из ближайших сподвижников Гитлера Рудольф Гесс. В общем, с большими оговорками можно сказать, что геополитик рассматривал фюрера как человека, способного претворить в жизнь его планы, и потом был сильно разочарован, но ничего магического в этом не было.

К «оккультным мифам» относятся и рассказы о тайном ордене СС, якобы хранившем древние магические религии, совершавшем ритуалы с привлечением темных сил и заклинавшем демонов. В одной из книг дается даже развернутый обзор всех потусторонних сил, которые нацисты якобы смогли привлечь на свою сторону:

«…Март 1945 года, американские части в районе Рейна.

Около двух десятков солдат поступают в полевые госпитали со странными галлюцинациями. Они якобы видели в ночное время огромного светящегося волка, достигавшего трех метров в высоту. Глаза волка светились, он изрыгал огонь, а самое главное – при его приближении люди ощущали невыносимый ужас, они были даже не в состоянии двигаться. Вердикт врачей: странные слухи заставляют солдат видеть то, о чем им рассказывают сослуживцы, обычные галлюцинации, вызванные переутомлением. Интересно другое: в это же время начинают исчезать небольшие подразделения американских солдат. Если их тела удается найти, то они оказываются разорванными на куски. Причина не вполне понятна: ни воронок от артиллерийских снарядов, ни следов боя, ни вообще каких бы то ни было следов! Потери списывают на какие-то новые немецкие боеприпасы. После войны о них забывают…

…С осени 1944 года и до самого конца войны около тридцати английских и американских летчиков наблюдают в небе огромного дракона. Чудовище, как правило, не видит их или не обращает внимания. Очевидцы говорят, что дракон выглядит полупрозрачным, сквозь него просвечивают облака. Вердикт врачей: галлюцинации, вызванные переутомлением. Небольшое примечание: в августе 1952 года из озера Плестзее в окрестностях Зальцбурга достали американский истребитель «Мустанг». Попытались определить характер повреждений, но… выяснилось, что самолет был сбит мощной струей пламени, словно из огнемета!

…В течение недели в госпиталь были доставлены несколько солдат одного пехотного полка, утверждавших, что слышали нечеловеческие голоса из-под земли. Почему они были уверены, что голоса из-под земли, и что в них было нечеловеческого, солдаты пояснить не смогли. Предположения о наличии здесь каких-то немецких подземных объектов не подтвердились. Однако среди местных жителей с древних времен существует легенда, что глубоко под землей есть пещеры троллей, в которых они хранят свое богатство…

…После Рождества 1945 года среди солдат английской бронетанковой бригады распространилась «вампирская паника». Дело в том, что нескольких офицеров бригады нашли мертвыми, причем причиной смерти была сильная кровопотеря. Однако никаких ран на их телах не было, никаких следов крови – тоже. Военнослужащие опасались ходить в одиночку даже в собственном тылу, даже в светлое время суток. Паника прекратилась сама собой, когда дивизия перешла в наступление и ушла из этого района, главной достопримечательностью которого

являются развалины замка Херцбрух. Замка, владельцем которого в XVI веке был некто Иоганн фон Хезингер, который согласно одной мрачной легенде после смерти стал вампиром…»

В общем, для полноты картины не хватает разве что Лох-Несского чудовища со свастикой на лбу, которое топит идущие из США в Британию конвои. Излишне говорить о том, что все перечисленные выше факты являются не более чем плодом воображения автора. Возможно, Гиммлер со товарищи действительно практиковали в орденских замках магические ритуалы, но пользы от них было не больше, чем от детских считалок. Выдумывать сказки про гитлеровскую Германию, особенно написанные талантливо и будоражащие воображение, занятие довольно прибыльное. Этим и объясняется их количество. То же самое касается многочисленных рассказов о связях нацистов с инопланетянами и летающих тарелках, в изобилии шнырявших над Третьим рейхом и наносивших непоправимый урон армадам союзных бомбардировщиков.

А вот миф о тибетских монахах, которые поставили тысячелетние традиции Шамбалы на службу национал-социализму, имеет под собой некоторые основания. По версии мифотворцев, монахи прибыли в Берлин вместе с экспедицией некоего Шеффера, который в 1938–1939 годах совершил экспедицию в Тибет, и затем входили в число ближайших сподвижников фюрера. «Существуют свидетельства того, что Гитлер находился в постоянном контакте с неким тибетским монахом, носившим зеленые перчатки; этого монаха называли «Хранителем Ключа». 25 апреля 1945 года русские солдаты нашли в одном из берлинских подвалов шесть тибетцев, лежавших в виде круга, а в центре этого круга находился некто в зеленых перчатках. А Гитлер и в самом деле окружил себя тибетцами. По сведениям, их статус был весьма высоким, так как никто, вплоть до чина полковника вермахта, не мог сесть в их присутствии. В мае 1945 года тибетцы бились до последнего патрона, своих раненых пристреливали, в плен не сдавались. Ни одного живого тибетца в форме СС не осталось».

Действительно, в последних числах апреля 1945 года при штурме Берлина советские солдаты обнаружили убитых эсэсовцев с характерными азиатскими чертами лица. Причем это не были бойцы «национальных формирований» из граждан СССР. Ларчик открывался просто: «тибетцы» принадлежали к французской дивизии СС «Шарлемань» и были в своей, так сказать, прошлой жизни колониальными солдатами французской армии, набранными в далеком Индокитае. Возможно, кто-то из несчастных вьетнамцев и носил зеленые перчатки, но никакого

отношения к Тибету никто из них не имел.

На этом с «оккультными мифами», наверное, можно закончить и перейти к работам более серьезных исследователей. Тех, кто наделял Гитлера демоническим даром влияния на людей и именно этим объяснял его приход власти. Как всегда, начнем с вопроса: зачем им это понадобилось? Для того чтобы упростить себе задачу объяснения феномена национал-социализма? Но ведь речь идет, в конце концов, не о студентах-первокурсниках, а о маститых ученых, сделавших себе имя в исторической науке, причем вполне заслуженно! Нет, причина заключается в другом.

В одном из своих романов Ремарк устами одного из героев весьма четко выразил происходившее в послевоенной Германии. Как только Германия капитулирует, сказал он, в ней мгновенно не останется ни одного нациста. Только несчастные немцы, обманутые Гитлером. И действительно, первые послевоенные десятилетия прошли в ФРГ под знаком «забвения», когда период национал-социализма объявлялся случайностью, совершенно нехарактерной для немецкой истории. О Третьем рейхе старались поскорее забыть. А когда забыть не получилось, многие попытались доказать, что все происходившее было виной одного человека – Гитлера.

Особенно усердствовало в этом старшее поколение, которое вполне комфортно уживалось в свое время с режимом. Один из крупнейших историков Германии, Герхард Риттер, говоря о «сатанинской природе» и «демонии» Гитлера, всячески старался противопоставить его традициям немецкого народа, которые, на его взгляд, были совершенно чужды нацизму. Ему вторили и многие другие – в стремлении отрицательно ответить на два роковых вопроса: есть ли преемственность между предшествующими периодами германской истории и Третьим рейхом? Виноват ли немецкий народ и отдельные его группы в преступлениях национал-социализма?

«Демоническая сущность» давала возможность аргументированно ответить «нет» и на первый, и на второй вопрос. Действительно, как могут быть нынешнее, а тем более предыдущие поколения немцев виноваты в том, что неизвестно откуда появился человек, обладавший сверхъестественным даром убеждения, и увлек за собой немцев, как легендарный крысолов – гамельнских детей?

Сторонники иррациональной концепции опираются на множество свидетельств влияния Гитлера на людей, как на большие толпы, так и на маленькие группы и даже отдельных представителей рода человеческого. Его дар убеждения, утверждают историки, был прямо-таки мистическим. Он мог

убедить любую аудиторию, независимо от ее размера, в правильности своих идей, более того, погрузить ее прямо-таки в религиозный экстаз. «Как оратор – удивительное триединство жеста, мимики и слова. Прирожденный разжигатель. С ним можно завоевать мир», – писал о Гитлере в своем дневнике в 1926 году Йозеф Геббельс, который и сам был великолепным мастером слова. «Широкие массы покоряются только мощи речи, только колдовской силе устного слова», – пишет сам будущий фюрер в «Майн Кампф». «Не мог я удержаться и от того, чтобы почувствовать себя зачарованным фейерверком ораторского мастерства Гитлера. Я чувствовал, что нахожусь под куда большим впечатлением, чем после встречи с ним лично», – писал о публичных выступлениях Гитлера в своих воспоминаниях дипломат Г. Дирксен. Эрих Мария Ремарк так отзывался об одном из выступлений нацистского лидера:

«На сцене стоял сильный коренастый человек и говорил. У него был громкий грудной голос, хорошо слышный в самых дальних уголках зала. Этот голос убеждал, хотя никто особенно и не вслушивался в то, что он говорил. А говорил он вещи, понять которые было нетрудно. Оратор непринужденно расхаживал по сцене, чуть размахивая руками. Время от времени он отпивал глоток воды и шутил. Но затем он внезапно замирал, повернувшись лицом к публике, и измененным, резким голосом произносил одну за другой хлесткие фразы. Это были известные всем истины о нужде, о голоде, о безработице. Голос нарастал все сильнее, увлекая слушателей; он звучал фортиссимо, и оратор остервенело швырял в аудиторию слова: «Так дальше продолжаться не может! Это должно измениться!» Публика выражала шумное одобрение, она аплодировала и кричала, словно благодаря этим словам все уже изменилось. Оратор ждал. Его лицо блестело. А затем пространно, убедительно и неодолимо со сцены понеслось одно обещание за другим. Обещания сыпались градом на головы людей, и над ними расцветал пестрый, волшебный купол рая; это была лотерея, в которой на каждый билет падал главный выигрыш, в котором каждый обретал личное счастье, личные права и мог осуществить личную месть.

Я смотрел на слушателей. Здесь были люди всех профессий – бухгалтеры, мелкие ремесленники, чиновники, несколько рабочих и множество женщин. Они сидели в душном зале, откинувшись назад или подавшись вперед, ряд за рядом, голова к голове. Со сцены лились потоки слов; и странно: при всем разнообразии лиц на них было одинаковое, отсутствующее выражение, сонливые взгляды, устремленные в туманную даль, где маячила фата-

моргана; в этих взглядах была пустота и вместе с тем ожидание какого-то великого свершения. В этом ожидании растворялось все – критика, сомнения, противоречия, наболевшие вопросы, будни, современность, реальность. Человек на сцене знал ответ на каждый вопрос, он мог помочь любой беде. Было приятно довериться ему. Было приятно видеть кого-то, кто думал о тебе. Было приятно верить».

Влияние Гитлера на собеседника в разговорах тет-а-тет также подтверждается многочисленными свидетельствами. Так, гросс-адмирал К. Дениц на Нюрнбергском процессе сказал о Гитлере: «Это была выдающаяся личность… обладавшая невероятным умом и энергией, почти универсальным образованием, сильной натурой и даром убеждения. Я сознательно посещал его штаб-квартиру лишь изредка, потому что чувствовал, что таким образом могу лучше сохранить свои силы… так как после нескольких дней… пребывания там у меня появлялось чувство, что мне необходимо избавляться от исходящего от него внушения». В. Мазер в своей биографии Гитлера приводит следующее свидетельство: «Эберхард фон Брайтенбух, адъютант фельдмаршала Эрнста Буша, рассказывал, что в марте 1945 года изможденный и раздраженный фельдмаршал в перепачканной полевой форме отправился к Гитлеру в Берлин, чтобы высказать ему наконец в открытой форме «свое мнение». Когда он после беседы уходил от Гитлера, его как будто подменили, и он в этот момент верил в окончательную победу Германии. Гитлер за короткий срок радикально переубедил этого опытного фронтовика, который всего час назад видел вещи такими, какими они были на самом деле, в правильности своих аргументов и мер, хотя они в то время отражали лишь его искаженные и ирреальные представления». Способность убедить человека, прекрасно осведомленного о реальном плачевном положении дел на фронте, в неминуемой победе – разве для этого не нужно обладать каким-то сверхъестественным даром?

На мой взгляд, нет. Достаточно быть хорошим психологом, обладать определенными ораторскими данными и понимать, что именно хочет услышать твой собеседник. А это Гитлер умел прекрасно. Перед толпами простых людей он рассуждал о величии Германии и благосостоянии ее жителей; перед небольшими группами промышленных тузов – о военных заказах и новых рынках сбыта; перед военными – о чудо-оружии, которое обязательно поможет выиграть войну. Доказательством того, что никаким сверхъестественным даром Гитлер не обладал, служат многочисленные примеры того, как он не сумел убедить собеседника. К примеру, в мемуарах Гудериана содержатся

многочисленные рассказы о его спорах с Гитлером. Вот что «быстрый Гейнц» рассказывает о своем разговоре с фюрером в первых числах января 1945 года (Гудериан занимал в это время должность начальника генерального штаба):

«Зная все нужды и запросы групп армий, я решил еще раз в это тяжелое время съездить к Гитлеру и попытаться сделать Восточный фронт главным фронтом, высвободить силы на Западном фронте и сообщить фюреру желание групп армий перенести фронты на тыловые рубежи…

Твердо решив не идти на уступки, я намеревался показать Гитлеру, какую он берет на себя в противном случае ответственность. Мой доклад состоялся при обычной аудитории…

Гелен весьма тщательно подготовил данные о противнике… Когда я показал Гитлеру эти разработки, он разразился гневом, назвал их «совершенно идиотскими» и потребовал, чтобы я немедленно отправил составителя этих схем в сумасшедший дом. Я закипел от ярости и заявил Гитлеру: «Разработки сделаны генералом Геленом, одним из способнейших офицеров генерального штаба. Я бы не показал их вам, если бы не считал их своими собственными разработками. Если вы требуете запереть генерала Гелена в сумасшедший дом, то отправьте и меня вместе с ним!» Требование Гитлера сменить генерала Гелена я решительно отклонил. И вот разразился ураган. Доклад не имел успеха. Предложения Гарпе и Рейнгардта были отклонены. Последовали ожидаемые ядовитые замечания в адрес генералов, которые-де под термином «оперировать» всегда понимают только отход на следующие запасные позиции. Все это было в высшей степени нерадостно.

Все усилия создать крупные оперативные резервы на угрожаемых участках сильно растянутого Восточного фронта разбились о бестолковую позицию Гитлера и Йодля… Для утешения Гитлер сказал в заключение доклада: «Восточный фронт никогда не имел столь много резервов, как сегодня. Это ваша заслуга. Я благодарю вас за это». Я возразил: «Восточный фронт – как карточный домик. Стоит прорвать фронт в одном-единственном месте, рухнет весь фронт, ибо резерв в двенадцать с половиной дивизий для фронта такой громадной протяженности очень и очень мал!»

Сильно расстроенный оскорбительным указанием Гитлера, что «восток должен рассчитывать только на свои собственные силы и обходиться тем, что он имеет», я вернулся в свой штаб в Цоссен».

Конечно, можно возразить, что Гудериан попросту приукрашивает свою способность противостоять «магическому

дару» Гитлера. Тем не менее остается фактом, что он – как и еще ряд военных и политических деятелей – был весьма неудобным для Гитлера собеседником. За это он не раз попадал в опалу.

Но вернемся к главному вопросу. К вопросу о том, действительно ли нацизм был случайным явлением в германской истории, а Гитлер вознесся на вершину только благодаря неким своим сверхъестественным дарованиям? К великому сожалению для многих немцев, на оба вопроса придется ответить отрицательно.

Тезис, к которому мне придется обратиться еще не раз: идеи, проповедуемые Гитлером, были придуманы отнюдь не им самим. Во многих случаях он просто довел их до логического завершения. Так происходило, например, с антисемитизмом. Ненависть к евреям существовала в Европе со времен раннего христианства. Иудеи жили в замкнутых гетто, о них распространялись самые жуткие слухи – к примеру, относительно питья крови христианских младенцев, регулярно проходили еврейские погромы. В XIX веке антисемитизм весьма распространен в германских государствах; в конце столетия на политической сцене появляется Антисемитская партия, имеющая пусть небольшое, но стабильное представительство в германском парламенте – рейхстаге. Разумеется, не все немцы были антисемитами, но нелюбовь к евреям была весьма распространенным явлением. Именно поэтому еврейская община Германии с энтузиазмом восприняла начало Первой мировой войны – как шанс кровью доказать свою лояльность немецкой отчизне. Эта попытка потерпела полное фиаско: в консервативном офицерском корпусе антисемитские предубеждения были особенно сильны. Идеи о том, что евреи повинны в поражении, а также о том, что все левые движения инспирированы евреями для захвата власти над миром, пользовались в Веймарской Германии большой популярностью. Гитлер лишь подхватил эту идею и довел ее до логического завершения, нашедшего свое выражение в простой фразе: «Во всем виновны евреи».

Теория расового превосходства – также не изобретение Гитлера. В принципе история показывает, что любая цивилизация – китайская ли, древнеегипетская или древнеримская – воспринимает себя как луч света в темном царстве, со всех сторон окруженный варварами. В Европе эта идея была доведена до наукообразного состояния еще в том же XIX веке. Утонченный французский интеллектуал Жозеф Артюр де Гобино написал большой трактат под названием «О неравенстве человеческих рас», в котором обосновал превосходство одной расы над другой.

Конкретно – господствующей является германская ветвь белой расы, которая ни в коем случае не должна смешиваться с другими расами, иначе – вырождение. Трактат, к слову, был опубликован, когда Адольфа Гитлера еще не существовало даже в проекте.

Вторым «столпом» расовой теории, приобретшей большую популярность в Европе, стал Хьюстон Стюарт Чемберлен. Этот англичанин, женившийся на дочери Вагнера и ставший фанатичным поклонником всего немецкого, пишет в 1899 году книгу «Основы XIX века». В ней он отстаивает идею созидательного тевтонского начала и противостоящего ему разрушительного еврейского. Именно Чемберлен широко пропагандирует понятие «арийской расы», подхваченное впоследствии Гитлером.

Конечно, ни Гобино, ни Чемберлен не заявляли напрямую о необходимости поголовного уничтожения «низших рас». А вот концепция ликвидации «физически неполноценных», воплотившаяся в Третьем рейхе в масштабную программу эвтаназии душевнобольных и инвалидов, вообще практически никакого отношения к нацизму не имеет. В 1920 году во вполне добропорядочной буржуазной и демократической Германии два добропорядочных профессора медицины издали книгу под названием: «Разрешение на уничтожение жизни, недостойной существовать». От идей, высказанных там, современного человека может бросить в дрожь. «Недостойными жить» профессора объявляли всех душевнобольных, а также страдающих тяжелыми неизлечимыми заболеваниями. Надо сказать, что профессора были не одиноки – подобные взгляды в Европе пользовались популярностью. В 1921 году в Германии была сформирована правительственная комиссия, задачей которой было пропагандировать аборты и стерилизацию для людей, страдающих различными отклонениями.

Еще одна важная идея, на которой Гитлер смог основать свое возвышение, – это отрицание Версальского мира. Собственно говоря, идея пользовалась популярностью практически у всех политических партий. Но те, кто находился у власти в Веймарской республике – либералы, социал-демократы, католики из партии Центра, – не могли открыто ее пропагандировать. К тому же именно представители этих партий подписали в свое время мирный договор, что позволяло заклеймить их как предателей и изменников, совершенно игнорируя тот факт, что подписывали договор отнюдь не те, кто нес ответственность за развязывание войны и поражение в ней, а реальной альтернативы подчинению требованиям победителей у Германии в 1919 году попросту не было. Гитлер же мог с чистой совестью

эксплуатировать уже упоминавшуюся мной «легенду об ударе кинжалом в спину», используя свое фронтовое прошлое и обещая освободить немцев от цепей Версаля.

Выступления против демократии и многопартийности тоже далеко не случайно находили благодатную почву. Прусская, а затем – после объединения в 1871 году – германская политическая традиция была традицией авторитарного государства (немецкий термин – Obrigkeitsstaat). В этой системе монарх позиционировался – и воспринимался значительной частью населения – как мудрый «отец нации», пекущийся в первую очередь об интересах страны, а политические партии – как сборище говорунов, пытающихся отстоять какие-то частные интересы. В кайзеровской Германии парламент обладал весьма ограниченными полномочиями, полнота власти фактически была сосредоточена в руках императора и назначаемого им правительства. Хотя в то время это вызывало серьезные нарекания, но в Веймарской республике именно эта эпоха вспоминалась многими с ностальгией – как «старые добрые времена». Действительность Германии 1920-х годов с ее постоянной правительственной чехардой и мышиной возней партий, бессильных что-либо сделать для улучшения экономической ситуации в стране, повышению авторитета демократических институтов, мягко говоря, не способствовала. В итоге отношение рядового немца к парламенту, разделению властей и тому подобным вещам осталось отчужденным, а тоска по «сильной руке» нарастала. Важным признаком такой тоски стало избрание в 1925 году на пост президента фельдмаршала Гинденбурга, который был живым воплощением имперской эпохи и военной мощи.

После начала в 1929 году экономического кризиса, который особенно больно ударил по Германии, неспособность существующей системы справиться с ситуацией стала очевидной. В этих условиях стремительно набирают вес антисистемные силы – национал-социалисты на правом фланге и коммунисты на левом. И те, и другие обещали заботиться в первую очередь об интересах простого человека, уничтожить нынешнее прогнившее государство и создать на его руинах новое, справедливое общество. Однако у Гитлера было в запасе несколько козырей, которых не было – да и не могло быть – у Тельмана. Во-первых, национал-социалисты могли апеллировать к чувству национального превосходства, ласкающему слух обывателя. Конечно, кому же неприятно слышать, что он – представитель господствующей расы, призванной главенствовать на планете! Во-вторых, они могли эксплуатировать антисемитские настроения,

обвиняя евреев во всех бедах. В-третьих, – и это едва ли не самый важный их ресурс – они могли привлечь на свою сторону крупный капитал и традиционные элиты. Впрочем, относительно роли крупного капитала в успехах национал-социалистов я еще буду достаточно подробно говорить в следующей главе. Здесь достаточно констатировать тот неоспоримый факт, что любому крупному промышленнику или финансисту было явно милее видеть у власти нацистов, нежели коммунистов, а с обострением кризиса НСДАП стала представляться многим обитателям делового мира единственным средством спасения от «красной угрозы».

Подведем итог. Никаких убедительных доказательств «демонической силы» Гитлера не существует. Мифы о связи Третьего рейха с оккультными силами созданы журналистами и беллетристами на потеху публике, миф о некоем иррациональном влиянии фюрера на окружающих – историками, стремящимися обойти вопрос об истинных причинах прихода Гитлера к власти. А причины эти очень просты: идеи Гитлера оказались во многом созвучны потребностям той эпохи. Он говорил и делал именно то, что хотели слышать и видеть многие немцы. Он умел пользоваться моментом и извлекать выгоду из удачного стечения обстоятельств. При этом нельзя обойти молчанием тот факт, что Гитлер показал себя весьма умелым политиком, выдающимся стратегом и тактиком внутрипартийной и политической борьбы, умелым и талантливым оратором, хорошим психологом. Он не был простой бездарностью, вынесенной к вершинам власти течением времени, но не был и выдающимся гением или демонической личностью, поставившей себе на службу сверхъестественные силы. Он оказался нужным человеком в нужное время в нужном месте и сумел воспользоваться предоставившейся ему возможностью. В этом сыграли свою роль и его личные качества, и объективные процессы, происходившие в стране, и – не в последнюю очередь – элемент случайности.

Что касается умения убеждать собеседника, которому иногда приписывается прямо-таки магическое влияние, то действовало оно далеко не на всех и объясняется, опять же, вполне банальными причинами, не имеющими ничего общего с иррациональным и сверхъестественным.

Завершить эту главу можно, пожалуй, цитатой из книги одного из самых известных биографов Гитлера – Йоахима Феста: «Никак нельзя упустить из виду, что взлет Гитлера стал возможен только благодаря уникальному совпадению индивидуальных и всеобщих предпосылок, благодаря той с трудом поддающейся расшифровке связи, в которую вступил этот человек со временем,

а время – с этим человеком. Эта тесная взаимозависимость лишает в то же время почвы любого рода утверждения по поводу каких-то сверхъестественных способностей Гитлера. Не демонические, а типичные, так сказать, «нормальные» черты и облегчили главным образом ему путь».

Миф № 7
ЗОЛОТО ПАРТИИ

«Фашизм – это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов». Определение Димитрова, знакомое многим из нас с советских времен.

«Фашизм был тенью или уродливым детищем коммунизма», – эти слова Черчилля были подхвачены создателями концепции тоталитаризма, пытавшимися доказать единосущность коммунизма и национал-социализма исходя из сходства внешних признаков. Национал-социализм – это «восстание масс», за которое крупный капитал не несет никакой ответственности.

Две полярно противоположные точки зрения – и два мифа. Миф о том, что Гитлер был простым орудием крупного капитала, и миф о том, что германский бизнес не сыграл никакой заметной роли в его приходе к власти, более того, был настроен в общем и целом против нацизма. Что ж, попробуем разобраться, где на самом деле кроется истина.

В Германии бизнес традиционно финансировал так называемые «буржуазные» партии. Предприниматели субсидировали консерваторов, либералов, а также католическую партию Центра. В кайзеровской Германии это, однако, не помешало стремительному взлету социал-демократии. Уже это одно показывает, что деньги в политической борьбе решают многое, но не все. После поражения в войне и революции бизнес был заинтересован в первую очередь в том, чтобы не допустить прихода к власти крайне левых. В этот период активно финансируются «добровольческие корпуса» и различные военизированные организации, основная задача которых – «навести порядок в стране», защитить положение традиционных элит. В начале 1920-х годов угроза революции сохранялась: Германия находилась в состоянии глубокого экономического кризиса, значительная часть населения была недовольна новой

властью. В такой ситуации для бизнеса совершенно логично было финансировать силы, активно выступающие против «красной угрозы», в том числе и небольшие партии праворадикального толка. К их числу относилась и НСДАП.

В первые годы своего существования национал-социалисты были небольшой баварской партией, одной из сотен ей подобных, существовавших в Германии. Соответственно, и финансировалась она в основном местным, баварским капиталом – скорее средним, нежели крупным. Разумеется, из этого правила имелись исключения: в октябре 1923 года, буквально накануне «Пивного путча», один из капитанов германской тяжелой промышленности, Фриц Тиссен, передает Гитлеру весьма солидную по тем временам сумму – 100 тысяч золотых марок. Тиссен потом поссорится с Гитлером и напишет мемуары под красноречивым названием «Я платил Гитлеру», но до этого он окажет нацистам существенную помощь в приходе к власти. Известно, что немалую роль в обеспечении контактов Гитлера с экономической элитой сыграл новый приверженец национал-социалистов – Герман Геринг, который имел хорошие связи в верхах общества.

Провал попытки переворота в Мюнхене в ноябре 1923 года, известной как «Пивной путч», привел к временному упадку национал-социалистов. Гитлер оказался за решеткой, в партии начались разброд и шатания. В частности, усиливалось «социалистическое» крыло во главе с братьями Штрассерами, которое активно использовало антикапиталистические лозунги. Слово «социалистический» в названии партии и раньше внушало определенный скепсис представителям бизнеса, а теперь наработанные с таким трудом связи грозили вообще оборваться. К тому же с 1924 года начался экономический подъем, и интерес к радикальным партиям со стороны как избирателей, так и серьезных спонсоров вполне логично пошел на спад.

В самом конце 1924 года Гитлер выходит на свободу. Его глазам открывается безрадостная картина – партия фактически распалась, между региональными группировками идет ожесточенная борьба за влияние, выборы в рейхстаг заметного успеха не приносят. Следующие несколько лет Гитлер посвящает важной работе – превращает партию в единый, сплоченный организм, безраздельным главой которого становится он сам. Все «сепаратисты» либо приводятся к повиновению, либо безжалостно вычищаются из рядов НСДАП. Эти годы становятся весьма важным этапом развития партии – именно тогда закладывается фундамент для ее будущих успехов, хотя число избирателей НСДАП до начала кризиса растет весьма скромными темпами.

Помимо необходимости укрепить свои «фюрерские» позиции

внутри партии Гитлер столкнулся еще с рядом серьезных проблем. Одной из них стало весьма бедственное финансовое положение национал-социалистов. «Нехватка средств у фашистов стала перманентным явлением. Были серьезные затруднения с изданием «Фёлькишер беобахтер», – их удалось преодолеть только вследствие благожелательности владельца одной из мюнхенских типографий, единомышленника нацистов Мюллера. В Саксонии очень полезным оказался фабрикант Мучман, связавший гитлеровцев со своими коллегами и обеспечивший кое-какие субсидии. Но все это едва ли могло устроить нацистских главарей, которым нужны были средства для развертывания пропаганды, содержания штурмовых отрядов», – пишет Л.И. Гинцберг. В поисках спонсоров Гитлер отправляется в поездки по стране, встречается с представителями германской бизнес-элиты. Одна из главных целей его визитов – Рурская область, сердце германской тяжелой промышленности. Магнаты угля и стали традиционно отличаются правыми политическими симпатиями, заинтересованы в укреплении позиций страны на мировой арене и в крупных военных заказах. Все это – отказ от ограничений Версальского договора, создание сильной армии, укрощение «красных» и профсоюзов – им обещает Гитлер. Глава НСДАП старается объяснить своим слушателям, что слово «социалистическая» в названии партии служит скорее для привлечения избирателей и никаких мер по экспроприации крупной собственности в случае прихода к власти предприниматься не будет. НСДАП выступает за гармонию между трудом и капиталом, а частная собственность для нее столь же священна, как и для магнатов индустрии.

Речи Гитлера выслушиваются с одобрением, Геббельс фиксирует в своем дневнике овацию со стороны слушателей и успешно установленные контакты. Увы, золотой дождь на партию не проливается. Большинство «капитанов экономики» предпочитают финансировать «традиционных» правых – Национальную народную немецкую партию и Национальную немецкую партию. Именно им отправляется львиная доля средств. Нацистам отводится роль младших партнеров, которые нужны главным образом для того, чтобы переманить часть избирателей от коммунистов и социал-демократов. Финансирование НСДАП ведется, что называется, по остаточному принципу.

Разумеется, нацистская пропаганда, утверждающая, что партия финансируется только за счет взносов и пожертвований рядовых избирателей и совершенно независима от большого бизнеса, серьезно искажает факты. Но не настолько, как об этом

было принято писать в советской историографии. Гитлер не был марионеткой в руках «крупного монополистического капитала», ему нужно было приложить огромные усилия, чтобы убедить этот самый капитал в своей полезности.

Важным шагом на этом пути стала состоявшаяся летом 1927 года встреча Гитлера с «угольным бароном» Эмилем Кирдорфом, возглавлявшим Союз горнодобывающей промышленности Рура. В ходе беседы, продолжавшейся четыре с половиной часа, идеи Гитлера так понравились магнату, что тот поручил лидеру национал-социалистов изложить их в письменном виде. Вскоре он разослал гитлеровскую брошюру, отпечатанную тиражом 2000 экземпляров, многим представителям деловых кругов Веймарской республики.

Гитлер всячески стремится продемонстрировать свою добропорядочность. Многие положения программы партии, которые изначально имели антикапиталистическую направленность (например, пункт 17, в котором говорится о конфискации крупной земельной собственности), смягчаются (как правило, говорится о том, что они касаются только еврейского капитала). После долгих попыток замять этот вопрос нацисты в 1930 году однозначно заявляют о своем отрицательном отношении к забастовкам как «орудию классовой борьбы». Гитлер даже идет на союз с консерваторами – Национальной немецкой народной партией Гугенберга; в 1929 году они единым фронтом выступают против репарационного плана Юнга. В этом союзе нацисты готовы играть роль младшего партнера; взамен им предоставляются весьма значительные финансовые ресурсы – Гугенберг согласен отдавать нацистам каждую пятую марку, поступающую в фонд его партии. По некоторым подсчетам, это составляет около 2 миллионов марок в год. Сам Гитлер заявил по этому поводу своим сподвижникам: «Союз с Национальной партией выгоден потому, что в этой борьбе мы сможем использовать их богатые денежные источники. Черпая из них, мы в то же время должны вести борьбу так, как если бы она была нашим, и только нашим, делом».

Возможно, нацистам пришлось бы еще долго прозябать на положении младшего партнера, подбирая крохи со стола своих патронов, если бы не грянувший в конце 1929 года мировой экономический кризис, который с легкой руки американцев принято называть «Великой депрессией». По не успевшей толком оправиться от недавних потрясений и продолжающей выплачивать репарации победителям Германии кризис ударил особенно больно. Миллионы людей оказались в рядах безработных, полные ненависти к системе и готовые поддержать

любую радикальную политическую силу, которая пообещает им хлеб и работу. Только-только начавший «накапливать жирок» средний класс снова оказался перед лицом бедности и разорения. Серьезные потери понес и крупный капитал. Идеи и рецепты национал-социалистов оказались в этой ситуации как нельзя более кстати.

Это прекрасно продемонстрировали сентябрьские выборы в рейхстаг 1930 года. По сравнению со своим результатом двухлетней давности национал-социалисты смогли увеличить число поданных за них голосов в восемь (!) раз и получить более ста депутатских мандатов. Традиционные правые партии, напротив, понесли потери. В этой ситуации ни о каком «младшем партнере» уже не могло быть и речи. Успехи НСДАП заставили большой бизнес внимательнее присмотреться к партии, лидер которой обещал порядок, процветание и ликвидацию классовой борьбы. К этому же толкали и успехи коммунистов – довольно быстро в глазах многих представителей правящей элиты партия Гитлера стала выглядеть единственной силой, способной справиться с «красной угрозой». А значит, ее нужно было финансировать.

Именно после выборов 1930 года субсидии со стороны крупной промышленности начинают широкой рекой течь в кассу партии. Флик, Шредер, Тиссен, Шахт – вот далеко не полный список магнатов, которые начинают вкладывать деньги в Гитлера. С этого момента отношения между НСДАП и большим бизнесом начинают развиваться, так сказать, по восходящей спирали – чем большие субсидии получают нацисты, тем легче им вести предвыборную борьбу и привлекать голоса избирателей; чем больше людей привлечет под свои знамена партия, тем более привлекательным «объектом инвестиций» она становится в глазах предпринимателей. Еще с января 1930 года по инициативе Кирдорфа, который распоряжался фондами Союза горнорудных и стальных предпринимателей, так называемым «Рурским сокровищем», в пользу гитлеровской партии начали отчисляться по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. В год это составляло 6 миллионов марок. Рейнско-вестфальская промышленная группа перечислила в кассу НСДАП за 1931–1932 годы не менее миллиона марок.

Одновременно все громче звучат голоса, обвиняющие Гитлера в «предательстве социализма». В частности, об этом говорит Отто Штрассер – далеко не последний в партии человек. Гитлер пытается убедить его в правильности своей линии и ведет долгие душеспасительные беседы; на прямой вопрос собеседника, что фюрер сделает с фирмой Круппа, когда придет к власти,

оставит ли он ее в неприкосновенности, Гитлер отвечает: «Само собой разумеется. Неужели вы полагаете, что я стремлюсь уничтожить германскую тяжелую промышленность?» И добавляет: «Наши предприниматели обязаны своим положением своим способностям. Этот отбор, лишь подтверждающий их принадлежность к высшей расе, дает им право руководить». Штрассера ответы не устроили, и он перешел в оппозицию, попытавшись создать конкурирующую организацию, которая, однако, успеха не имела.

В течение 1931–1932 годов экономический кризис продолжал усиливаться. Падение производства, рост числа безработных, явная неспособность государства справиться с катастрофическим развитием событий благоприятствовали национал-социалистам, равно как и их злейшим врагам – Компартии Германии. Все большее число людей, как рядовых избирателей, так и представителей экономической и политической элиты, считали, что призвать нацистов к власти – единственный способ избежать «большевистского хаоса». «Летом 1931 года, – вспоминал Отто Дитрих, шеф отдела печати НСДАП, – фюрер решил сосредоточиться на систематической обработке влиятельных промышленных магнатов… Конспирация была абсолютно необходима, поэтому, чтобы не навредить делу, представителей прессы лишали всякого доступа к информации. Успех увенчал дело».

В январе 1932 года Гитлер выступает с речью в Индустриальном клубе в Дюссельдорфе. Его аудитория – представители промышленных концернов и банков Германии. Идеи фюрера нравятся слушателям, сразу же после выступлений касса партии значительно пополняется. Весной 1932 года сторонники Гитлера из числа «капитанов экономики» объединяются в рамках так называемого «кружка Кеплера» (позднее он станет известен под именем «общества друзей Гиммлера»). Цель создания кружка – не только финансирование нацистской партии, но и контроль над ее экономической программой. Гитлер, впрочем, был совсем не против пойти навстречу пожеланиям своих спонсоров, о чем вполне недвусмысленно заявил на первом же заседании кружка.

Важный материал относительно источников финансирования НСДАП дают материалы Нюрнбергского трибунала. Ялмар Шахт, бывший глава рейхсбанка и министр экономики в 1934–1937 годах, сыгравший важнейшую роль в финансовом обеспечении национал-социализма, отвечал на вопрос американского обвинителя Джексона: «Выборы Гитлера должны были иметь место 5 марта, и для этой избирательной кампании

он нуждался в деньгах. Он попросил меня обеспечить его деньгами, и я это сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь. Пожалуй, это нельзя назвать речью, так как Гитлер произнес речь. Я просил их сказать, на какие денежные суммы они могут подписываться и произвести подписку в пользу выборов. Они подписались на общую сумму в три миллиона и распределили ее между собой… Все это были банкиры и промышленники. Они представляли химическую, металлургическую и текстильную промышленность – фактически все отрасли промышленности».

Наибольших своих успехов национал-социалисты достигли на президентских и парламентских выборах весной – летом 1932 года. На первых Гитлер смог набрать более 13 миллионов голосов, на вторых – сформировать крупнейшую фракцию в парламенте. При этом использовались новейшие избирательные технологии, что стало возможным только благодаря поддержке большого бизнеса. К примеру, пассажирский самолет, на котором Гитлер летал по Германии, выступая иногда в один день на митингах в нескольких разных городах, был предоставлен авиакомпанией «Люфтганза».

Однако влияние НСДАП приближалось к своему пределу: на осенних выборах партии удалось собрать на 2 миллиона голосов меньше, чем летом. Этому факту давались различные объяснения, однако было ясно одно – период стремительного взлета остался позади. Одновременно начались и финансовые проблемы: находясь в состоянии своеобразного головокружения от успехов, Гитлер не считал нужным идти на союз с консерваторами, что было негативно воспринято многими его спонсорами. Нацистскому движению последние по-прежнему не полностью доверяли, считая его слишком радикальным. Этот радикализм мог быть компенсирован благодаря союзу с традиционными правыми, которые смогли бы держать Гитлера в узде, полагали представители бизнес-элиты.

И все же НСДАП оставалась единственной крупной силой, способной противостоять коммунистам, систематически наращивавшим свое влияние на массы. Именно поэтому осенью 1932 года престарелый президент Пауль фон Гинденбург получает ряд обращений от представителей деловых кругов, призывающих доверить Гитлеру правительственную ответственность. Разумеется, речь не должна идти о чисто нацистском кабинете – в состав правительства должны войти и консерваторы. Иллюзия о том, что Гитлера удастся держать под контролем, была весьма живучей.

Особенно важную роль сыграла петиция, поступившая

19 ноября в канцелярию президента и подписанная такими ключевыми фигурами немецкой экономики, как Тиссен, Шредер, Шахт, директор «Коммерцбанк» Рейнхарт, монополист калийного производства Ростерг, председатель союза юнкеров «Ландбунд» Калькрейт и многие другие. Эти обращения не могли не повлиять на Гинденбурга, который ранее относился к Гитлеру с презрительной брезгливостью и громогласно заявлял, что этому выскочке он может предоставить только должность министра почты. В конечном счете под давлением различных группировок политической и экономической элиты президент 30 января 1933 года назначает Гитлера рейхсканцлером. Настал день, который потом назовут самым черным в германской истории.

Оправдались ли расчеты «капитанов германской экономики» после прихода Гитлера к власти? На этот вопрос сложно ответить однозначно. С одной стороны, надежды на то, что Гитлера удастся держать под контролем, оказались иллюзиями; свежеиспеченный рейхсканцлер довольно быстро избавился от назначенной ему опеки в лице консерваторов и взял в свои руки всю полноту власти. Вмешательство государства в экономику было весьма значительным: в середине 1930-х годов в этой сфере были проведены значительные структурные преобразования, благодаря которым была проведена централизация важнейших отраслей промышленности, введены элементы планирования.

Однако эти преобразования в значительной степени отвечали интересам большого бизнеса, более того, были им же и подготовлены. Созданный в 1933 году Генеральный совет германского хозяйства состоял в основном из «капитанов экономики». Гитлер одним махом устранил «красную угрозу», положил конец классовой борьбе. Забастовки были запрещены, владельцы предприятий объявлялись «фюрерами», которым трудовой коллектив был обязан безоговорочно подчиняться. Крупные государственные, в первую очередь военные, заказы заставили экономику заработать с новой силой: прибыли предприятий росли, число безработных, наоборот, стремительно сокращалось. Во второй половине 1930-х годов кризис вспоминался как страшный сон.

Представители бизнес-элиты не остались в долгу. Уже в июне 1933 года под руководством Круппа был создан фонд «подарков Гитлеру», через который национал-социалистам перечислялись большие пожертвования. За последующие 11 лет через этот фонд прошло не менее 700 миллионов марок. Интересы Гитлера и промышленников начали радикальным образом расходиться только в последние месяцы войны, когда Гитлер отдал приказ о «выжженной земле», который требовал уничтожать все

промышленные сооружения в оставляемых врагу районах. В отличие от многих других жесточайших приказов фюрера этот был успешно саботирован – еще одно свидетельство в пользу того, насколько сильную и независимую позицию занимала бизнес-элита в Третьем рейхе.

Значит ли это, что Гитлер был лишь орудием в руках крупного капитала, как это иногда утверждали советские историки? Разумеется, нет. Союз между национал-социалистами и бизнес-элитой был союзом равноправным и в какой-то степени даже вынужденным. Вынужденным потому, что серьезной альтернативы сотрудничеству ни у одной, ни у другой стороны практически не было.

Германская бизнес-элита была заинтересована в сильном государстве, уважающем частную собственность и способном создать благоприятные условия для экономического роста. Если совсем просто – чтобы собственность никто не отобрал и чтобы она давала прибыль. Для этого вовсе необязательно прибегать к радикальным рецептам – как показывает пример современной Европы, бизнес может очень хорошо чувствовать себя в стабильной демократической системе западного образца. И в период относительного экономического подъема второй половины 1920-х годов бизнес поддерживал в первую очередь «системные» партии правого и правоцентристского толка – так же, как сегодня германские союзы предпринимателей поддерживают блок ХДС/ХСС.

Проблема заключалась в том, что стабильность в Веймарский период была скорее исключением, нежели правилом. Короткая история республики началась и закончилась глубоким экономическим, общественным и политическим кризисом. Система при этом демонстрировала явную неспособность справиться с этими явлениями; это усугублялось тем, что львиная доля жителей страны относилась к системе как к чему-то чужеродному, связанному с поражением в Первой мировой войне и позорным Версальским миром. Поэтому в годы кризиса силу набирали партии, противопоставлявшие себя существующей системе – правые и левые радикалы.

Многие промышленники и финансисты послевоенной Германии тоже относились к республике более чем прохладно. Они с тоской вспоминали о «старом добром времени», кайзеровской эпохе, когда сильная центральная власть гарантировала стабильность и была способна защитить интересы германской экономики, в том числе и на международной арене. Симпатии деловых кругов были главным образом на стороне консерваторов. Но ни немецкие националисты Гугенберга, ни

либералы, ни партия Центра не были в состоянии гарантировать стабильность. В начале 1930-х годов их влияние на избирателя неуклонно падало, а огромные субсидии, которые выделял им германский бизнес, были способны в лучшем случае затормозить это падение, но не остановить его и тем более не сделать обратимым. Становилось ясно: одними только деньгами победы на выборах не добиться. Нужна была сила, способная не только защищать интересы бизнеса, но и вести за собой массы. Такой силой как раз и стали национал-социалисты.

На самом деле вряд ли многие «капитаны экономики» были искренними и горячими приверженцами Гитлера. Им, представителям элиты, мировоззрение которых базировалось на чувстве собственного превосходства над толпой, было трудно не смотреть сверху вниз на этого площадного оратора с забавными усиками. Неслучайно большинство из них рассчитывало, что сможет легко использовать его в качестве орудия, обведя Гитлера вокруг пальца. То, что этот бывший ефрейтор окажется совсем не так прост, станет для многих представителей традиционной элиты неожиданным и весьма неприятным сюрпризом.

Судя по всему, Гитлера и его партию изначально планировали использовать на вторых ролях, для привлечения на правое крыло радикально настроенных избирателей. Но мировой экономический кризис и выборы 1930 года поставили крест на этих планах. Вес, который набрала НСДАП, уже не позволял рассматривать ее как младшего партнера. Именно с 1930 года многие представители большого бизнеса начинают делать основную ставку на национал-социалистов, по-прежнему считая, что сумеют навязать им свою волю по основным вопросам. Действительно, в ситуации политического кризиса, когда количество избирателей стабильно росло только у двух партий – национал-социалистов и коммунистов, – многим казалось, что никакого третьего варианта не существует. Победы коммунистов бизнес не хотел ни в коем случае. Следовательно, нужно было поддержать Гитлера.

Национал-социализм, в свою очередь, нуждался в поддержке крупного капитала для выхода на большую политическую сцену. Гитлер никогда не был социалистом, его мировоззрение было мировоззрением мелкого буржуа, представителя среднего класса, для которого частная собственность священна. Здесь нужно упомянуть еще один миф, который не теряет своей популярности до настоящего времени, несмотря на то что он уже давно развенчан в академической среде – миф о единосущности коммунизма и фашизма, о том, что это – всего лишь две разновидности одной «тоталитарной» модели, которая

противостоит свободному, демократическому и рыночному обществу.

Основателями концепции тоталитаризма, появившейся в конце 1940-х годов, считаются такие западные политологи, как К. Поппер и Х. Арендт. Связано ее появление было с разгоравшейся «холодной войной». Основным назначением концепции было заклеймить Советский Союз как аналог Третьего рейха, более того – возложить на левые силы ответственность за преступления фашизма. Не научный, а чисто политический характер этой концепции был раскрыт на Западе уже в 1960-е годы, а окончательно ее разрушил западногерманский исследователь Нольте в своей книге «Фашизм в его эпохе». Однако концепция тоталитаризма продолжает существовать и в речах государственных деятелей, и в научных трудах; в нашей стране она приобрела определенную популярность начиная с эпохи перестройки и исправно служит для осуждения советского прошлого.

В качестве доказательств единосущности фашизма и коммунизма обычно приводится множество внешних признаков, которые у обеих систем действительно похожи. Речь идет об однопартийности, о сильной вертикали власти, о мощном пропагандистском аппарате, квазирелигиозном характере идеологии, сходстве молодежных организаций и политической полиции… На мой, и не только мой, взгляд, утверждать на этом основании, что национал-социализм и «реальный социализм» советского образца – явления одного порядка, это все равно что говорить о том, что канарейка и лимон находятся в близком родстве потому, что они оба практически одного цвета. На самом дел, при определенном сходстве внешних признаков сущность нацизма и советского социализма совершенно разная. В СССР была ликвидирована частная собственность, декларировалось равенство всех людей и дружба народов, высшей ценностью являлся коллектив, а пропагандисты прославляли светлое будущее. Третий рейх, в отличие от Советского Союза, был капиталистическим государством. Здесь частная собственность была неприкосновенной, пропагандировалось превосходство германской расы над всеми остальными, высшей ценностью являлась личность, индивидуум, а пропаганда обращала свой взор в светлое арийское прошлое. Историки потом будут говорить о «радикально антимодернистском» характере гитлеровской Германии. Третий рейх был в чистом виде порождением капиталистической системы, ее крайним средством в стремлении справиться с кризисом и избежать гибели.

Но вернемся к Гитлеру. Уже в начале 1920-х годов будущий

фюрер понимал, что без поддержки существующих элит ему не выбраться наверх. В своих речах перед завсегдатаями мюнхенских пивных и навербованными из безработных штурмовиками он мог сколько угодно клеймить капиталистов, наживающихся на страданиях простого человека. Это было не более чем фразой. Выступая перед небольшими аудиториями бизнес-элиты, Гитлер говорил совершенно другие слова. Он мастерски использовал полученные от крупных концернов субсидии, чтобы расширять свое влияние на избирателей, а поддерживавшие его массы избирателей – для того, чтобы оказывать воздействие на «капитанов экономики». Испытывая смешанное с завистью уважение к богатым и успешным бизнесменам, Гитлер отнюдь не был простым орудием в их руках. То, к чему он стремился, – заключить равноправный взаимовыгодный союз.

В конце концов такой союз действительно был заключен. От него выиграли обе стороны – Гитлер пришел к власти, а бизнес-элита получила необходимые ей условия для процветания. При этом нельзя сказать, что в дальнейшем одна из сторон этого соглашения сумела подчинить себе другую. Вплоть до самого конца крупный капитал обладал в Третьем рейхе высокой степенью независимости, какой, пожалуй, не имела ни одна другая группа интересов. После окончания войны, когда Третий рейх вместе со своим фюрером ушел в прошлое, поддерживавшие Гитлера «капитаны экономики» смогли в большинстве своем уйти от ответственности за преступления национал-социализма и продолжали успешно действовать в новой, демократической Германии. Сомнительно, что их мировоззрение при этом радикальным образом изменилось.

Миф № 8
«БЕСНОВАТЫЙ ФЮРЕР»

Одно из самых модных обвинений, звучащих в адрес Гитлера, – это то, что он был сумасшедшим. Словосочетание «бесноватый фюрер» прочно вошло в лексикон большинства из тех, кто говорит и пишет о нем. В роли создателей мифа выступали и историки, и журналисты, и даже сподвижники лидера Третьего рейха. Так, Гейнц Гудериан – один из любимцев Гитлера – писал в своих «Воспоминаниях солдата»: «Германскому народу следует… знать, что человек, стоявший во главе его, человек, которому народ так доверял, как ни один народ не доверял никогда ни одному вождю, был больным человеком. Эта болезнь стала его несчастьем, его судьбой, а также несчастьем и судьбой его народа».

Причин для возникновения этого мифа много. Во-первых, уже упоминавшееся стремление как можно сильнее унизить главного злодея всех времен и народов, приписав ему как можно больше отрицательных черт – в том числе умственную неполноценность. Во-вторых, «бесноватость» – это своеобразная обратная сторона уже рассматривавшегося мифа об «оккультной силе»: между человеком, который обладает бесовской силой, и человеком, одержимым бесами, разница не столь уж и велика. Недаром сумасшедших в старину считали воплощением либо доброй (юродивые), либо злой, но обязательно потусторонней силы.

К слову сказать, недавно такую точку зрения высказал официальный Ватикан. Отец Габриеле Аморт, который является главным экзорцистом при Папе Римском Бенедикте XVI, в своем выступлении по ватиканскому радио заявил, что Гитлер и Сталин были одержимы дьяволом. И, как свидетельствуют обнародованные недавно Ватиканом документы, Папа Пий XII в годы Второй мировой войны пытался провести обряд изгнания дьявола из фюрера.

«Конечно, дьявол существует, и им могут быть одержимы не только отдельные личности, но и целые группы людей и даже нации, – поделился святой отец со слушателями. – Я уверен, что нацисты были одержимыми. Только подумайте, что сотворили Гитлер и Сталин. Почти наверняка ими владел дьявол. Это следует из их поведения и их поступков, из всех тех ужасов, которые творились по их приказаниям. Поэтому нужно защищать общество от демонов».

Именно это пытался сделать во время Второй мировой войны

Папа Пий XII, проведя обряд экзорцизма над Гитлером. Однако, как признался отец Аморт, на расстоянии это оказалось непросто. «Крайне редко молитва или обряд экзорцизма, сотворенные на расстоянии, достигают цели. Конечно, вы можете молиться за кого-то и на расстоянии, но в данном случае это не подействовало», – рассказал он.

Одно из главных требований для изгнания дьявола – это непосредственное присутствие самого одержимого, а также его согласие и желание избавиться от нечистой силы. При отсутствии одного из этих условий обряд экзорцизма становится намного сложнее, рассказал святой отец. «В любом случае я не сомневаюсь, что Гитлер был одержим, и поэтому меня не удивила информация о том, что Папа Пий XII пытался провести дистанционный обряд экзорцизма», – заключил отец Аморт.

Есть и еще один важный мотив, который заставлял многих, особенно немецких, авторов обвинять своего недавнего властителя в безумии. Если Гитлер был сумасшедшим – значит, все его мысли и поступки были продиктованы его больным сознанием, они не имели никакой связи с идеями, менталитетом и настроениями современного ему общества. К примеру, гитлеровский антисемитизм – следствие психического расстройства, а не логичный итог европейского антисемитизма конца XIX века. А следовательно, ответственность за все преступления лежит исключительно на нем, окружающие лишь вынуждены были выполнять его безумные приказы. Такая трактовка в очередной раз позволяет уйти от неприятных ответов на вопросы, касающиеся ужасов Третьего рейха, и забыть, что отнюдь не лично Гитлер бил окна еврейских магазинов в «Хрустальную ночь», конструировал газовые камеры и сжигал заживо детей и стариков в русских деревнях.

Итак – были ли у Гитлера психические отклонения? Встречный вопрос – а много ли вы знаете людей без малейших отклонений? Психологи и психиатры утверждают, что таковых нет вообще. У каждого из нас есть какие-то детские психологические травмы, фобии, навязчивые идеи, которые окружающие склонны считать особенностями характера. Наверное, справедливо, иначе пришлось бы признать, что все люди вокруг – в той или иной мере сумасшедшие. Поэтому на вопрос о психических отклонениях у Гитлера можно с уверенностью ответить утвердительно – да, как и у девяноста девяти (или даже ста) процентов людей, населяющих нашу планету. Вопрос, скорее, в том, что это были за отклонения и насколько сильно они определяли его образ мыслей и действий.

Некоторые историки связывают появление у Гитлера

психического расстройства с его военным опытом. По данному поводу существует самая различная информация – вплоть до того, что будущий фюрер германского народа был зомбирован. Вот что говорится на этот счет в одной недавно опубликованной статье:

«В годы Первой мировой войны Гитлер был зомбирован. Это сенсационное утверждение принадлежит литератору-историку Дэвиду Льюису и доказывается в вышедшей в Европе его новой книге «Человек, который создал Гитлера».

Автор приводит ранее неизвестные факты, согласно которым ведущий психолог Германии профессор Эдмунд Фостер в ноябре 1918 года провел над Шикльгрубером (настоящая фамилия Гитлера) серию психологических и гипнотических опытов. В результате у ефрейтора развился «комплекс собственной избранности».

Зомбированию будущий фюрер подвергся в военном госпитале, куда поступил в октябре 1918 года в тяжелом психологическом состоянии: он внушил себе, что в результате газовой атаки потерял зрение. Хотя его глаза находились в полном физическом порядке, что было засвидетельствовано врачами, Гитлер считал себя полностью ослепшим. Доктор Фостер понял проблему пациента и решил вылечить его с помощью гипноза. Он заявил Гитлеру, что тот действительно ослеп, однако, будучи избранным самим провидением, способен усилием воли вернуть себе зрение. Профессору удалось заставить пациента поверить в себя, и Гитлер «прозрел». Это произвело на него столь сильное эмоциональное потрясение, что Гитлер навсегда поверил в свои сверхчеловеческие возможности.

В середине 1933 года Эдмунд Фостер попытался опубликовать за границей психологический портрет канцлера Адольфа Гитлера и сообщить об особенностях своих опытов над ним. После этого профессор был ликвидирован гестапо».

Книгу господина Льюиса я, каюсь, не читал. Впрочем, я и без этого знаю, что настоящая фамилия Гитлера – это Гитлер, а миф о «Шикльгрубере» является более поздней и весьма неудачной поделкой. Равно как и то, что идеи собственной избранности стали приходить Гитлеру задолго до войны. В общем, в этой статье есть только один достоверный факт – то, что Гитлер был ранен и попал в госпиталь. Не могло ли это оказать фатальное воздействие на его психику?

Не знаю как у вас, а у меня Эрих Мария Ремарк – один из самых любимых писателей. В своих книгах он прекрасно описывает сознание обычного человека, ставшего солдатом и вынужденного убивать себе подобных, а также те практически

необратимые изменения, которые потом, после войны, мешают ему вернуться к нормальной жизни. Психологическая травма, которую война наносит миллионам людей, приводит к феномену «потерянного поколения», блестяще описанного Ремарком, да и не только им одним. Медики используют для него свой термин – посттравматический стрессовый синдром (ПТСС).

Посттравматический стрессовый синдром – это комплекс психических нарушений, возникающих в результате длительного или кратковременного пребывания в экстремальной ситуации. ПТСС представляют собой болезненные состояния, возникающие через некоторое время после психической травмы. Чаще всего они проявляются в три этапа. Острый стресс дает о себе знать непосредственно после выхода из экстремальной ситуации. В частности – боя. Отсроченный – через несколько дней. Спустя несколько месяцев после затишья – периода мнимого благополучия обнаруживаются характерные черты тяжелой формы посттравматического состояния, мешающие человеку нормально жить и чувствовать себя таким же, как все. Эта стадия может длиться всю жизнь. Очевидные признаки ПТСС – бессонница, снижение самоконтроля, повышенная агрессивность, неадекватность восприятия окружающей реальности. Страдающих этим расстройством могут посещать кошмарные сновидения, возвращающие к событиям экстремальной ситуации. В результате человек находится в постоянном напряжении, которое невозможно снять обычным путем. Повышенная агрессивность может проявляться в чрезмерно острой реакции на какие-то высказывания, ключевые фразы, вызывающие ассоциации с пережитым, бытовые конфликтные ситуации.

Медики считают, что у любого человека на войне, даже у профессионального военного, под воздействием постоянного стресса неизбежно меняются и психика, и психология. Такие люди часто становятся замкнутыми, агрессивными в мирной жизни, впадают в депрессии, многие думают о своем военном прошлом как о лучших годах.

Оказавшись на «гражданке», они стараются устроиться на работу в службы безопасности, силовые ведомства – туда, где востребованы приобретенные на войне навыки. Кто-то попадает в криминальные структуры. В противном случае возникает чувство ненужности и нереализованности, что неизбежно приводит к проблемам и конфликтам с окружающими. Боец, ощущавший удовольствие от опасности, подсознательно ищет такую ситуацию, чтобы снова испытать это чувство.

Вот что говорит по этому поводу участник первой чеченской кампании, подполковник запаса, кандидат медицинских наук

Андрей Федоров: «Такие люди втрое чаще болеют соматическими заболеваниями, у них открываются язвы желудка, они переносят инфаркты, раньше умирают. И это мужчины от 20 до 50 лет – самая активная часть общества, которая должна быть здорова, должна зарабатывать деньги, содержать семьи, а не болеть. Например, спецназовцы, чаще всего это офицеры с высшим образованием, мастера спорта, за плечами у каждого 5–6 командировок по полгода в течение 4 лет. За это время они становятся инвалидами и физически, и психически. Причем мы говорим о профессионалах. А солдаты… У пацана, который в 18–19 лет попал на фронт, остается на всю жизнь сломанная психика».

Гитлер, конечно, попал на фронт в более зрелом возрасте, но это не спасло его – как и практически все его поколение – от психологической травмы. Считать ли его на этом основании сумасшедшим? Но тогда придется записывать в безумцы миллионы людей, прошедших войну. Вряд ли такое решение будет обоснованным.

Поэтому не стоит списывать все на войну. Надо сказать, что Гитлеру независимо от нее ставили очень много разных психиатрических диагнозов. Если не принимать в расчет «диагнозы», поставленные психоаналитиками в русле их мифологии («злокачественная кровосмесительная привязанность», «некрофилия» и т. п.), и рассматривать только болезни, признанные в современных научных классификациях, а также отсеять малоубедительные диагнозы (например, маниакально-депрессивный психоз и эпилепсия), то остаются две более или менее несомненные вещи: нарциссизм и паранойя.

Начнем с первого из них. Медики дают нарциссизму следующее определение: «Диагностические критерии нарциссического личностного расстройства включают всепроникающий паттерн грандиозности и отсутствия эмпатии. Диагностические признаки для этого расстройства включают: грандиозное чувство самозначимости; отсутствие эмпатии; ярость и агрессия; вера в собственную уникальность и исключительность; потребность в восхищении; эксплуататативность в межличностных отношениях; зависть к достижениям других; чувство привилегированности; пренебрежение к этическим нормам; вызывающее, наглое поведение; патологическое вранье; склонность к реактивным депрессиям; ипохондрия. Согласно одной из теорий, в основе нарциссизма лежит противоречие, заключающееся в одновременном наличии демонстративной грандиозности и подлинной, но скрываемой неуверенности (неполноценности). Настоящее «Я» – это неполноценность, а

грандиозность – ее компенсация».

У Гитлера было достаточно причин для того, чтобы получить комплекс неполноценности. Не самая здоровая атмосфера в семье, провал художественной карьеры – все это нужно было как-то компенсировать. Гитлер постоянно распространялся о своем поистине божественном предназначении и якобы возложенной на него великой миссии. Еще на фронте он удивлял сослуживцев заявлениями: «Вы еще обо мне услышите! Подождите, пусть придет мое время!» После поездки в Берлин в начале 1920-х годов Гитлер рассказывал партийным соратникам: «Порой мне казалось, что я, как Иисус Христос, пришел в храм моего Отца и увидел в нем менял». «У меня, как у Христа, есть долг перед своим народом» – говорил он позднее, уже став рейхсканцлером. Гитлер любил сравнивать себя не только с Господом, но и с Наполеоном, Александром Македонским и Фридрихом Великим. Национал-социализм он время от времени величает религией, так что сам Гитлер получается мессией-спасителем. В 1938 году он заявлял по поводу присоединения (аншлюса) Австрии: «Я верю, что такова была воля Всевышнего, пославшего оттуда в рейх мальчика, позволившего этому мальчику вырасти, стать вождем нации, чтобы затем предоставить ему возможность вернуть свою родину в лоно рейха». «Каждый, входящий в рейхсканцелярию, должен чувствовать, что посетил властителя мира» – так обосновывал фюрер размах своих строительных замыслов. Гитлер был убежден, что «как индивидуум по своей духовной и творческой силе один превосходит весь мир». «Он был убежден в своей роли мессии, считал себя предназначенным самим Провидением сделать Германию великой», – писал впоследствии в ожидании Нюрнбергского процесса Риббентроп.

Гитлер постоянно следил за своим поведением на людях и не говорил ни одного необдуманного слова. Все публичные проявления эмоций он репетировал не раз. Камердинер Гитлера Хайнц Линге рассказывал, что любой жест его хозяин тщательно изучал и по несколько дней воспроизводил перед зеркалом.

Особо ревностно Гитлер относился ко внешним проявлениям, подчеркивающим его физическую полноценность. Находясь рядом с Гитлером в течение десяти лет, Линге отмечал, что тот при чтении всегда надевал очки, но никогда не показывался в них перед другими. «Фюрер не может плохо видеть», – неоднократно повторял Гитлер. И речи его печатались на пишущей машинке со специальным крупным шрифтом, так, чтобы он мог читать без очков. Однако избавиться от привычки было трудно. Каждый раз, выступая перед публикой, Гитлер инстинктивно вынимал очки из кармана, но немедленно убирал их за спину. В эмоциональные

моменты речи он сжимал кулак – очки с треском ломались.

Несомненно, Гитлеру приходилось затрачивать уйму энергии, чтобы соответствовать тому образу, который отвечал его парадному представлению о самом себе как о фюрере арийской нации.

Как считают медики, для нарциссических личностей также характерно отрицание собственной ответственности за неудачи. Они не допускают мысли о том, что они способны совершить ошибку, а неуспех всегда объясняют случайными и внешними факторами.

К лидеру Третьего рейха это применимо в полной мере. Как вспоминал Гудериан – правда, его оценка довольно субъективна – в случае неудачи Гитлер всегда искал козлов отпущения. Когда в 1945 году настал крах, Гитлер отнюдь не стал задумываться о его объективных причинах. Вместо этого он жаловался Геббельсу: «Все идет не так, словно кто-то наслал на меня злые чары; удача от меня отвернулась». То же он говорил и Риббентропу, который вскоре после этого записал: «Тот факт, что он потерпел поражение, фюрер, говоря со мной, назвал судьбой». Ранее, во времена, когда судьба была к нему более благосклонна, фюрер выражался по-другому: «В течение почти двадцати лет огромных реальных успехов время было послушно мне и тем самым подтвердило, что я – непогрешимый, уникальный гений человечества».

Одним из основных внешних проявлений нарциссического личностного нарушения является ярость. Это – прямое выражение высокой агрессивности, свойственной всем нарциссическим личностям.

Принято считать, что ярость всегда была «фирменным стилем» Гитлера. Он не только упивался яростью и агрессией в своих выступлениях перед широкими массами, но и нередко буйствовал в узком кругу приближенных. Однако было бы неверным считать, что Гитлер постоянно пребывал в бешенстве и непрерывно орал. Вспышки ярости были скорее исключением из его обычно вежливого и любезного поведения. Поэтому некоторые наблюдатели интерпретируют агрессивный характер его публичных выступлений как прием ораторского искусства, а его взрывы в кулуарах – как актерство и средство давления на соратников.

Тем не менее серьезный дефицит самоконтроля – в форме необузданной ярости – отмечался у Гитлера всеми, кто постоянно с ним общался. Порой фюрер растормаживался до совершенно неприличного состояния. Живописное описание одного такого эксцесса дал Гудериан:

«Гитлер с покрасневшим от гнева лицом, с поднятыми кулаками стоял передо мной, трясясь от ярости всем телом и совершенно утратив самообладание. После каждой вспышки гнева он начинал бегать взад и вперед по ковру, останавливался передо мной, почти вплотную лицом к лицу, и бросал мне очередной упрек. При этом он так кричал, что глаза его вылезали из орбит, вены на висках синели и вздувались».

А вот описание реакции Гитлера на покушение 20 июля 1944 года, данное генералом фон Хольтицем: «Я стал свидетелем взрыва души, исполненной ненависти… Он сам себя вгонял в бессмысленное возбуждение, изо рта его буквально шла пена, все тело его тряслось так, что письменный стол, за который он ухватился, также пришел в движение. Он обливался потом, и его возбуждение еще более возросло, когда он орал, что «эти генералы будут болтаться на виселице». И здесь я со всей определенностью понял: передо мной помешанный».

Риббентроп описывает целый ряд ситуаций, когда вспышки ярости фюрера ставили под угрозу достижение важных внешнеполитических целей:

«Он мог приходить в слепую ярость и не всегда умел владеть собой. Это проявлялось порой по дипломатическим поводам. Так, в Годесберге, когда пришло известие о мобилизации в Чехословакии, он уже был готов прервать совещание с Чемберленом и вдруг вскочил с покрасневшим лицом – признак его необузданного гнева. Я вмешался с целью успокоить его, и Гитлер потом благодарил меня за то, что этим я спас конференцию. И во время переговоров с Франко в Андее он тоже вскочил в возбуждении с места, когда [министр иностранных дел] Серано Сунье довольно неудачно встрял в беседу. То же самое было и с [английским послом в Германии] Гендерсоном во время польского кризиса, когда тот своей бесцеремонностью (он стукнул ладонью по столу) возмутил Гитлера. Фюрер опять побагровел, и я уже видел надвигающуюся катастрофу, но и на этот раз мне удачно заданным вопросом удалось переключить его внимание на другую тему. Потом Гитлер сказал Гессу, что уже готов был вышвырнуть Гендерсона за дверь. Такие ситуации за все эти годы возникали не раз… После одного такого инцидента… он откровенно сказал мне: «Знаете ли, Риббентроп, иногда я совсем не могу совладать с собой!»

В 1942 году Риббентропу тоже посчастливилось узреть фюрера «во всей красе»:

«Адольф Гитлер пришел… в такое сильное возбуждение, в каком я его еще никогда не видел. Когда я вознамерился выйти из кабинета, он в резких выражениях бросил мне упрек, что,

постоянно противореча ему, я совершаю преступление, ибо этим подрываю его здоровье. Он выкрикнул это обвинение с таким ожесточением, что оно глубоко потрясло меня и заставило в тот момент опасаться, как бы с ним не случилось какого-нибудь припадка». Заметим, что мотив «угрозы здоровью» тоже очень характерен для рассматриваемой патологии.

Психиатры связывают агрессивность и ярость с подсознательным страхом крушения хрупкой конструкции «грандиозность – неполноценность», лежащей в основе нарциссизма. Поэтому у нарциссических личностей ярость часто является реакцией на критику. Хотя никому в Третьем рейхе не позволялось критиковать фюрера, известно, что Гитлер до своего прихода к власти был весьма чувствителен к критике со стороны немецкой прессы, а до начала войны – прессы зарубежной. Очень остро реагировал он и на несогласие со стороны сподвижников, которое расценивал как предательство. Так, в 1933 году, когда недавний «соратник по борьбе» Штрассер отказался поддерживать Гитлера, у последнего это вызвало дикую вспышку гнева. По некоторым свидетельствам, глава НСДАП в ярости катался по полу и грыз ковер. Рассказывают, что Геринг по этому поводу заметил: «Все мы знаем, что Адольф – вегетарианец, но никогда не думали, что в его меню входят ковры». Впрочем, возможно, это – всего лишь еще один миф.

Еще один признак нарциссизма – это отсутствие эмпатии, то есть способности к сопереживанию. Гитлер в течение всей жизни избегал нормального человеческого сближения с кем-либо, его личная сфера оставалась совершенно закрытой даже для ближайших соратников.

«За все годы… сотрудничества я в *человеческом плане* не сблизился с ним в большей мере, чем в первый день нашего знакомства, хотя мной пережито вместе с ним так много. Во всем его существе было что-то такое, что невольно отстраняло от личного сближения с ним», – вспоминал впоследствии Риббентроп. Гудериан в своих мемуарах писал примерно то же самое: «…Была у него и роковая черта в характере – замкнутость, самоуединение. У него не было ни одного настоящего друга. Даже его старые партийные коллеги были всего лишь его сподвижниками, но отнюдь не друзьями. Насколько мне известно, Гитлер ни с кем не поддерживал дружественных отношений. Никому он не рассказывал о своих сокровенных мыслях, ни с одним человеком не беседовал откровенно. Как не мог он найти себе друзей, так не мог он иметь способностей страстно и серьезно любить женщину… Одиноко шел он по миру, помешанный на своих гигантских планах». По поводу женщин в

судьбе Гитлера мы уже говорили, а вот друзей – по крайней мере, в период общения с Гудерианом – у него действительно не было. Единственным возможным исключением можно считать Геринга. Впрочем, и это под большим вопросом. «Мне неизвестно о его дружбе с кем-либо. Он был очень замкнутым человеком», – вспоминала Иоганна Вольф, личный секретарь Гитлера с 1929 года.

Переживание собственной сверхзначимости проявляется у нарциссических личностей в отрицании обязательности для них этических норм, которые якобы писаны только для «обычных людей». Нарциссические личности живут по принципу «цель оправдывает средства», они считают для себя вполне приемлемыми ложь и нарушение общеобязательных правил. В отношении Гитлера это вполне справедливо. К примеру, после победы над Францией «нарциссизм Гитлера достиг небывалой высоты. В разговоре с одним из партийных функционеров он… заявил, что первым и единственным из смертных вознесся в «статус сверхчеловека», в связи с чем его следует рассматривать как «не столько человеческое, сколько божественное» существо, которое стоит «над законом» и к которому «неприменимы условности человеческой морали».

Статс-секретарь геббельсовского министерства пропаганды Отто Дитрих после войны писал: «При выборе средств… у него полностью отсутствовало чувство добра и зла, отсутствовал моральный императив». А в конце войны, по воспоминаниям Шпеера, Гитлер «умышленно хотел, чтобы люди гибли вместе с ним. Для него уже не существовало моральных границ. Конец собственной жизни означал для него конец всего».

Нарциссические лица в случае серьезных неудач при осуществлении своих планов могут впадать в кратковременную депрессию. Однако эта депрессия, как правило, длится недолго и быстро проходит, как только возникают благоприятные условия для продолжения деятельности.

Гитлер неоднократно проявлял депрессивные реакции, вплоть до суицидальных попыток (в 1923 году после провала Мюнхенского путча и в 1931 году в связи с самоубийством его племянницы Гели Раубаль). В этом же ряду можно рассматривать и двухнедельный отказ от пищи после заключения в крепость Ландсберг, и суицидальное настроение после неудачи НСДАП на выборах 6 ноября 1932 года, совпавшее по времени с попыткой самоубийства Евы Браун. Но все эти депрессии носили достаточно кратковременный характер, и Гитлер неизменно возвращался к активной политической деятельности.

Гитлеру был свойственен страх за собственное здоровье,

который, вероятно, имел свое основание в многочисленных психосоматических симптомах – известно, что фюрер жаловался на желудочные колики, обильное потовыделение, тремор конечностей. Желудочные колики мучили фюрера при любых психических перегрузках – как в радостные (аншлюс Австрии), так и в тревожные моменты (оккупация Рейнской области, оккупация Чехословакии). В последнем случае боли были так сильны, что Гитлер приступил к составлению завещания. Эти боли, однако, мгновенно прекратились, как только ситуация получила благоприятное для Гитлера развитие.

Боли в желудке Гитлер считал предвестниками рака. Ипохондрия также выражалась в преувеличенном страхе заболеть сифилисом или вообще какой-нибудь заразной болезнью Здесь можно усмотреть некоторую параллель с отношением Гитлера к евреям. Как только Гитлер начинал говорить о евреях, сразу начинали мелькать «паразиты», «черви», «бациллы», «чума», «вирус», «туберкулезный народ» и т. п.

Впрочем, страх перед болезнью можно скорее отнести на счет второго психического отклонения, которым, очевидно, страдал глава Третьего рейха – паранойи. Посмотрим, насколько обоснованным выглядит этот второй диагноз.

Как известно, основными симптомами параноидного личностного расстройства являются: сверхценные и бредовые идеи, подозрительность, недоверчивость, упрямство. Всего этого у Гитлера было в избытке.

Политику, проводимую Гитлером, определяли четыре взаимосвязанные сверхценные идеи: величие Германии, борьба с евреями, уничтожение большевизма и завоевание «жизненного пространства» на Востоке. При этом «борьба с евреями» носила характер, скорее, не сверхценной, а бредовой идеи, поскольку предполагала существование всемирного еврейского заговора. То же можно сказать и о «борьбе с большевизмом».

Фюрер был абсолютно уверен, что СССР (или «Азия», как он порой выражался) планирует «порабощение» Европы (да что там мелочиться – всего мира), и на этом основании зачастую отвергал любые объективные доводы о политическом и военном положении. «Борьба с большевизацией Европы» стала важнейшей частью «мессианской программы» Гитлера. Из-за этого он вмешался в гражданскую войну в Испании, хотя это привело к обострению отношений с Англией, с которой Гитлер всегда желал «вечной дружбы». Из-за этого был заключен Антикоминтерновский пакт с Японией, что вызвало недоумение немцев по поводу «расовых аспектов» этого союза. Из-за этого во время войны Гитлер принципиально отказывался от переговоров

со Сталиным: «В борьбе против большевизма никакому компромиссу места нет… Исход этой войны дипломатическими средствами решен быть не может!» – вспоминал слова Гитлера Риббентроп.

Понятно, что «мировоззренческая» антикоммунистическая политика Германии вызывала недоумение в европейских странах, придерживавшихся традиционной «реальной политики». Тот же Риббентроп писал в своих воспоминаниях: «В намерения Гитлера входило подтолкнуть к участию в антикоммунистическом фронте также и Британскую империю… Когда я в январе 1937 г., после подписания Италией Антикоминтерновского пакта, вернулся из Рима в Лондон, у меня состоялась беседа по этому поводу с английским министром иностранных дел Иденом. Я хотел доказать ему значение этого идеологического сплочения для всего культурного мира. Когда Иден заявил мне, что в Англии подписание Антикоминтерновского пакта… воспринято с неудовольствием, я со всей откровенностью растолковал ему смысл и цель пакта и его значение для всего некоммунистического мира, а тем самым и для Британской империи. Я указал на то, что этот пакт не направлен ни против кого другого, кроме мирового коммунизма, и что он открыт для вступления в него и Британии. Но я натолкнулся на полное непонимание со стороны Идена, и даже позже мне никогда не доводилось услышать от английского правительства хоть что-то насчет этой инициативы. В Англии не хотели видеть коммунистической опасности».

Другой «принципиальный мировоззренческий вопрос» – бескомпромиссная политика Гитлера в отношении евреев – создал для Германии, по словам Риббентропа, «дополнительное внешнеполитическое бремя, равнозначное по своей тяжести вражде какой-либо великой державы».

Патологическая ненависть к евреям одолевала Гитлера на протяжении всей его политической карьеры. В 1922 году он обещал, что после прихода к власти «прикажет поставить на площади Мариенплац в Мюнхене столько виселиц, сколько поместится, лишь бы не мешать проезду транспорта, и прикажет вешать евреев, одного за другим, и висеть они будут столько, сколько позволят элементарные нормы гигиены. И как только снимут одних, сразу же будут повешены следующие, пока в Мюнхене не останется ни одного еврея». В «Mein Kampf» Гитлер определил политику в отношении евреев – уничтожение: «Я уверен, что действую вполне в духе Творца всемогущего: *борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божие*».

Согласно непреклонному убеждению Гитлера,

межгосударственный еврейский центр с филиалами в Москве, Париже, Лондоне и Нью-Йорке вел планомерную скоординированную работу по большевизации всего мира. Гитлер на полном серьезе полагал, что Сталин находился под еврейским влиянием. Риббентроп, который, в отличие от большинства верхушки Третьего рейха (Гитлер, Гиммлер, Борман и Геббельс были адептами «теории заговора»; Геринг антисемитом не был), во всемирный еврейский заговор не верил, потратил массу усилий на то, чтобы повернуть германскую внешнюю политику в рациональное русло. Одно время (в 1939–1940 гг., после подписания мирного договора с СССР) ему даже казалось, что фюрер эволюционирует в нужном направлении. Однако «в дальнейшем ходе войны фюрер все сильнее возвращался к мысли о действенности интернационального еврейского заговора против Германии… Переубедить Адольфа Гитлера было невозможно, и он постоянно повторял мне, что в этом вопросе я ничего не смыслю… В 1944 г. высказывания Гитлера все больше концентрировались на столкновениях с еврейством. В конце концов им овладел тупой фанатизм».

Следующая «фирменная черта» параноиков – недоверчивость и подозрительность. Как считают медики, подозрительность параноических личностей «носит всеохватывающий характер, поскольку болезненная подозрительность порождается не определенными внешними обстоятельствами, а коренится в психике самой личности».

Недоверчивость отмечалась многими современниками как основополагающая черта характера Гитлера. Верховный комиссар Данцига от Лиги Наций швейцарец Карл Бургхардт в начале 1930-х годов писал: «Он не доверяет никому и ничему, подозревает каждого в контакте с врагом или даже в готовности перебежать на сторону врага». «Был ли вообще хотя бы один генерал, которому доверял Гитлер?.. На этот вопрос можно ответить только отрицательно», – писал Гудериан. Как мы уже выяснили в одной из предыдущих глав, оснований не доверять своим генералам – по крайней мере, не испытывать к ним слепого и всепоглощающего доверия – у фюрера было предостаточно. Ту же черту своего шефа подмечает и Риббентроп: Гитлер «мог быть непостижимо недоверчивым… К министерству иностранных дел и его чиновникам Гитлер относился с недоверием». Учитывая дипломатические «таланты» Риббентропа, это тоже вряд ли можно считать ненормальным. Шпеер говорил, что недоверчивость была «жизненной стихией» Гитлера.

В качестве одного из примеров гитлеровской паранойи часто приводят «Ночь длинных ножей» 1934 года, когда фюрер

физически ликвидировал своих недавних сподвижников – верхушку штурмовых отрядов (СА). Официально было объявлено о том, что ликвидирован опаснейший заговор против государства. Верил ли сам Гитлер в наличие такого заговора? Возможно, он опасался «Второй революции», о которой постоянно твердил глава штурмовиков Рем и которая угрожала положению Гитлера, которого он добился с таким трудом? Или правы те, кто видит в расправе со штурмовиками сигнал, данный Гитлером представителям армии и крупного капитала – «Второй революции» не будет, масштабных потрясений тоже, с нацизмом можно успешно сотрудничать? Именно эта точка зрения представляется наиболее обоснованной.

Еще одна характерная черта параноиков – абсолютно иррациональное упрямство. Упрямство Гитлера, его несговорчивость, нетерпимость к возражениям, доходящие до полного игнорирования реальности и разумных аргументов, отмечались многими современниками. «Скорее можно было сдвинуть с места Монблан, чем добиться от фюрера отказа от однажды принятого им решения», – писал Риббентроп.

Болезни Гитлера, если можно так выразиться, не стояли на месте, они прогрессировали. Это касается и физических, и душевных недугов. Многие отмечали, что фюрер заметно деградировал после каждого серьезного провала. Первым таким ударом стал Сталинград. «Когда я увидел Гитлера после катастрофы под Сталинградом (я не встречался с ним 14 месяцев), я заметил, что он сильно изменился. Левая рука тряслась, сам он сгорбился, глаза навыкате смотрели застывшим, потухшим взглядом; щеки были покрыты красными пятнами. Он стал еще более раздражительным, терял в гневе равновесие, не отдавал себе никакого отчета в том, что он говорил и какие решения принимал», – писал Гудериан.

Покушение 20 июля 1944 года привело к развитию «второй стадии». «Его душевное равновесие было навсегда нарушено. Выступили наружу все злые духи, которые жили в его душе. Его действия ничем не были обузданы… Свойственное его характеру глубоко укоренившееся недоверие к людям вообще, и к генеральному штабу и генералам в частности, превратилось теперь в ненависть… Грубость превратилась в жестокость, склонность к блефу – в лживость. Он часто говорил неправду, сам не замечая этого, и заранее предполагал, что люди его обманывают. Он никому не верил… Он часто терял самообладание и не давал себе отчета в своих выражениях… Он постоянно стремился к тому, чтобы ввести себя и окружающих в заблуждение относительно истинного положения вещей, пытаясь

сохранить хотя бы видимость крепости своего государственного здания».

Геббельс, всегда избегавший каких-либо критических замечаний в адрес фюрера, тоже сетовал в 1945 году:

«Похоже, что счастливая звезда фюрера его покинула! Если бы теперь его увидел человек, не встречавшийся с ним два или три года, он был бы потрясен его видом. Он не только постарел, но и утратил инициативу и уже не может принимать молниеносные решения, полагаясь на интуицию, которая явно его оставила».

Должны ли мы сделать вывод о том, что Гитлер был душевнобольным? Нет. Нарциссизм и паранойя – это не обязательно симптомы шизофрении. Однако Гитлер не был и «нормальным». У него – как, впрочем, и у многих других людей – наличествовали выраженные личностные расстройства. Поэтому любой серьезный анализ деятельности Гитлера обязан принимать их во внимание.

Но поставим вопрос иначе: мог ли абсолютно нормальный человек, лишенный каких-либо психических отклонений, сделать столь головокружительную карьеру, как это удалось Гитлеру? История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но ответ, скорее всего, будет отрицательным. Например, если бы Гитлер не был столь слепо уверен в собственной избранности, он вряд ли смог бы с таким упорством идти к цели.

Сказывались ли нарциссизм и паранойя на образе его мышления и принимаемых решениях? Конечно же, да. Но говорить на этом основании, что «Германией управлял безумец», было бы явным преувеличением. По крайней мере, если мы употребляем слово «безумец» в медицинском, а не морально-этическом плане.

Миф № 9
«СЛАВЯНСКИЙ ШАНС» ГИТЛЕРА

Среди рассказов о том, как Гитлер упустил шанс выиграть мировую войну, особое место занимает история об иррационально негативном отношении фюрера к славянам. Именно это якобы вызвало ответную ненависть русских, которые устали от сталинского террора и первоначально встречали германские войска с цветами и песнями, как освободителей. Следствием стало сплочение русского народа вокруг ненавидимого им Сталина и поражение Третьего рейха. Если бы Гитлер изначально гуманно отнесся к русским, многие встали бы на его сторону, и советский режим быстро потерпел бы поражение.

Если сказка о «Гитлере-освободителе» циркулирует разве что в самых маргинальных неонацистских кругах да в прессе маленьких и гордых прибалтийских государств, то миф об «ошибке Гитлера в обращении со славянами» встречается сплошь и рядом – начиная с мемуаров генералов вермахта и заканчивая газетой «Вашингтон Пост», которая в одной из своих статей в 2005 году написала не допускающим возражений тоном: «Гитлер считал русский народ врагом, с которым надо обращаться соответственно. Жестокость нацистов обратила ненависть русских к Сталину против оккупантов». Статья, между прочим, называлась «Учиться на ошибках Гитлера».

В этой главе я намеренно обхожу вопрос о том, могло ли более «мягкое обхождение» со стороны немецких войск привести к массовому коллаборационизму. На мой взгляд, отношение русского народа к захватчикам было многократно продемонстрировано его историей, а предатели, сотрудничающие с врагом, встречаются в любой стране и в любые времена. Поскольку книга моя посвящена мифам о Гитлере, более актуальными представляются другие вопросы: было ли отношение Гитлера к славянам чем-то иррациональным, нетипичным для немцев? И существовала ли значительная разница в отношении к населению Советского Союза между Гитлером и его армией?

Итак, начнем. Первый тезис, который, возможно, удивит кое-кого из моих читателей: Гитлер вовсе не испытывал к славянам такую лютую ненависть, как, например, к евреям. Евреи были для него средоточием мирового зла, самой страшной угрозой для германского народа, целенаправленно стремящейся погубить

арийскую расу. Славяне, и русские в частности, – всего лишь один из множества неполноценных народов, не хуже и не лучше китайцев или негров. Об этом свидетельствует, например, «Майн Кампф»: если евреям там посвящено множество страниц, то о России и русских сказано сравнительно немного. Основная мысль такова:

«Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены… Сама судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения… Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории… Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет нам немецкий меч».

Как говорят американцы, ничего личного, просто бизнес. Германии нужно жизненное пространство. Немцам нужны новые земли. Их нужно очистить от лишнего населения. Это лишнее население – славяне? Что ж, тем хуже для них.

И еще один важный момент: то, что Гитлер пишет о «громадной государственной роли германских элементов» и «более низкой культуре» русских, – это не его личная выдумка. На этом убеждении воспитывались целые поколения немцев задолго до Гитлера. Отношение к славянам – и русским в частности – как к варварам берет свои истоки в раннем Средневековье, когда

немцы продвигались на восток, очищая от славянских племен территории нынешней восточной Германии и западной Польши. Племена западных славян – к примеру пруссы – уничтожались под корень. Позднее духовно-рыцарские ордена – самый известный из которых, конечно же, Тевтонский – предпринимали крестовые походы в славянские земли, чтобы огнем и мечом обратить язычников в истинную веру или как минимум отправить их на тот свет. Случались, конечно, и досадные недоразумения, как в 1242 году от Рождества Христова, когда некий славянский князь разбил представителей духовного рыцарства на льду озера… Но поражение было совсем незначительным, и вообще, это не считается…

Представление о России – Московии – как об отсталой стране, населенной варварами, проходит сквозь века. Даже петровские реформы ничего в этом не меняют. Подъем Российской империи приписывается исключительно влиянию иностранцев, приглашенных на русскую службу. Статусом непререкаемой научной истины пользуется в европейской науке так называемая норманнская теория, которая гласит, что славяне совершенно неспособны создать собственное государство и потому вынуждены были пригласить скандинавских князей во главе с Рюриком. С тех пор вся русская правящая элита – западноевропейская по своей крови. Только благодаря этому Россия еще существует как государство.

Настал XIX век. Казалось бы, Просвещение должно способствовать устранению национальных предрассудков. Ан нет: к русским войскам, которые приходят в Германию освобождать ее от Наполеона, относятся как к диким казакам, которые чем скорее уберутся из цивилизованной Европы, тем лучше. Двумя десятилетиями позже немцы зачитываются трудом де Кюстина, не скрывающего презрительное отношение к русским варварам. Найденный в одной из пещер в долине реки Неандер череп древнего человека – неандертальца, значительно уступающий по объему черепной коробки современному человеку, скептики немедленно объявляют «черепом русского казака».

Но ведь русские студенты, дворяне, деятели культуры – Тургенев, Достоевский, многие другие – жили и работали в Германии! – может возразить мне читатель. Да, это так. И отношение к ним было вполне нормальным – потому что немцы, повторюсь, рассматривали правящую и интеллектуальную элиту Российской империи как представителей иной расы, нежели та, к которой относилась основная масса населения. Да что там говорить – иные русские дворяне придерживались того же мнения.

1871 год. Основание Германской империи. Один из немногих вопросов, по которому существует широкий общественный консенсус, – это отношение к России. Один из столпов европейской социал-демократии, Фридрих Энгельс, писал: славяне «нежизненны и никогда не смогут обрести какую-нибудь самостоятельность». Они «никогда не имели своей собственной истории… и лишь с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации». Под этими словами мог подписаться любой германский либерал. Все политические силы, кроме консерваторов, рассматривали Россию как варварскую страну, оплот рабства и угнетения. Отношение консерваторов было, впрочем, ненамного лучше – отличие заключалось в том, что они пропагандировали монархическую солидарность с практически уже немецкой по крови династией Романовых.

В конце 1870-х годов перед Германией встает вопрос: кого выбрать в качестве основного союзника – Австрию или Россию? «Железный канцлер» Бисмарк видит всю слабость Австро-Венгрии и выступает против тесного союза с ней… но тем не менее вынужден такой союз заключить. Причина – уже упомянутое выше негативное отношение германского общества к России. Пока Бисмарк находился у власти, он пытался не портить окончательно хороших отношений с восточным соседом, понимая, что их разрыв повлечет за собой скорое сближение России с Францией – союз, который возьмет Германскую империю в клещи. Преемники «железного канцлера» высокомерно проигнорировали этот факт, в результате чего в Первой мировой войне им пришлось сражаться на два фронта.

«Кузенчик, в твоей стране чудовищное свинство. Мы идем, чтобы вас окультурить и наконец-то хорошенько продезинфицировать» – такие слова от имени германского императора Вильгельма II в адрес его двоюродного брата Николая II печатались на сатирических почтовых открытках в 1914 году. По воспоминаниям русских офицеров, вошедших в Восточную Пруссию в начале войны, местное население в ужасе разбегалось – перед войной им рассказали, что русские выпускают вперед диких человекообразных казаков, которые питаются человечиной. И этому верили на полном серьезе! А как могло быть иначе, если представление о русских как о недочеловеках воспитывалось начиная со школьной скамьи? Не верите? Вот цитаты из германских школьных учебников начала XX века:

1908 год: «Русские – это полуазиатские племена. Их дух не является самостоятельным, чувство справедливости и реальности заменены слепой верой, им не хватает страсти к исследованиям. Раболепие, продажность и нечистоплотность, – это чисто азиатские черты характера».

1925 год: «Русский дух как таковой, видимо, не приспособлен к творческой созидательной деятельности; почти всем, что создано Россией во внешних и внутренних делах, она обязана немцам, состоявшим на русской службе, или прибалтийским немцам».

8 июля 1915 года, в разгар Первой мировой войны, почти полторы тысячи ведущих представителей немецкой интеллектуальной элиты подписались под меморандумом рейхсканцлеру Теобальду фон Бетманн-Гольвегу. В этом меморандуме существование России называется «величайшей опасностью для Германии и Европы». Поэтому западные русские земли необходимо заселить немцами, а славянское население куда-нибудь выселить. Здесь уже напрямую слышатся интонации гитлеровского Генерального плана «Ост».

Спрашивается: почему, собственно говоря, Гитлер должен был рассуждать как-то иначе, нежели миллионы его соотечественников? Его отношение к славянам как к недочеловекам вполне объяснимо. И все же оно существенно отличалось от той ненависти, которую Гитлер испытывал к евреям. Достаточно вспомнить, что в начале 1920-х годов он весьма активно общается с представителями белой эмиграции; впоследствии эмигранты припеваючи живут в Третьем рейхе, не опасаясь никаких преследований. В Германии активно действует – и даже получает определенное поощрение со стороны НСДАП – Русская православная церковь за рубежом. Которая, к слову сказать, не остается в долгу, устами своих иерархов восхваляя фюрера. Что совершенно не мешало ей впоследствии громогласно требовать от Русской православной церкви покаяния за сотрудничество со Сталиным. Разумеется, в своей деятельности РПЦЗ столкнулась с несколькими ограничениями, – и все же православные церкви находились в несопоставимо более выгодных условиях, чем синагоги. В конечном счете Гитлер, пусть и после существенных колебаний, пошел на формирование воинских частей из русских коллаборационистов… еврейские же батальоны СС существуют только в анекдотах.

Отношение Гитлера к славянам было сугубо прагматичным. Их земля должна принадлежать немцам. Для этого часть из них должна быть уничтожена, а часть – находиться на положении рабов. Жалеть недочеловеков нет никакого смысла. «В этом году в

России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать», – скажет Геринг в беседе с Чиано в ноябре 1941 года, вне всякого сомнения, повторяя мысль обожаемого фюрера. Всего на европейской территории России должно остаться не более 15–30 миллионов человек. Остальные пусть переселяются на восток или умирают – как им будет угодно. Оставшихся тоже ждет незавидная участь.

«Заметьте себе, господа, что с помощью демократии невозможно удержать то, что когда-то было взято силой. Покоренные нами народы в первую очередь должны обслуживать наши экономические интересы. Славяне созданы для того, чтобы работать на немцев, и ни для чего больше. Наша цель – поселить в местах их нынешнего проживания сто миллионов немцев. Немецкие власти должны размещаться в самых лучших зданиях, а губернаторы жить во дворцах. Вокруг губернских центров в радиусе 30–40 километров будут размещаться пояса из красивых немецких деревень, связанных с центром хорошими дорогами. По ту сторону этого пояса будет другой мир. Там пусть живут русские, как они привыкли. Мы возьмем себе только лучшие их земли. В болотах пусть ковыряются славянские аборигены. Лучше всего для нас было бы, если бы они вообще объяснялись на пальцах. Но, к сожалению, это невозможно. Поэтому – все максимально ограничить! Никаких печатных изданий. Самые простые радиопередачи. Надо отучить их мыслить. Никакого обязательного школьного образования. Надо понимать, что от грамотности русских, украинцев и всяких прочих только вред. Всегда найдется пара светлых голов, которые изыщут пути к изучению своей истории, потом придут к политическим выводам, которые в конце концов будут направлены против нас. Поэтому, господа, не вздумайте в оккупированных районах организовывать какие-либо передачи по радио на исторические темы. Нет! В каждой деревне, на площади – столб с громкоговорителем, чтобы сообщать новости и развлекать слушателей. Да, развлекать и отвлекать от попыток обретения политических, научных и вообще каких-либо знаний. По радио должно передаваться как можно больше простой, ритмичной и веселой музыки. Она бодрит и повышает трудоспособность».

Так говорил Гитлер в одном из своих застольных монологов. Может, это все были фантазии свихнувшегося безумца, которые совершенно не разделялись его окружением? Против этого говорит в первую очередь громадная работа, проделанная по Генеральному плану «Ост» и сопутствующим документам. Как справедливо отмечает Ю. Квицинский, «было бы неверным

считать этот план, как и сотни других подобных ему немецких документов, шизофреническими продуктами свихнувшегося фюрера и его непосредственного окружения. Поражает глубокая, скрупулезная научная проработка как общей концепции, так и деталей этой людоедской программы, которая, несомненно, потребовала серьезных коллективных усилий большого отряда специалистов – политологов, этнографов, географов, историков, философов, экономистов, аграрников, медиков и т. д. Известно, что первый вариант этого плана был сверстан в апреле – мае 1940 года доктором Конрадом Майером – 39-летним ученым с мировым именем, директором Института сельского хозяйства и аграрной политики Берлинского университета, штандартенфюрером СС, руководителем Имперского исследовательского совета и проч. и проч. В компании с ним трудились десятки и сотни его коллег, а также представители армии, органов безопасности, промышленности, банков, профсоюзов и общественных объединений».

Вот как, например, расценивались в меморандуме Института труда Немецкого трудового фронта в ноябре 1941 года перспективы российской экономики: «Будущая экономика России должна не только полностью зависеть в хозяйственном плане от мощной экономики Запада, не только не иметь никакой военной промышленности, но и подвергнуться глубокой структурной перестройке, чтобы, исходя из вполне очевидных политических соображений, народы России никогда не перешагнули определенного жизненного уровня. В России надо позволить работать только таким предприятиям, продукция которых требует для своего производства лишь низкой и средней квалификации. Закрыть промышленные предприятия, которые предъявляют высокие требования к работающим на них коллективам, как, например, заводы по выпуску оптики, самолетов, локомотивов. С русских не надо требовать квалифицированного труда, чтобы держать их благополучие на этом основании на самом низком уровне. Россиян надо использовать только на добыче сырья, в сельском и лесном хозяйстве, на ремонтных и строительных предприятиях и ни в коем случае – на станкостроительных заводах и верфях, на производстве приборов и самолетов. Огромные естественные богатства России позволяют сохранить нетронутыми природные богатства Германии и Европы. Огромные пространства России позволяют также разгрузить нашу страну от вредных производств. Мы сможем, в частности, закрыть часть немецких металлургических заводов, перенеся тяжесть металлургических производств на Восток. То же самое касается свертывания добычи угля за счет завоза дешевого угля из

бывшего СССР».

Допускаю, что несколько утомил читателя длинными цитатами. Но без них в данном случае, увы, совершенно никак. Перейдем к следующему вопросу: возможно, офицеры вермахта – как они станут об этом говорить после войны – наотрез отказывались выполнять приказы о жестоком обращении с местным населением и в свободное от основной работы время копали колодцы в русских деревнях, принимали роды у русских женщин и кормили с ложечки манной кашей русских раненых? Увы, факты говорят об обратном. Поведение вермахта на востоке было таково, что значительная часть немецкого общества до сих пор отказывается в него верить. Организованная в середине 1990-х годов передвижная выставка Гамбургского института социальных исследований «Война на уничтожение – преступления вермахта 1941–1944», убедительно демонстрирующая ответственность германской армии за военные преступления, вызвала в ФРГ целую бурю эмоций, порой весьма негативных по отношению к организаторам мероприятия. Тем, кто желает подробнее ознакомиться с поведением вермахта на советской земле, настоятельно рекомендую прочесть недавно переведенную книгу Г. Кноппа «Вермахт: итоги» и работу А. Дюкова «За что сражались советские люди». Здесь же позволю себе ограничиться выдержками из приказов немецких военачальников касательно войны на востоке.

Э. Гепнер, май 1941 года: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор большевизму. Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью».

Г. Гот, ноябрь 1941 года: «Восточный поход надо закончить иначе, чем, например, войну с французами. Этим летом нам стало еще яснее, что здесь, на Востоке, сражаются два внутренне несоединимых воззрения: германское чувство чести и расы немецкого солдатского сословия, насчитывающего вековую историю, против азиатского способа мышления и его примитивных инстинктов, вбитых небольшим количеством еврейских интеллектуалов: страха перед кнутом, пренебрежения нравственными ценностями, всеобщего нивелирования, отбрасывания собственной ничего не стоящей жизни… Эта борьба может закончиться только уничтожением одного из противников. Примирение невозможно».

В. Рейхенау, декабрь 1941 года: «Снабжение питанием

местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью. Все, в чем отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже в том случае, если это является трофеями. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Но, может, младшие офицеры и рядовые вели себя иначе? Дневник рядового Эмиля Гольца, 28 июня 1941 года: «На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцев мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе». Рядовой Вальтер Траве, письмо домой: «Наступил час расплаты, которой мы давно ждали. Большевики скоро будут разбиты, а евреи – уничтожены. Мы их расстреливаем везде, где только обнаружим, несмотря на пол и возраст… Германцы на Востоке должны быть подлинными викингами, и все низшие расы должны быть уничтожены. Мы не имеем права на мягкость и малодушие».

Таких документов сотни и тысячи. Их настолько много, что может показаться, что все военнослужащие вермахта были садистами и убийцами. Разумеется, это не так. И среди генералов, и среди рядовых было немало людей, не одобрявших жестокостей в отношении мирного населения. И все же такие жестокости совершались повсеместно – и по приказу высшего командования, и по инициативе частей. Воля одного человека не могла быть единственной причиной. Сказывалась многовековая традиция отношения к славянам как к дикарям, варварам, которые ненамного лучше зверей.

Своего отношения к русским ни вермахт, ни его главнокомандующий не изменили до самого конца войны. Конечно, когда началась цепочка неудач и поражений, немцам пришлось стиснув зубы терпеть в рядах вермахта и СС формирования, укомплектованные русскими и представителями других «неполноценных» народов. Что ж, в данном случае возобладал трезвый практический расчет – если недочеловеки готовы убивать друг друга, почему бы не предоставить им такую возможность? Какого-то кардинального изменения «славянской

политики» Гитлера это не означало.

Миф № 10
«ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ»

Один из самых известных и достоверно установленных фактов мировой истории XX века – это то, что Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем бункере под зданием Имперской канцелярии в Берлине 30 апреля 1945 года. Показания свидетелей изучены до мелочей, известны все подробности как самого суицида, так и последующих «приключений» останков бесславно почившего фюрера.

В то же время один из самых распространенных мифов XX века – это миф о «чудесном спасении» Гитлера. Каких только вариантов не придумали журналисты за 65 лет, прошедших после войны! Гитлер улетел на самолете, уплыл на подводной лодке, в Берлине вообще был его двойник; он доживал свой век в католическом монастыре в Европе, в Латинской Америке, в Антарктиде на секретной базе. Его видели в пятидесятых, в шестидесятых, в семидесятых годах…

Причина появления этих «свидетельств» вполне очевидна. Они позволяют вновь и вновь поднимать скандальную тему на страницах «желтой прессы», привлекая падких до сенсаций обывателей. Примеров таких публикаций можно привести много. Воздействие этого «массированного обстрела» таково, что даже некоторые серьезные историки и журналисты начинают говорить о факте самоубийства Гитлера с оговорками – мол, да, самая распространенная версия именно такова, но…

В связи с этим полезно вспомнить, как обстояли дела в реальности. Безнадежно проигрывая войну, Гитлер 1 апреля 1945 года перенес свою ставку в Берлин. Именно здесь, в подземном бункере под старым корпусом имперской канцелярии, прошли его последние дни. Надо сказать, что советские, да и западные кинематографисты постарались изо всех сил, чтобы «как следует» создать образ этих последних дней. Они рисовали безумные оргии и пьянки, полное разложение и потерю контроля. Тем не менее можно смело утверждать, что это, мягко говоря, преувеличение, специфическое видение художников. На деле в бункере царила все та же дисциплина, что и в любой из ставок Гитлера. Другое дело, что сам Гитлер был уже не тот. Обмякший, как-то разом постаревший, он вызывал у окружающих, как ни странно, уже не страх, не почтение, а отчасти жалость. Все, чего он стремился достичь, рассыпалось в прах. Люди, которых он считал своими ближайшими друзьями, казались ему

предателями. Геринг, попытавшийся оттянуть удар на себя, перехватив власть, которой Гитлер уже был не в состоянии пользоваться, был обвинен им в измене. 25 апреля он прислал телеграмму: «Мой вождь! Ввиду Вашего решения остаться в крепости Берлин, согласны ли Вы, чтобы я немедленно принял на себя общее руководство рейхом при полной свободе действий внутри страны и за ее пределами в качестве Вашего заместителя? Если до 10 часов вечера сегодня не последует ответа, то я буду считать само собой разумеющимся, что вы утратили свободу действий. Я буду действовать в высших интересах нашей страны и нашего народа. Вы знаете, какие чувства я питаю к Вам в этот важнейший час моей жизни. Мне не хватает слов, чтобы выразить себя. Храни Вас Бог, и успехов Вам, несмотря ни на что. Верный вам Герман Геринг».

Гитлер воспринял это как предательство. Между тем Геринг, остававшийся на еще не захваченной союзниками территории, мог бы спасти если не положение вообще, то хотя бы Гитлера. Каким бы он ни был грабителем музеев и бонвиваном, Гитлера он уважал по-настоящему и вряд ли решился бы узурпировать власть. Во всяком случае, соберись он сделать это, разрешения у фюрера он бы не просил. Но Гитлер уже одержим паранойей. Он видит врага во всех и каждом, особенно после того, как выяснилось, что Генрих Гиммлер за его спиной вел переговоры с союзниками. Он приказывает арестовать Геринга. Ему больше не на кого опереться. Не на кого, кроме прощающей ему все и все еще его любящей Евы Браун. «Бедный Адольф! Тебя все бросили!» – восклицает она на полном серьезе, вторя его собственным мыслям. До последнего момента он старался удерживать ее подальше от войны, но в Берлин она приехала без разрешения, заявив, что хочет остаться с Гитлером.

Обстановка на фронте меняется быстрее, чем о ней успевают докладывать. Гитлер пытался быть в курсе дела, часами просиживая над гигантскими картами боевых действий, перемещая разноцветные булавки, определяя местонахождение подразделений, которых, чаще всего, на момент доклада об их расположении уже просто не было на свете. Его жизнь, само его существование становятся все более виртуальными. Его секретарша Гертруда («Траудль») Юнге задала ему не слишком тактичный вопрос: «Не кажется ли вам, что немецкий народ ждет, чтобы вы встали во главе войск и пали в бою?» – и получила ответ человека, который уже все обдумал и понял, что ждать больше нечего: «У меня дрожат руки, я едва могу держать пистолет».

Из людей, на которых он все еще может опереться, из его старых товарищей с ним остались только Мартин Борман и Йозеф

Геббельс. Кроме них в бункере – начальник генерального штаба Кребс, секретари, адъютанты, охранники. Гитлер вымотан до предела и выглядит, несмотря на свои 56 лет, как дряхлый старик. «Физически Гитлер являл собой страшную картину: он передвигался с трудом и неуклюже, выбрасывая верхнюю часть туловища вперед, волоча ноги, – вспоминает один из штабных офицеров, бывших с ним в бункере. – С трудом он мог сохранять равновесие. Левая рука ему не подчинялась, а правая постоянно дрожала… Глаза Гитлера были налиты кровью». Его уже с трудом узнают самые близкие соратники.

Надежды не оставалось не только на победу, но и на жизнь. 26 апреля советскими войсками уже были заняты три четверти Берлина. Почему Гитлер все еще не покончил с собой – непонятно. Изменить он уже ничего не может, бежать отказывается. Артур Аксманн предложил вывести его из Берлина под охраной молодежи из Гитлер-югенд, но его предложение было отвергнуто. Предложение прорваться на истребителе – тоже. Официально все его надежды – на 9-ю армию под командованием генерала Венка и на эсэсовских танкистов Штайнера. Но ни Венк, ни Штайнер не имеют шансов прорваться в Берлин и уж тем более остановить наступление советских танковых армий.

Гитлер представляет собой странное зрелище: с одной стороны, он тешит себя иллюзиями о чудесном переломе в ходе боевых действий, наподобие того, который спас в свое время Фридриха Великого, когда смерть российской императрицы Елизаветы Петровны и воцарение Петра III заставили русские войска не только прекратить наступление на пруссаков, но и встать на их сторону. К слову сказать, именно такой шанс Гитлер и его окружение постарались разглядеть в смерти американского президента Франклина Делано Рузвельта 26 апреля. С другой стороны, многие действия Гитлера выглядят вполне адекватными. Он очень четко планирует собственное самоубийство, отдает распоряжения, раздает тем, у кого их нет, ампулы с ядом на случай пленения русскими. Решимости и твердой воли должно было потребовать от него и решение следующего дня – о том, чтобы открыть шлюзы Шпрее. В результате затоплены станции метро, захваченные советскими войсками. Одновременно погибли находившиеся в метро раненые немецкие солдаты, женщины, дети, мирные обыватели, прятавшиеся от бомбардировок. Гитлера это волновало мало: он, привыкший ощущать себя полубогом, уверен, что с его смертью прекратит свое существование и Германия. По крайней мере, так, по его мнению, должно быть.

29 апреля – едва ли не самый значимый день из всех, что Гитлер провел в берлинском бункере. Он принимает

окончательное решение о том, чтобы уйти из жизни. Но для этого необходимо завершить все земные дела. А именно – воздать должное женщине, которая так долго и самоотверженно была рядом с ним, и написать завещание. На глубине 8 метров под землей происходит бракосочетание Гитлера и Евы Браун. Все не торопясь, как положено, в соответствии с законом. Свидетели – Геббельс и Борман. Составляется брачный контракт, совершается обряд венчания. Ева в первый и последний раз в жизни ставит на контракте подпись «Ева Гитлер». Потом – небольшое застолье – бледная тень тех застолий, что происходили в Имперской канцелярии или «Волчьем логове» в лучшие времена. Гитлер присутствует совсем недолго и уходит, чтобы составить завещание. Его секретарша Траудль Юнге вспоминает, что был уже вечер, когда Гитлер пригласил ее к себе в кабинет. «Ты не устанешь, детка? Я должен продиктовать тебе кое-что», – сказал он, и руки Траудль зафиксировали важнейшие документы конца войны – политическое завещание и последнюю волю Гитлера.

Секретарша Адольфа Гитлера вспоминает о днях, проведенных в бункере, так: «Как мы жили? Пили по вечерам чай, танцевали и в один из последних апрельских дней 1945 г. даже сыграли свадьбу одной из служащих. В то время с нами находилась семья Геббельса – жена Магда и шестеро детей. Гитлер уже понимал, что конец близок. Как-то вечером я, кто-то из охранников и Ева Браун поднялись на улицу. Все было разгромлено, повсюду рвались снаряды. Около одного из зданий Ева увидела красивую итальянскую скульптуру. Когда мы спустились назад, она спросила у фюрера: «Когда кончится война, ты мне купишь эту скульптуру?» Это было так страшно – слушать подобные вопросы, когда судьба этих людей была предрешена. Я не помню, что ответил ей фюрер. 30 апреля Гитлер сделал Еве предложение. На следующий день стало известно, что Гитлер решил покончить с собой. Он сидел, уткнувшись взглядом в стол, и было видно, что мыслями он уже не с нами. Неожиданно он попросил зайти меня. Сказал, что я буду печатать его политическое завещание. Я тогда подумала, что вот она, замечательная возможность понять, почему все так кончилось. Но Гитлер говорил абсолютно банальные фразы о том, что он сделал все, что мог и что должен, что будущее за нами, и так далее. Когда он начал диктовать длинный список министров, которым он намеревался завещать Германию, это было настолько неуместно… После всего этого разочарования, после всех страданий, которые мы пережили, он не произнес ни одного слова сожаления, ни намека на сострадание».

На следующий день после обеда по приказу Гитлера его

личный шофер Кемпка доставил в сад имперской канцелярии 200 литров бензина и доложил, что это – все, что есть. В комнате для совещаний Гитлер и Ева попрощались с обитателями бункера, после чего все вышли. Что происходило дальше – не видел никто. Не известно даже, каким образом правящая чета Третьего рейха покончила с собой. Согласно одной версии, основанной на показаниях личного камердинера Гитлера Линге, Адольф Гитлер и Ева застрелились. Если верить ей, когда Линге и Борман вошли в комнату, Гитлер сидел на софе в углу, на столике перед ним лежал револьвер, из правого виска текла кровь, а мертвая Ева находилась в другом углу. Свой револьвер она уронила на пол. Тут стоит вспомнить, как Гитлер жаловался на дрожащие руки и говорил, что он не удержит пистолет.

Интересно, что Рохус Миш описывает место происшествия иначе: «Линге, то ли Гюнше отворили дверь комнаты Гитлера. Тут я и заметил мертвую Еву в темно-синем платье с белыми рюшками и поджатыми ногами, лежащую на софе. Ее голова мирно покоилась на трупе Гитлера. Я так отчетливо помню эту картину, словно все случилось вчера». Личный телефонист Гитлера рассказал неизвестные подробности последних дней фюрера.

По другой версии, отчего-то гораздо больше полюбившейся историкам, Гитлер и Ева отравились цианистым калием. Перед смертью Гитлер также отравил свою любимую овчарку. Возможно, она так нравится всем и стала столь общепринятой оттого, что подсознательно хочется, чтобы смерть чудовища и тирана была возможно более позорной? Все-таки в смерти от пули в висок есть что-то героическое, а от яда – это смерть труса. Некоторые доходят в этом стремлении до полного абсурда: несколько лет назад одна немецкая журналистка от истории заявила, что Гитлер не застрелился, а был задушен, потому что ему не хватило мужества спустить курок. Никаких подтверждений этому, кроме своих эмоций, она не привела.

Есть и третий вариант, гласящий, что Гитлер застрелился, а Ева приняла яд. Но вывод из этого можно сделать следующий: никто толком так ничего и не знает. Самого самоубийства не видел никто, в описаниях картины, увиденной сразу после, есть серьезные расхождения. Именно это и питает версию о его «чудесном спасении».

Спустя некоторое время Борман приказал завернуть трупы в одеяла, вынести в сад и сжечь. Бензина не хватило, тела горели плохо и в конце концов их просто прикопали в воронке от снаряда. Именно не зарыли, а прикопали, так, что наружу торчали ноги. Учитывая, что похоронная команда состояла из

солдат войск СС, это выглядит как-то странно: беззаветно преданные своему фюреру, они не то что не воздали ему полагающихся почестей, а даже не похоронили по-человечески. Это часто вызывает недоумение у сторонников мифа о «чудесном спасении»: дескать, с пропагандистской точки зрения объяснение этому отыскивается превосходно: не таково было воспитание солдат войск СС, не таков немецкий менталитет, чтобы поражение в войне начисто выбило из них верность и понятия о чести. Мол, гвардия даже в Третьем рейхе, даже в последние его дни остается гвардией. При этом как-то упускается из виду, что романтический образ «рыцарей СС», созданный в тридцатые годы и в определенной степени соответствующий реальности к началу войны, к моменту поражения изрядно потускнел. Никто уже не занимался проверкой родословных и замерами черепов: в некогда элитные войска брали чуть ли не всех, кто попадался под руку. К примеру, иностранцев, причем даже не близких по крови к немцам, а таких, которые в соответствии с расовой доктриной национал-социализма однозначно зачислялись в разряд «недочеловеков» – азиатов, негров, славян… Не случайно в околонаучных кругах существует байка о «еврейских батальонах СС» – к концу войны казалось, что, если бы нацисты нашли евреев, готовых умирать за Третий рейх, они поставили бы в строй и их. Остатки этих «национальных легионов» были в апреле сорок пятого и в Берлине – они сражались упорно, понимая, что ничего хорошего в плену их не ждет. Так, Имперскую канцелярию обороняли французы из дивизии СС «Шарлемань». В то же время особых причин испытывать фанатичную любовь к покончившему с собой фюреру у них не было. Во всяком случае, не до такой степени, чтобы сооружать ему достойную усыпальницу под градом русских снарядов, когда каждая секунда пребывания на открытом воздухе была смертельно опасна.

Тела 4 мая обнаружил красноармеец Чураков. После этого они до 8 мая лежали без освидетельствования, и только потом были доставлены для осмотра и идентификации в один из берлинских моргов. Внешний осмотр давал основания предполагать, что это – останки Адольфа Гитлера и Евы Браун. Не знаю, как у Браун, а у Гитлера точно имелось несколько двойников. По крайней мере, в мае 1945-го только ленивый не докладывал о том, что обнаружен Гитлер, живой или мертвый. Что, впрочем, вполне можно списать на неизбежную в тех условиях лихорадку «поисков преступника № 1». Правда, придворный стоматолог Гитлера Гайзерман утверждал, что челюсти трупа полностью соответствуют зубной карте Адольфа Гитлера, но полностью исключить возможность провокации с

«подставными» телами все-таки было нельзя. Труп Евы тоже идентифицировали лишь по золотому мостику нижней челюсти.

На самом деле, в истории с идентификацией было много странных моментов. Жуков уже 6 мая – еще до окончания войны – объявил о том, что найдено тело Гитлера. Три дня спустя он говорил об этом событии как о предположительном. Иностранных экспертов, предлагающих свою помощь, к останкам не допускают, все процедуры опознания летом 1945 года проводят самостоятельно. За последующие несколько месяцев останки Гитлера, Евы Браун и семейства Геббельсов перезахоранивают семь (!) раз. Свой, казалось бы, последний приют они находят в районе Магдебурга в феврале 1946 года. Акт от 21 февраля 1946 года, подписанный начальником СМЕРШ 3-й Ударной армии, гласит:

«…В районе гор. Ратенов была вскрыта яма с трупами Гитлера, Браун, Геббельсов и их детей и генерала Крипс… Все перечисленные трупы находятся в полуистлевшем состоянии в деревянных ящиках и в таком виде были доставлены в гор. Магдебург, в расположение отдела контрразведки «СМЕРШ» армии и вновь закопаны в яме на глубине 2-х метров во дворе дома № 36 по улице Вестендштрассе».

Там останки пролежали на протяжении 24 лет. Лишь 13 марта 1970 года председатель Комитета государственной безопасности СССР Юрий Андропов направил генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу секретное письмо особой важности. В нем говорилось:

«В феврале 1946 г. в г. Магдебурге (ГДР) на территории военного городка, занимаемого ныне Особым отделом КГБ по 3-й армии ГСВГ (Группа советских войск в Германии), были захоронены трупы Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей (всего 10 трупов). В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям. Учитывая возможность строительных или иных земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести извлечение останков и их уничтожение путем сожжения. Указанное мероприятие будет произведено строго конспиративно силами оперативной группы Особого отдела КГБ и должным образом задокументировано».

Это, собственно говоря, и было исполнено. Тела эксгумировали, сожгли, а пепел рассеяли по ветру где-то над Эльбой. Все, что осталось от Гитлера, – это челюсть, которая хранится в Москве в специальном архиве.

Завеса секретности, которая сопровождала опознание и захоронение Гитлера (вполне обычная, впрочем, для советских спецслужб), обилие «белых пятен» во всей этой истории, слухи о двойниках Гитлера и жажда сенсации породили множество версий о «чудесном спасении». Наиболее известным их автором на сегодняшний день является, наверное, Абель Басти. Его теория неоднократно публиковалась в отечественной прессе – например, в газетах «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда», поэтому остановимся лишь на главных ее составляющих.

Итак, слово сеньору Басти:

«В моей книге приведены засекреченные ранее свидетельства из архивов ФБР, что 30 апреля в 16 часов 30 минут (то есть через час после предполагаемого самоубийства) Гитлера видели рядом с его личным самолетом Ju-52. По ночам всю последнюю неделю апреля авиатранспорт доверенных лиц фюрера приземлялся на проспекте Унтер-ден-Линден, где сохранились столбы уличного освещения. 25 апреля в «фюрербункере» было проведено тайное совещание по эвакуации Гитлера, в котором участвовали женщина-пилот Ханна Райч, знаменитый летчик Ганс Ульрих Рудель и личный пилот Гитлера – Ганс Баур. Секретный план безопасного перемещения фюрера из осажденной столицы Третьего рейха получил кодовое название «Операция «Сераль».

Через два дня в Берлин прибыло пять самолетов «Шторх» (каждый с местами для десяти пассажиров), 28 апреля прилетел и тот самый Ju-52, пилотируемый летчиком Боссером, – это официально подтверждено разведкой союзников. Спустя сутки по приказу генерала Адольфа Галланда в воздух над столицей рейха были неожиданно подняты последние силы ВВС Германии – целая сотня реактивных истребителей Ме-262. Они прикрывали самолет Ханны Райч: ей удалось прорваться через огонь советских зениток и улететь из Берлина – это был экспериментальный полет, и факт его проведения никем из историков не оспаривается. На следующий день по уже опробованному фрау Райч сценарию Берлин покинул и Адольф Гитлер – он направлялся в Испанию, откуда в конце лета отплыл на подводной лодке в Аргентину. Его сопровождали Ева Браун, Мюллер и Борман».

Не хотелось бы до поры до времени комментировать эти строки, но не удержусь и отмечу некоторые явно несуразные вещи. Во-первых, Басти, видимо, никогда не был в Берлине и даже не потрудился посмотреть его фотографии. Посадка трехмоторного транспортного самолета на улицу Унтер-ден-Линден невозможна в принципе – даже в мирное время, не то что в апреле сорок пятого, когда она была усеяна глубокими воронками. Другое дело «Шторх» – легкий связной самолет

Fi-156, который действительно мог взлететь, что называется, с пятачка. Но места для десяти пассажиров на каждом – это нечто за гранью добра и зла: известно, что, когда во время операции Скорцени по спасению Муссолини в 1943 году в этот двухместный самолетик втиснулись три человека – включая пилота, он едва смог оторваться от земли. И уж до Испании он явно дотянуть не мог.

Но вернемся к Басти. Аргентинец увлекательно рассказывает историю с тремя подводными лодками, прибывшими после окончания войны к берегам его родины с фюрером и его свитой на борту:

«Я основывался на показаниях свидетелей, которые уже после войны наблюдали прибытие трех подводных лодок со свастикой в крохотную бухту Калета-де-лос-Лорос, расположенную в аргентинской провинции Рио-Негро. Вы скажете: Аргентина формально находилась в состоянии войны с Германией с 27 марта 1945 года – может быть, это следы прошлых морских боев? Однако в архивах Министерства обороны Аргентины нет ни единого слова о потоплении каких-либо немецких субмарин. Тогда откуда же взялись эти затонувшие суда, лежащие на грунте? Я подал запрос о том, что подводные лодки необходимо поднять на поверхность и тщательно исследовать. Германские субмарины приплывали в Аргентину после войны несколько раз – например, подлодка U-977 прибыла в страну 17 августа 1945 года: предполагается, что ее командир Хайнц Шеффер перевозил золото и другие ценности Третьего рейха».

Происходит банальная подмена понятий: то, что аргентинские военно-морские силы не топили эти лодки, еще не значит, что они не могли затонуть. Действительно, после войны к берегам Латинской Америки пришли несколько субмарин под флагом Третьего рейха. Это – общеизвестный факт. Речь идет о подводниках, которых конец войны застал в открытом море. Перед капитанами действовавших в Атлантике субмарин (а их было больше сотни) встал выбор: возвращаться в Германию и сдаваться на милость победителям… или прорываться к берегам, где можно было рассчитывать на благосклонный прием. Хотя подавляющее большинство выбрало первый вариант, несколько экипажей предпочли пойти вторым путем. Не подозревая, что журналисты вскоре «нагрузят» их субмарины ценностями, архивами и ключевыми деятелями Третьего рейха.

Обращаясь к версии о самоубийстве Гитлера, Басти легко объявляет ее выдумкой – по той простой причине, что показания очевидцев расходятся. Аргентинскому исследователю, видимо, невдомек то, что известно каждому следователю – показания

свидетелей расходятся всегда. Если, конечно, они правдивы. Вот когда истории, рассказанные разными людьми, совпадают до мелочей – это уже повод насторожиться, явный признак сговора. Басти же пишет:

«Не существует ни единого человека, который видел бы своими глазами, как Гитлер раскусил ампулу с ядом и выстрелил себе в голову. История самоубийства фюрера от начала до конца выдумана людьми из его близкого окружения – это был специальный план, чтобы сбить всех с толку. Но даже на первый взгляд в показаниях очевидцев смерти Гитлера существует несколько противоречий, если вы изучите архивные документы. Сначала сказано – он отравился. Потом – нет, выстрелил в висок. После – извините, сначала отравился, а потом застрелился. Цианистый калий вызывает мгновенную смерть и конвульсии: как после этого человек нажал на спусковой крючок пистолета?»

Зато свидетельств пребывания Гитлера в Аргентине, по его словам, более чем достаточно:

«За пятнадцать лет я провел сотни интервью прямых свидетелей присутствия Гитлера в Аргентине. Большинство из них начали говорить только сейчас – многие нацисты в Аргентине умерли, им уже нечего бояться, хотя до сих пор далеко не все идут на контакт».

Возникает резонный вопрос: если Гитлера видела едва ли не каждая уличная собака (если сотни человек, видевших Гитлера в пятидесятые, дожили до девяностых, то каково должно быть число людей, попросту умерших за это время от старости!), то почему его не схватили? К примеру, израильский «Моссад», прославившийся ловлей по всему свету бывших нацистов? На этот вопрос у Басти тоже готов ответ. Все дело, пишет он, в мировой закулисе:

«Бегство Гитлера в Аргентину и перемещение десятков тысяч нацистов в Южную Америку – результат сговора между Берлином, Вашингтоном и Лондоном. Взамен союзники получили новейшие технологии Третьего рейха – ракетные и космические исследования, реактивные истребители, атомный проект, тысячи уникальных специалистов вроде ракетчика Вернера фон Брауна. Им также достался золотой запас гитлеровской Германии – на нынешние деньги примерно 100 миллиардов долларов: хотя, по официальной версии, поезд с нацистским золотом и бриллиантами бесследно исчез. План эвакуации руководства Третьего рейха стал разрабатываться уже в 1943 году – этим проектом персонально руководили Мюллер и Борман. За полтора года до окончания войны в Южной Америке были куплены виллы, гостиницы, фирмы, магазины, банки – функционеры Третьего

рейха приезжали уже на все готовое. Кроме того, Британия и США нуждались в опыте гитлеровских специалистов, чтобы бороться с коммунизмом: сверхдержавы готовились к новому конфликту с Советским Союзом – за все это Гитлер и купил свою жизнь. Поэтому его никто и не собирался ловить, он негласно находился под англо-американской защитой.

Документально подтверждено, что высшие чины гитлеровской Германии вели зимой – весной 1945 года переговоры с американцами и англичанами. Считается, что Гитлер об этом якобы ничего не знал. Насколько он мог чего-то не знать в государстве с тотальной слежкой, где все доносили друг на друга, а люди боялись сказать правду в постели собственной жене? Эсэсовцы вроде Адольфа Эйхмана или Клауса Барбье, уничтожившие сотни тысяч людей, были переправлены в Латинскую Америку спецслужбами США и Великобритании в обмен на сотрудничество, что также подтверждено рассекреченными документами – вы можете их посмотреть в архивах этих стран, они лежат в свободном доступе. Все было отлично организовано: на наш континент переехали около СТА ТЫСЯЧ бывших гитлеровцев».

Здесь Басти использует крупицы правды, чтобы придать видимость объективности своей версии. Победители действительно были крайне заинтересованы и в боевом опыте германских офицеров, и в научно-технических достижениях Третьего рейха. Генералы вермахта в США прилежно описывали свои «утерянные победы» и «роковые решения», а Вернер фон Браун помогал воплощать в жизнь американские космические программы. Немецкие реактивные истребители десятками отправлялись через океан, а «Фау-2» послужила прототипом для первого поколения советских баллистических ракет. Но при чем тут, простите, Гитлер? Какую ценность представлял обанкротившийся фюрер? Никакой.

Но Басти это не смущает. Как писали классики советской литературы, Остапа несло. И вот уже сотни тысяч гитлеровцев отправляются через океан в Южную Америку. Миграция, которая не могла не найти своего отражения даже в демографической статистике и которую просто невозможно скрыть. Но Басти уверен: мировая закулиса может все.

Как сложилась дальнейшая судьба фюрера? По мнению Басти, он скончался в Аргентине в 1964 году. Возможно ли это? Ведь в последние месяцы войны Гитлер был уже жалкой развалиной! Оказывается, и это препятствие можно изящно обойти:

«Перед «непосвященной» публикой появлялся один из

двойников фюрера, который выглядел старше своих лет. Этот человек, изображавший Гитлера, остался в бункере до конца – там он в результате и погиб. Если вы помните, сначала советские офицеры нашли тело двойника фюрера, и его адъютант сказал: «Вот он». Но во внешности имелись несоответствия, после чего был обнаружен другой труп, обгоревший до неузнаваемости, его и было решено считать Гитлером. То есть в любом случае получается, что двойник фюрера был, и вовсе не один».

Вспоминается анекдот о том, что в Багдаде, по сообщениям информационных агентств, было найдено не только пять двойников, но и два тройника и даже один удлинитель Саддама Хусейна. Но Басти легко перекрывает любые анекдоты, когда говорит о том, что Ева Браун, вероятно, жива до сих пор!

«Ева Браун была намного моложе Гитлера, и у меня на данный момент нет никаких доказательств, что она умерла. Вполне возможно, что Браун до сих пор живет в Аргентине: у нее в роду все были долгожители, мать Евы скончалась в 96 лет. В настоящее время я исследую эту тему и одновременно продолжаю поиски места, где мог быть похоронен фюрер. Кроме того, совершенно точно: у Евы Браун и Адольфа Гитлера в Аргентине родились дети. Но, поскольку мои исследования по этому вопросу еще не закончены, определенную информацию я вам предоставить пока не могу».

Собственно говоря, существует множество других версий спасения Гитлера, но все они в своих основных пунктах повторяют то, о чем пишет Басти. Еще раз отметим для себя основные, ключевые точки этой гипотезы. Во-первых, у Гитлера было много двойников, один из которых и сыграл, так сказать, роль его трупа. Во-вторых, Гитлера тайно вывезли из Берлина так, что никто не заметил подмену. В-третьих, он был тайно переправлен в Южную Америку на подводной лодке и жил там долго и счастливо… Посмотрим, насколько все это было реально.

Но в первую очередь зададим вопрос, которого по понятным причинам старательно избегают все мифотворцы: мог ли такой человек, как Гитлер, вообще заниматься своим спасением?

Широко известно, что лидер Третьего рейха действительно считал себя кем-то вроде мессии, который должен либо привести свой народ к победе и мировому господству, либо погибнуть вместе с ним. Причем нельзя сказать, что второй вариант был ему совершенно неприятен. Будучи подвержен мистике, Гитлер высоко ценил героическую смерть. «Гибель богов» Вагнера была в числе его любимых произведений – и, более того, любимых идей. Вспомним, как он приказывал своим архитекторам строить как можно более циклопические сооружения – для того, чтобы их

развалины спустя тысячу лет рассказывали потомкам о величии погибшего Третьего рейха. Такая мысль просто не придет в голову прагматику.

Дело, которым он занимался, было для Гитлера делом его жизни. Свою личную судьбу он всегда связывал с победой своих идей. После провала «пивного путча» 1923 года он едва не покончил с собой – при том, что масштаб поражения был сравнительно невелик. Обстановка конца войны в гораздо большей степени соответствовала идее «гибели богов». Гитлер уже не надеялся на победу – он видел перед собой конец цивилизации, трагический и эпохальный конец, в котором должен был погибнуть он сам, созданный им рейх и оказавшийся недостойным его идей немецкий народ. Зная психологию Гитлера, можно сказать, что эта картина обладала для него определенной мрачной привлекательностью.

Гитлер не просто мечтал – он активно делал все для того, чтобы конец оказался как можно более грандиозным. 19 марта 1945 года он издал приказ о «выжженной земле», согласно которому «все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению». Никакого практического смысла этот приказ не имел, его главной задачей было увеличить масштаб германской катастрофы, чтобы сделать ее как можно более вагнеровской. Приказ не выполнялся, в первую очередь, из-за саботажа со стороны представителей германского капитала, которые вовсе не хотели уничтожать свое имущество во имя мистических фантазий Гитлера.

Фюрер тем временем утвердился во мнении, что немцы оказались недостойны своей великой исторической миссии и должны погибнуть, уступив место более сильным и жизнеспособным народам. Что касается своей собственной судьбы, то более всего он боялся попасть в руки врага и быть выставленным на посмешище – буйная фантазия Гитлера рисовала ему, как его в клетке возят по городам и весям Европы на потеху толпе. Такого он вынести не мог.

Вспомним также, что Гитлер неоднократно отказывался покинуть Берлин и отбыть в южные районы страны еще в то время, когда город не был окружен и эвакуация, вне всякого сомнения, увенчалась бы успехом. «Мне суждено победить или погибнуть вместе с рейхом», – говорил он. «Мне следовало бы принять это самое важное в моей жизни решение еще в ноябре

1944 г. и не покидать ставки в Восточной Пруссии», – заявил фюрер 22 апреля о своем самоубийстве. «В этом городе у меня было право отдавать приказы. Теперь я должен повиноваться приказу судьбы. Даже если бы у меня была возможность спастись, я не сделал бы этого. Капитан тонет вместе со своим кораблем».

Что могло заставить его изменить свое мнение? Стремление спасти свою жизнь любой ценой? Но в этом случае он постарался бы исчезнуть из страны как минимум месяцем раньше – надежды на победу все равно уже не оставалось.

Некоторые сторонники версии о «чудесном спасении» полагают именно так. Последние месяцы Гитлера якобы заменяли двойники. Идея, не выдерживающая никакой критики. В последние недели войны с фюрером встречались сотни людей, многие из которых прекрасно его знали. Скрыть подмену в таких условиях было просто невозможно. Б. Сапунов по этому поводу справедливо отмечает:

«Двойника можно было выставить на трибуне на значительном расстоянии от проходивших колонн демонстрантов. Там было достаточно внешнего сходства с оригиналом. Другое дело на деловых приемах, когда приглашенные хорошо знали мельчайшие черты облика фюрера, его манеру говорить, держаться, отдавать приказания. В такой обстановке никакой дублер не сможет заменить оригинала».

По этой же причине нужно отвергнуть версию о «хорошем самочувствии» Гитлера, которой оперирует Басти – дескать, плохое физическое состояние ловко симулировал его двойник. На самом деле, к концу войны – и об этом я уже неоднократно говорил – фюрер представлял собой развалину. Важно отметить, что это не было результатом какой-то мгновенной перемены, а представляло собой логический итог всей предшествующей «истории болезни» Гитлера, состояние которого постепенно ухудшалось с каждым годом. Подробные данные на этот счет приводит в своей книге Вернер Мазер: «Спина у него неизлечимо больна, цвет лица пепельно-серый. 22 июля 1944 г. доктор Гизинг испугался, увидев его впервые. Гитлер «произвел на меня… впечатление состарившегося… усталого и истощенного человека, – писал он в 1945 г., – который держится из последних сил… Его сутулая осанка, впалая грудь и поверхностное дыхание представляли собой астенически-лептосомные признаки, многие из которых, по-видимому, следовало приписать его физическому и духовному истощению». Лишь позднее, теснее общаясь с Гитлером, он понял, что этот Гитлер уже два года как не имеет ничего общего с фотографиями Хоффмана.

Уже в конце 1942 г. Гитлер с трудом переносит яркий свет.

Его глаза защищает необычно широкий козырек фуражки. При поездках по железной дороге окна вагона должны быть занавешены шторками. У него очень бледная, белая и дряблая кожа. Он очень остро реагирует на определенные вкусовые ощущения и запахи. У него нарушено чувство равновесия. «У меня постоянно такое чувство, будто я валюсь вправо», – рассказывает он в июле 1944 г. и жалуется при этом, что еще более неуверенно чувствует себя в темноте. У него поседевшие волосы, большие мешки под потускневшими глазами. Губы сухие и слега потрескавшиеся».

Одним словом, перед нами – практически живой труп. Учитывая, какое мощное воздействие физическое состояние производит на мышление человека, можно представить себе, насколько чуждыми могли показаться Гитлеру любые мысли о спасении.

Двинемся дальше. Была ли у фюрера техническая возможность спастись в последние дни Берлина? Отметим, что город в тот момент был не просто окружен, бои шли на улицах германской столицы. Прорваться сквозь боевые порядки советских войск, да еще и вместе с Евой Браун, Гитлеру элементарно не удалось бы. Остается один путь – по воздуху.

Здесь обычно в ходу три версии: о тяжелом транспортном самолете (или гидросамолете) и уже упоминавшемся «Шторхе». С первым все, в общем-то, ясно – все аэродромы в окрестностях Берлина были заняты советскими войсками, а приземлиться в центре города, к тому же превращенном в подобие лунного пейзажа, многомоторный транспортник элементарно был не в состоянии. Остается легкомоторный самолет, способный поднять максимум двух человек, включая пилота. Теоретически шансы у него были – так, 24 апреля знаменитая летчица Хана Райч вместе с последним главнокомандующим Люфтваффе Робертом фон Граймом прилетела к Имперской канцелярии на учебном «Арадо-60», а затем улетела обратно. Но при этом самолет попал под обстрел советской зенитной артиллерии, а Грайм был тяжело ранен в ногу. Шанс на то, чтобы вывезти Гитлера 28–29 апреля, был уже равен нулю. Тем более если речь шла об эвакуации не только фюрера, но и его приближенных.

Но даже если предположить, что Гитлеру удалось вырваться из кольца советских армий, ему еще предстоял путь в Аргентину. Если верить создателям мифов, для этой цели была собрана специальная стая подводных лодок – «Конвой фюрера». Излишне говорить, что никаких документальных следов существования этого «конвоя» не обнаружено. Между тем просто исчезнуть из документов субмарина не может, тем более если речь идет не об

одном экземпляре, а о целой эскадре. И скрыть эвакуацию будет очень, очень сложно.

Но ведь можно! – воскликнет читатель. Теоретически – да, это возможно. Вот только у функционеров Третьего рейха таких возможностей уже не было. Равно как и практически не было шансов скрыть свое пребывание в Южной Америке, если бы они все же благополучно туда добрались. Не случайно Басти пришлось в своей книге обеспечивать Гитлера мощной «крышей» в лице англичан и американцев. Действительно, инструментов для того, чтобы спрятать нацистского фюрера, у американцев хватало. Вопрос в другом – зачем им это делать?

Аргументы, которые приводит аргентинский исследователь, явно несерьезны. Дескать, победителям были нужны технологии Третьего рейха. Это верно, но при чем тут Гитлер? Он, что ли, руководил атомными и ракетными проектами? Все, что им было нужно – оборудование, документы, ученых, – союзники получили и так, предмета для торга с нацистами тут не было совершенно. Что еще мог предложить Гитлер своим противникам? Довольно распространенный ответ – он был опасным свидетелем, который мог многое рассказать о неких «тайных договоренностях с мировой закулисой». Но опасных свидетелей не прячут, их устраняют. В случае с Гитлером это можно было сделать очень легко – во всяком случае, куда проще, чем в обстановке строжайшей секретности тащить его в другое полушарие и долгие годы прятать там от всех, причем так неумело, что его за это время успели заметить «сотни свидетелей».

Итак, смысла скрывать факт спасения Гитлера для западных союзников не было никакого. А вот ущерб для репутации – в том случае, если бы шило все-таки не удалось утаить в мешке – оказался бы просто огромным. В итоге – несоразмерно большой и совершенно бессмысленный риск.

В общем, можно полностью согласиться с отечественным исследователем Львом Безыменским, которому в результате кропотливого расследования, продолжавшегося не один год, удалось установить, что:

«во-первых, Гитлер и Ева Браун действительно покончили жизнь самоубийством в бункере имперской канцелярии в ночь на 1 мая 1945 года;

во-вторых, в ту же ночь их тела были вынесены эсэсовцами в сад имперской канцелярии и сожжены в воронке недалеко от входа;

в-третьих, обгоревшие тела мужчины и женщины (предположительно – Гитлера и Евы Браун) были обнаружены 4 мая 1945 года в саду имперской канцелярии группой советских

солдат во главе с начальником СМЕРШ 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии Иваном Клименко;

в-четвертых, предварительное расследование, проведенное СМЕРШ 79-го корпуса непосредственно в мае 1945 года (опрос служащих имперской канцелярии и эсэсовцев, принимавших участие в сожжении тел), позволило сделать вывод о том, что обнаруженные останки принадлежали Гитлеру и Еве Браун;

в-пятых, окончательное следствие, проведенное СМЕРШ 3-й армии летом 1945 года, документально и неопровергаемо подтвердило версию о том, что обгоревшие трупы являются останками Гитлера и Евы Браун».

В этой связи у нас остается на повестке дня только один вопрос. Почему миф о «спасшемся Гитлере» так живуч? И почему авторы с поистине маниакальным упорством стремятся продлить его годы, а если не получается – приписать ему детей, родившихся в эмиграции?

Мне кажется, что помимо стремления заработать на дешевой сенсации тут есть и еще один, может быть, не до конца осознаваемый самими мифотворцами мотив. Дело в том, что чудесное спасение Гитлера подсознательно увязывается многими с сохранением актуальности коричневой угрозы. Дескать, раз спасся Гитлер и его приближенные – значит, Третий рейх продолжает существовать и угрожать всему человечеству.

Понятная, но крайне наивная логическая конструкция. Потому что гибель Гитлера еще не означала гибели его идей. И для того, чтобы на свете появилась новая коричневая чума, совершенно не обязательны ни потомки Гитлера, ни его поседевшие сподвижники, ни даже слитки золота из тайников НСДАП. Но это – тема для отдельного большого разговора…